

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РФ  
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра Социально-политических наук

Российское общество интеллектуальной истории

Самарское отделение

**Романтизм и позитивизм  
как историографические эпохи:  
современный взгляд**

**Сборник материалов методологического семинара,  
проходившего 19-20 октября 2012 г.  
в Самарской областной универсальной научной библиотеке**

Самара  
2015

ББК 63.2  
УДК 930:061.2/.3

Рецензент:  
д-р ист. наук, проф. Э.Л.Дубман

**Романтизм и позитивизм как историографические эпохи: современный взгляд.** Сборник материалов методологического семинара, проходившего 19-20 октября 2012 г. в Самарской областной универсальной научной библиотеке. Самара: СамГМУ, 2015. 204 с.

Сборник представляет материалы методологического семинара, проходившего в октябре 2012 г. в Самарской областной универсальной научной библиотеке и организованного Самарским отделением Российского общества интеллектуальной истории. В нем представлены доклады и сообщения участников семинара – историков и философов Москвы, Казани, Саратова, Самары. Материалы адресованы студентам, аспирантам исторических и других гуманитарных факультетов, преподавателям, научным сотрудникам и всем заинтересованным читателям.

Редакционная коллегия:  
Кутявин В.В., к.и.н., доцент (председатель),  
Занин С.В., д.и.н.,  
Леонтьева О.Б., д.и.н.

В оформлении обложки использована фотография скульптуры «Идущая Клио» (Октябрьская набережная, г. Самара). Скульптор Михаил Ершов (г. Санкт-Петербург).

© Авторы, 2015

## Содержание

### *Публикации*

<i>Кареев Н.И.</i> Кризис исторической науки. Публикация Г.П.Мягкова	4
<i>Доклады</i>	
<i>Мягков Г. П.</i> «Кризис исторической науки» в координатах науки (Н. И. Кареев vs Р. Ю. Виппер)	9
<i>Чернова Л.Н.</i> Позитивистская традиция в научных исследованиях представителей саратовской школы урбанистики	19
<i>Матвеев Г.Ф.</i> Юзеф Пилсудский в глазах русских	28
<i>Бельцер А.А.</i> Наследие позитивизма? Английский север в тюдоровскую эпоху в современной зарубежной историографии	46
<i>Бурлина Е.Я.</i> Музыкальная социология в контексте русской культуры	55
<i>Кобозева З.М.</i> Революционный романтизм по-обывательски	62
<i>Кутявин В.В.</i> О Михале Бобжинском	79
<i>Леонтьева О.Б.</i> Романтический позитивизм: к вопросу об историческом сознании российского общества XIX в.	86
<i>Малкин С.Г.</i> Как империи создают нации: романтизация шотландского горца в Великобритании во второй половине XVIII – первой трети XIX вв.	96
<i>Осипов Н.И.</i> Идеи Просвещения в конституции США 1787 года: историографические подходы в советской и российской американистике	104
<i>Сообщения</i>	
<i>Вяльцева Е.Н.</i> Польские диаспоры Российской империи в современной отечественной историографии	115
<i>Кислухин Н.В.</i> Мультикультурный дискурс в исторической науке: к постановке проблемы	125
<i>Логунцова Е.А.</i> Артур Мёллер ван ден Брук – идеолог «Июньского клуба»	130
<i>Маркелов А.Ю.</i> Э.Д. Гримм и его концепция принципата Августа	136
<i>Мединец М.Я.</i> Историческая политика: пример приднестровской проблемы	142
<i>Цыганова Я.М.</i> Романтический образ Среднего Поволжья в популярной литературе второй половины XIX – начала XX вв.	151

*Varia*

<b>Заводюк С.Ю.</b> Проблема взаимодействия судебных и административных институтов Российской империи в оценках историков права второй половины XIX в.	170
<b>Мендюков А. В.</b> Церковные преобразования Александра II и провинциальный приход во второй половине XIX века	181
<b>Сидиванкина С. К.</b> Специфика вещных прав в России периода НЭПа	194

## ПУБЛИКАЦИИ

*Н.И. Кареев*

### КРИЗИС ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

**Проф. Р. Виппер.**

**Кризис исторической науки.**

**Казань. 1921.**

[Л. 1] Под этим заглавием вышла небольшая брошюра, составляющая 4 выпуск «Сборников Ассоциации для изучения общественных наук при высших учебных заведениях города Казани». В ней помещены три статьи, из которых одна, средняя, бывшая докладом в каком-то историческом кружке, относится еще к 1913 году, две остальные, в их числе университетская вступительная лекция, написаны после и под влиянием мировой войны, совершившей целый переворот в историческом миросозерцании автора. Это-то свое личное переживание автор и называет «кризисом исторической науки». Мы имеем здесь дело именно с объективизированием субъективного настроения и с обобщением личного опыта, распространенным как бы на историков вообще. «Прежняя историческая манера», как выражается автор, была ориентацией в сторону «внутренней, социальной и культурной истории», в сторону «действий масс», в сторону «интересов» и «состояний», теперь же историческая мысль направляется к изучению «внешней, политической, дипломатической и военной истории», к изучению «личностей», «идей». «событий». Он даже осуждает прежнюю «манеру», поддерживавшуюся «своеобразными житейскими предрассудками», к числу которых, как «одно из курьезных явлений недавней современности», он относит пасифизм. При этом он ссылается на свой личный пример, на возникновение [Л. 2] в уме его особого интереса к военной истории, даже к «принципам военного искусства», на то, что его «новые знакомцы, военные», научили его понимать великое значение отдельных личностей в истории. Действитель-

но, это – кризис, но чисто личный, хотя автор большею частью говорит не я и мой, а мы и наш, очевидно, думая, что и все историки вообще или, по крайней мере» университетские преподаватели усумнились в своих прежних идеях и стали искать новых. С другими, я думаю, этого не случилось, и автор слишком обобщает свой индивидуальный случай, говоря о «наблюдаемой в современности перемене исторического метода, исторического толкования». Ему прямо кажется, что само «общественное мнение перешло от воззрения материалистического к идеалистическому».

В сущности, и до войны далеко не все историки были «материалистами», и рядом с историками социальными и культурными были историки политические, дипломатические и военные, были историки, не отрицавшие значение идей и роли личности в истории, так что в новом, собственно говоря, нового чего-нибудь нет, да едва ли те, которые занимались социальной и культурной историей, историей состояний и интересов масс и т.п. отвернуться от прежней манеры, чтобы делать все иначе, чем делалось раньше. Впрочем, в личном кризисе автора есть и хорошая сторона, заключающаяся в признании им односторонности каждой из обеих исторических ориентаций в их исключительности. «Очень хорошо, говорит он, было бы, если бы в науке, одновременно и согласно действовали бы тем и другим методом, [Л. 3] смотрели бы с той и другой точки зрения». Правда, «так, – по его мнению, – никогда не бывает», но если бы, действительно, это невозможно, в науке всегда были и будут деятели и того и другого направления, так что в этом отношении никакого общего кризиса в нашей науке не только не наблюдается, но и не предвидится.

Притом слишком уж схематично определение обеих ориентаций. Почему внутренняя история непременно как будто не касается отдельных личностей, идей, событий, а внешняя неизбежно как будто должна далеко стоять от преимущественного внимания к массам, к интересам, к состояниям? Почему одной нужно быть именно материалистичной, а другой – идеалистичной и при этом быть как раз идеалистичной – той, которая занимается войной? Как состояния, так и события бывают и во внутренней, и во внешней истории, и в обеих же

одинаково мы можем иметь дело как с массами, так и с личностями, как с интересами, так и с идеями, и где нужно, искать материалистических, а где нужно идеалистических объяснений. Нельзя же так круто поворачивать в пользу «обратного толкования», вопрос о котором ставится автором. Не слишком ли он поддался новой «полосе настроений» (выражение автора) под влиянием действительно страшной катастрофы, которая произошла с европейской цивилизацией и с русской государственностью? Не правильнее ли [Л. 4] говорить не о научном кризисе, а об эмоциональном импрессионизме, который, по моему мнению, вообще характеризует деятельность автора, и прежде бывшего склонным менять свои ориентации под теми или другими внешними влияниями?

Первой своей статье автор дал заголовок: «Состояния и события, массы и личности, интересы и идеи». Две другие посвящены критике теории прогресса, по отношению к которой он занял менее субъективную позицию, хотя и тут он слишком напирает на идею «непрерывного прогресса», о котором серьезно ведь в XIX веке почти никто и не говорил. И здесь указывается на «кризис»: от теории исторического прогресса нужно отказаться в пользу теории исторического круговорота. В данном случае, впрочем, перемена в мыслях автора началась еще до мировой войны. Что последняя заставила нас о многом позадуматься, это очень и очень понятно, но разве для историков война явилась чем-то новым, до такой степени небывалым прежде, что приходится из-за нее чуть ли не переосмысливать всю историческую науку, которой как будто совсем не приходилось иметь дело с фактами подобного рода?

Нет, хочется мне сказать, нет, никакого кризиса в нашей науке не наблюдается в смысле сознаний «общественным мнением» необходимости заменить прежние положения другими, иногда обратными.

Н. Кареев.

№ № п. п.	Делопр- изводст- венные индексы	Крайние даты сд. хр.	Заголовок единиц хранения	К-во листов	Примечание
48		[ 1920 ]	<p>КАРЕЕВ Николай Иванович Историк, поч. член АН СССР с 1929 г. "Кунов и борьба классов в эпоху революции". Рецензия. Автограф. Примечание: 2-й лист отсут- ствует, остальные сильно помяты и порваны.</p>		
49		[ 1921 ]	<p>КАРЕЕВ Николай Иванович. Историк, почетный член АН СССР с 1929 г. "Кризис исторической науки". Рецензия на книгу Р. Ф. Винне- ра. Автограф.</p>	4	
50		[ 1924 ]	<p>КАРЕЕВ Николай Иванович Историк, почетный член АН СССР с 1929 г. "П. Н. Ардашев". Некролог. Автограф.</p>	4	
51		б/д	<p>КАРЕЕВ Николай Иванович. Историк. Почетный член АН СССР с 1929 г. Статья без начала (Отсутству- ет 1-е 10 листов). Автограф.</p>	8	
52		1938- 1939	<p>КАРОТАММ А. И. "Выступление Пруссии в 1813г." Машинпись с рукописными вставками.</p>	101	

2-й тип. Изд. АН СССР. Москва. Зап. 8412. Тир. 5000.

Книжка исторической науки

Проф. Д. Винтер. Кризис истории  
тезной науки. Казань. 1921.

Под этим заглавием вошла небольшая  
 брошюра, составленная 4 волевыми  
 «борниками» Ассоциации для изуче-  
 ния общественных наук при военных  
 учебных заведениях города Казани. В ней  
 помещены три статьи, из которых  
 одна, средняя, посвящена в каком-то  
 историческом критике, относясь еще к  
 1913 году, где упоминается, в их числе  
 упрямая историческая буржуазия  
 левыми, написана после и под влия-  
 нием мирового кризиса, совершившей  
 собой переворот в историческом  
 мироощущении автора. Это-то свое  
 личное переживание автор и называ-  
 ет «кризисом исторической науки». Мы  
 имеем здесь дело именно с объектив-  
 ным кризисом субъективного научного  
 мышления, а не с объективным  
 кризисом науки вообще. «Предыдущий истори-  
 ческий манера» как он выражается  
 автор, была ориентированной в сторо-  
 ну «экономической, социальной и куль-  
 турной истории», в сторону «деятель-  
 ности», в сторону «интересов»  
 и «интересов», теперь же истори-  
 ческая мысль направляется к  
 изучению «внешней, политиче-  
 ской, дипломатической и военной  
 истории», к изучению «интересов»,  
 «идей», «событий». Он осуждает  
 предыдущую «манеру», поддери-  
 живая «своеобразными факти-  
 ческими и прекрасными», к чему  
 приводит, как «одно из курьез-  
 ных явлений недавней совре-  
 менности», от которого нас  
 кризис. При этом он считает  
 на свой личный кризис, а не

2 Дале

Публикация Г. П. Мягова

## ДОКЛАДЫ

*Г.П. Мягков*

### **«КРИЗИС ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ» В КООРДИНАТАХ НАУКИ (Н.И. КАРЕЕВ VS Р.Ю. ВИППЕР)**

«Рукописи не горят». Кто только по самым различным поводам ни цитировал эту вложенную в уста Воюанда мысль «Мастера». И такое повышенное внимание к сентенции не случайно: она выражает веру в то, что слово, живую человеческую мысль нельзя ни уничтожить, ни запретить. А «похоронить»? Спрятать? Разумеется, ради сохранения. И, верно, «рукопись» не «сгорит», отложившись даже в каком-нибудь провинциальном архивохранилище, а тем более – в самом что ни на есть лучшем. Но до тех пор, пока она не востребована, пока не «заговорила», найденная и введенная в научный оборот, рукопись «мертва», слово, в ней выраженное, не услышано.

Вот и судьба публикуемого документа – рецензии Н.И. Кареева на брошюру Р.Ю. Виппера «Кризис исторической науки» – подтверждает сказанное. Четыре странички формата А4, заполненные текстом, написанным ясным, убористым почерком, хорошо известным всем исследователям творчества его автора, отложились в фонде академика Е.А. Тарле (ф. 627) Архива Российской академии наук (Москва)<sup>1</sup>, что и определило их и историческую, и историографическую судьбу. Находишь они в знаменитом 119 фонде – фонде Н.И. Кареева – Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, они непременно бы «встретились» с достаточно многочисленной когортой карееведов. Фонд же академика Е.В. Тарле в АРАН последними «посещался» не часто. Тем не менее сигнал имелся: старейшина российских исследователей творчества Н.И. Кареева В.П. Золотарев, готовя библиографию его научных трудов, созданных в пе-

---

<sup>1</sup> См.: *Кареев Н.И.* Кризис исторической науки. Проф. Р. Виппер. Кризис исторической науки. Казань. 1921 // Архив Российской академии наук. Ф. 627. Оп. 5. Д. 49. Л. 1-4.

риод 1917–1931 гг., включил сведения о рецензии в список работ, созданных ученым в 1921 г.<sup>1</sup> И хотя, как покажем ниже, отнесение к этому году было ошибочным, важно было обнаружение рецензии.

Почему же исследователи «проглядели» это указание-свидетельство, не проявили, по крайней мере, должного внимания? Логично предположить, что это стало следствием некой операции совмещения неопубликованной «рецензии 1921 г.» с рецензией Н.И. Кареева, опубликованной в 1922 г. в журнале «Педагогическая мысль»<sup>2</sup>. Именно так рассуждал и автор этих строк в конце 1993 г., когда начал работать над подготовкой к публикации в набиравшем авторитет у российских читателей альманахе «Рубеж» (Сыктывкар) фрагмента из изданной в Казани брошюры Р.Ю. Виппера «Кризис исторической науки» – текста его вступительной лекции к курсу «Международная и политическая история новейшего времени», прочитанной в Москве 16 ноября 1920 г., открывавшего брошюру.

Идея этой публикации возникла как ответ на просьбу члена редсовета проф. В.П. Золотарева представить для альманаха актуальные, на мой взгляд, материалы из забытого наследия русских историков. Тогда, как известно, читателю энергично начали возвращать многие труды... Предложение было сделано и одобрено редколлегией<sup>3</sup>. В результате текст лекции – теперь во второй раз

---

<sup>1</sup> См.: 1921 г. ...[Рецензия] // Архив АН СССР (МО). Ф. 627. Оп. 5. Д. 49. Л. 1-4. – Рец. на кн.: Виппер Р. Кризис исторической науки. Казань, 1921 // Научные труды Н.И. Кареева (1917-1931) / составитель В.П. Золотарев // Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подготовка текста, авт. вступ. ст. и комментариев В.П. Золотарев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 364. Этим годом рукопись обозначена в описи дела (см.: АРАН. Ф. 627. Оп. 5. С. 7. – URL: [www.isaran.ru](http://www.isaran.ru)). Дата – 1921 – заключена в квадратные скобки – свидетельство, что датировка сделана составителями описи.

<sup>2</sup> См.: *Кареев Н.И.* [рец.:] Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921 // Педагогическая наука. 1922. № 3-4. С. 81-82.

<sup>3</sup> Предложено было два проекта – опубликовать: 1) фрагмент из брошюры Р.Ю. Виппера «Кризис исторической науки» (Казань, 1921) и 2) «Вступление», открывающее фундаментальный труд М.М. Ковалевского «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (М., 1898. Т. 1. 712 с.). Оба проекта были осуществлены. См.: *Vunner Р.Ю.* Состояния и события, массы и личности, интересы и идеи (Из книги «Кризис исторической наук». Казань. Государственное изд-во. 1921. С. 3-14) // Рубеж. Альманах социальных исследований. Сыктывкар, 1994. № 5. Текст: с. 69-80, коммент.: с. 81-87; *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы. Вступление // Там же. 1995. № 6-7. Текст: с. 12-36, коммент.: с. 36-52. Стоит добавить, что брошюра Р.Ю. Виппера «Кризис исторической науки» была

после 1921 г. – увидел свет в пятом выпуске «Рубежа»<sup>1</sup> вместе с вводной статьей и комментариями<sup>2</sup>.

Обращение к брошюре Р.Ю. Виппера, точнее, к теме кризиса исторической науки, произошло не случайно, поскольку означенная выше идея публикации возникла под влиянием дискуссии, развернувшейся в ходе международной научной конференции «Историческая наука в меняющемся мире», состоявшейся в Казани 30 мая – 3 июня 1993 г. и призванной, как подчеркивалось её участниками, в условиях радикальных перемен, происходивших в мире и в СССР-России понять задачи, стоявшие перед исторической наукой. Наступивший «период исторического безвременья», по определению проф. А.С. Шофмана, требовал «огромного прорыва в теории», «научиться жить в обстановке плюрализма мнений в сфере истории и в её методологии, отказаться от односторонней ориентации, искать новые подходы и альтернативные концепции и интерпретации истории, отказаться от идеологических схем и одномерных трактовок, вместе с тем не отказываясь от того, что уже достигнуто, работает и проверено практикой»<sup>3</sup>.

На конференции с докладом «Понятие кризиса русской историографии в меняющемся социальном контексте XX века» выступил энергично работавший над темой кризиса один из ярких представителей томской историографической школы, ученик проф. Б.Г. Могильницкого С.П. Рамазанов. Анализ интерпретаций понятия «кризис русской исторической науки», появившихся со времени выступления Р.Ю. Виппера в 1921 г. до начала 90-х годов XX века, позволил автору придти к заключению, что к моменту обсуждения проблемы на конфе-

---

подарена автору этих строк его другом и однокашником Владимиром Кузьмичом Колесниковым в 1969 г.

<sup>1</sup> См.: *Виппер Р.Ю.* Состояние и события, массы и личности, интересы и идеи (Из книги «Кризис исторической науки». Казань. Государственное изд-во. 1921. С. 3-14) // Рубеж. Альманах социальных исследований. № 5. Сыктывкар, 1994. С. 69-80.

<sup>2</sup> См.: *Мягков Г.П.* Наставница в роли ученицы. Теоретические исследования Р.Ю. Виппера в координатах науки и политики // Рубеж. Альманах социальных исследований. № 5. Сыктывкар, 1994. С. 59-68; коммент.: с. 80-87.

<sup>3</sup> *Шофман А.С.* Проблемы смены поколений в отечественном антиковедении XX века // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 1. Историография всеобщей истории / под ред. И.И. В.Д. Жигунина, Г.П. Мягкова, И.И. Шарифжанова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. С. 84.

ренции «произошло возвращение к трактовке кризиса как нормального состояния в развитии исторической науки», что, в свою очередь, свидетельствовало о «нормализации развития современной историографии России»<sup>1</sup>. Надо учесть и то, что к описываемому времени тема кризиса исторической науки благодаря во многом трудам А.Я. Гуревича<sup>2</sup>, Б.Г. Могильницкого, А.Н. Нечухрина, С.П. Рамазанова, Б.Г. Сафронова, О.В. Сеницына и др. приобрела принципиально иную трактовку по сравнению с периодом, когда в советской исторической науке господствовала явно односторонняя, идеологизированная его интерпретация<sup>3</sup>. По сути, совершалось осознание относительности утверждавшейся десятилетия «истины» о сути кризиса буржуазной историографии, и этим, говоря словами профессора Б.Г. Могильницкого, также участника конференции, подрывались «эпистемологические основы тоталитарного сознания с его двуцветным видением мира и агрессивной непредсказуемостью суждений»<sup>4</sup>.

Работая над статьей, предпосылаемой к публикации текста Р.Ю. Виппера, автор замыслил показать, какой была непосредственная реакция современников на объявленный в казанской публикации «кризис исторической науки». Что же дал анализ? Оказалось, что это был, по сути, первый «бой за историю», который в 1922 году с подавляющим перевесом выиграла представители утвер-

---

<sup>1</sup> Рамазанов С.П. Понятие кризиса русской историографии в меняющемся социальном контексте XX века // Там же. С. 93-94. Для самого автора это выступление стало важным моментом апробации результатов исследования и подготовки к защите докторской диссертации. См.: Рамазанов С.П. Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Томск, 1995.

<sup>2</sup> См.: Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2-3.

<sup>3</sup> В советской историографии проблемы кризиса русской буржуазной историографии в 70–80-е годы сложились две точки зрения: сторонники первой (акад. Л.В. Черепнин, М.А. Алпатов, А.А. Искендеров, акад. И.Д. Ковальченко, А.Е. Шикло, Л.Н. Хмылев и др.) связывали причины кризиса с усилением реакционной природы буржуазной идеологии в 90-е годы XIX в., движением буржуазной историографии от «первого» позитивизма не к марксизму, а к неопозитивизму и неокантианству; сторонники второй (Е.В. Гутнова, А.И. Данилов, Б.Г. Могильницкий, А.С. Шофман и др.) усматривали связь нарастания кризисных тенденций с крахом идей российского либерализма в ходе революции 1905-1907 гг. См.: Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988. С. 168-169; Нечухрин Н.А. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно: ГрГУ, 2003. С. 4-5.

<sup>4</sup> Могильницкий Б.Г. Проблема исторической истины в современной западной историографии // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. I. С. 12.

ждавшего свою гегемонию марксистского историознания, точнее, марксистской идеологии, занявшей уже командные высоты в средствах массовой коммуникации. В «бой» были брошены действительно лучшие силы, с критикой виPPERовских текстов выступили М.Н. Покровский, Ц. Фридлянд, Н. Карев, отмечена «виPPERиада» даже именем В.И. Ленина<sup>1</sup>. В развернувшемся «бою» вопросы гносеологии, поднимаемые ВиPPERом, критиками-марксистами практически не обсуждались, их «анализ» брошюры в «координатах политики» служил для решения задач идеологической борьбы<sup>2</sup>. Однако, куда важнее оказался другой результат этого «боя»: заданное в 1922 г. отношение к брошюре Р.Ю. ВиPPERа оставалось практически неизменным до начала 90-х годов XX века; сформулированная в ней «идея» о «кризисе исторической науки» рассматривалась – по известной правовой доктрине: признание – *Regina probationum* – как *доказательство кризиса буржуазной исторической науки*<sup>3</sup>.

Единственно прозвучавшее в печати в 1922 г. мнение Н.И. Кареева, имевшее форму предельно краткой рецензии, разумеется, не было услышано, на него не обратили никакого внимания. Ученый предвидел подобное, а потому заявил о желании дать «более подробный разбор» своей аргументации «по обоим

---

<sup>1</sup> См.: Мягков Г.П. Указ. соч. С. 63-65.

<sup>2</sup> Так, Н. Карев находит, что после данных в «Кризисе исторической науки» определений «историк Р. ВиPPER мертв для истории, как науки...», что его идеология есть «реакционная идеология не изживших еще цеховых традиций представителей умственного труда» (Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 262). М.Н. Покровского, к слову, особенно взволновало, что «профессор ВиPPER» обращается «к очень юной аудитории» и объясняет ей «сюжет», не касаясь «теоретических глубин», а «...по обывательски – как добрые старые учителя объясняют малышам исторический процесс...» (Покровский М. Проф. Р. ВиPPER о кризисе исторической науки // Под Знаменем Марксизма. 1922. № 3. С. 34).

<sup>3</sup> Что это так, достаточно заглянуть в ставшие классикой марксистской историографии труды. См.: Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. 1917-1966. М., 1968. С. 35; Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада. 1917-1941 гг. М., 1974. С. 21 и др. Показательно, что советские историографы-«диадохи» были даже более строги, чем их предшественники, к совершившему после 1917 г. «отступничество от прежних прогрессивных позиций» Р.Ю. ВиPPERу. Так, О.Л. Вайнштейн счел «нужным заметить», что «из внимания к прошлым заслугам ВиPPERа рецензенты (Ц. Фридлянд, М.Н. Покровский, Н. Карев. – Г.М.) недостаточно подчеркнули вызывающе враждебный тон его выступлений в 1918-1923 гг., далеко выходящих за рамки научной полемики с марксизмом» (Вайнштейн О.Л. Указ. соч. С. 35).

пунктам «кризиса»<sup>1</sup>: во-первых, о том, свидетельствует ли о кризисе историографии «дрейф», переход историка с позиций одной «исторической ориентации» на другую; во-вторых, тезиса Виппера об особой ценности теории исторического круговорота, которая противопоставлялась теории прогресса.

Свое намерение написать более развернутую рецензию Н.И. Кареев осуществил, о чем свидетельствует отложившийся в фонде Е.В. Тарле текст. Он был написан все же позже опубликованного в 1922 г. И когда автору этих строк представился случай с ним познакомиться спустя несколько лет после выхода статьи «Наставница в роли ученицы» в «Рубеже», возникла и идея опубликовать эту рецензию, для чего было проведено копирование рукописи. Но изучение текста глазами читателя 90-х годов ничего не добавляло к тому, что было написано в 1994 г., а потому замысел, казалось, сам себя исчерпал.

С того времени историознание проделало значительный путь. Под влиянием современных эпистемологических поворотов произошло формирование основанной на принципах взаимной дополнителности социальной и культурной истории, микро- и макроанализа, объяснения и понимания неклассической модели историописания<sup>2</sup>. В частности, это выразилось в специальном изучении как самой проблемы «кризиса историографии»<sup>3</sup>, получившего импульс от идей постмодернизма, который пытался «сбалансировать то ценное, что содержится в ранее противостоящих друг другу методологических подходах», проявлял

---

<sup>1</sup> Кареев Н.И. [рец.:] Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921 // Педагогическая наука. 1922. № 3-4. С. 82.

<sup>2</sup> См.: Рамазанов С.П. О принципе дополнителности в историческом познании // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 43. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 24-25; Ретина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2014. Вып. 3. С. 137.

<sup>3</sup> См.: Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 1. Кризис историзма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001; Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в.– 1917 г.). Гродно: ГрГУ, 2003; Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 1999–2000; Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П. Содержание понятия «кризис историографии» // Крыніцазнаўства I спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал. У.Н. Сідарцоў, С.М. Ходзін (адк. рэдактары) [І інш.]. Мінск: БДУ, 2007. С. 35-46; Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань: Унипресс, 1998; Долгова Е.А. Споры о методе в российской исторической науке в 1920-е годы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1 (102). С. 166-172.

«неприятие “фундаментальных нарративов”, т.е. недоверие к абсолютным или универсальным и всеобъемлющим теоретическим системам» и т.п.<sup>1</sup>, так и в развертывании историко-антропологических исследований, поиска «реальности вне дискурса». Примером последних можно полагать работы В.А. Филимонова, обратившегося к изучению коммуникативного пространства и коммуникативных практик историков начала XX века, в том числе Н.И. Кареева и Р.Ю. Виппера<sup>2</sup>. В результате под влиянием «методологического прорыва» сформировался новый «вопросник», отражающий современную ситуацию перехода к изучению истории интеллектуальной культуры. «Если для историографии 1990-х – начала 2000-х годов, – констатирует О.Б. Леонтьева, – было характерно стремление постичь внутренние закономерности развития исторического знания, его парадигмальных основ, то для современной историографии актуальным стало изучение истории науки в широком социокультурном контексте»<sup>3</sup>. Вырабатываемая новая исследовательская программа включает анализ социальных, философских, научных, политических, экономических, эстетических и других идей, а также идеологических систем и дискурсов в их исторических контекстах.

Вот в этих новых условиях, полагаем, актуализировалось обращение к неопубликованной рецензии Н.И. Кареева, ибо не отягощенный никакими идеологическими, политическими, теоретико-методологическими и т.п. пристрастиями «допрос» даже столь небольшого – порядка 180 строчек в рукописи Н.И.

---

<sup>1</sup> Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П. Указ. соч. С. 45.

<sup>2</sup> См.: Филимонов В.А. Н.И. Кареев и Р.Ю. Виппер в дискуссии о всемирно-исторической точке зрения: анализ коммуникативной ситуации // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе / Отв. ред. Л.П. Репина, Л.А. Фадеева. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 170-173; он же. Российские антиковеды в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Люди и идеи: интеллектуальная культура Европы в новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 645-710. См. также: Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Р.Ю. Виппер: историк московской школы // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 44-50; Ковальчук С. Историк и его история: Роберт Юрьевич Виппер // Русский мир и Латвия. Альманах. Рига: Seminarium Hortus Humanitatis, 2011. № XXV. С. 200-210. URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/r-vipper-historian/>

<sup>3</sup> Леонтьева О.Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX–XX вв. как историографическая проблема // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. С. 204.

Кареева – текста позволит по-новому взглянуть как на саму ситуацию «обнаружения» Р.Ю. Виппером «кризиса исторической науки» в России, так и прояснить понимание «кризиса», зависимость его от нахождения исследователя в координатах науки и политики своего времени.

Оставляя главную работу читателю, хотелось бы подчеркнуть, что в свете рецензии Н.И. Кареева актуализируется вопрос об отношении к випперовской трактовке кризиса исторической науки, изложенной в «казанской» брошюре<sup>1</sup>, её характере. Возможно, Н.И. Кареев прав, вопрошая: можно ли считать «личное переживание автора»<sup>2</sup> «кризисом исторической науки»? Критик совершенно не находит в приводимых Виппером примерах «пересмотра», «критики» и «сомнений» никаких перемен: «В сущности, и до войны – пишет Кареев, – далеко не все историки были “материалистами”, и рядом с историками социальными и культурными были историки политические, дипломатические и военные, были историки, не отрицавшие значение идей и роли личности в истории, так что в новом, собственно говоря, нового чего-нибудь нет, да едва ли те, которые занимались социальной и культурной историей, историей состояний и интересов масс и т.п. отвернуться от прежней манеры, чтобы делать все иначе, чем делалось раньше» [Л. 2]. Иными словами, у Виппера, по Карееву, нет никаких оснований утверждать необходимость «крутого поворота», тем более в

---

<sup>1</sup> Современный анализ размышлений Р.Ю. Виппера см.: Могильницкий Б.Г. Указ. соч. С. 89-90; Нечухрин А.Н. Указ. соч. С. 160.

<sup>2</sup> Н.И. Кареев характеризует эти переживания как «эмоциональный импрессионизм». Были ли к этому у него основания? Очевидно, поскольку опыт предыдущих взаимоотношений ученых (см.: Филимонов В.А. Н.И. Кареев и Р.Ю. Виппер в дискуссии... С. 171) давал основания Карееву утверждать, что это качество «...вообще характеризует деятельность автора, и прежде бывшего склонным менять свои ориентации под теми или другими внешними влияниями» (Л. 4). Нельзя не учитывать здесь и масштаб переживаний и даже личной трагедии, которые испытал Р.Ю. Виппер. Анализируя причины, приведшие его к эмиграции в 1924 г., С. Ковальчук пишет: «Возможно, первая причина отбытия из советской России – глубокое “национальное падение”, свершившееся в октябре 1917 года. Смута в университетской среде – об этом Виппер не боясь писал в статьях 1917 – 1918 годов...». В эти же годы, сообщает исследователь, он пережил трагическую судьбу младшего брата О.Ю. Виппера, приговоренного летом 1919 г. Революционным трибуналом на организованном большевиками показательном процессе, призванном «разоблачить лицемерие царского правосудия». Заключение в концлагерь, он вскоре там погиб. См.: Ковальчук С. Указ. соч. URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/r-vipper-historian/>

вопросе отказа от теории исторического прогресса<sup>1</sup>. Внимательный читатель, возможно, в последнем тезисе даже услышит отголоски развернувшейся еще на рубеже веков дискуссии между Кареевым и Виппером по поводу научности всемирно-исторической точки зрения в преподавании истории, которую защищал Кареев, выступая против «*исторического атомизма*»<sup>2</sup>.

Публикуемая рецензия вышла из-под пера историка-позитивиста<sup>3</sup>, который и в новых исторических условиях «шептал» свое: «она вертится», защищая не только идеи и схемы «старого» позитивизма<sup>4</sup>, но и прокламируя выход на методологию социокультурного синтеза, подчеркивая: «Как состояния, так и события бывают и во внутренней, и во внешней истории, и в обеих же одинаково мы можем иметь дело как с массами, так и с личностями, как с интересами, так и с идеями, и где нужно, искать материалистических, а где нужно идеалистических объяснений» [Л. 3]. Позитивная оценка этого тезиса еще каких-нибудь лет 15-20 дала бы основания для «принципиальной критики», для обвинений по меньшей мере в методологическом эклектизме, а ныне в подобной позиции усматривают стремление к преодолению однобокости материальной и духовной истории, попытку «выхода» на теорию взаимодействия, теорию взаимной допол-

---

<sup>1</sup> Следует подчеркнуть, что речь идет о позициях ученых в 1921-1922 годах, когда, как еще казалось, новая власть и научное сообщество находились в поисках сотрудничества (см.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / редактор-составитель Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 374-439). В последующие годы происходит «смена дискурса в диалоге науки и власти»; был взят курс на установления контроля над научным сообществом (см.: там же. С. 454-473). Критика книги Р.Ю. Виппера и была сигналом к этому развороту.

<sup>2</sup> О дискуссии см.: Филимонов В.А. Н.И. Кареев и Р.Ю. Виппер в дискуссии... С. 172. См. также оценку разработанной Н.И. Кареевым «всемирно-исторической точки зрения» и ее эвристического потенциала для современной историографии в кн.: Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографические практики. М.: Кругъ, 2011. С. 247-248.

<sup>3</sup> О месте Н.И. Кареева среди позитивистского течения, о его опытах преодоления ряда существенных ограничений позитивистской парадигмы, о его заслугах в обосновании специфики исторического познания и т.д. см.: Нечухрин А.Н. Указ. соч. С. 31-35, 108-109, 111-112 и др.

<sup>4</sup> А.Н. Нечухрин подчеркивает: «Кареев выявил самое слабое звено, “ахиллесову пяту” позитивистской парадигмы в истории – гносеологию, и предложил собственные методологические разработки. При всей непоследовательности суждений исследователя некоторые его идеи сохраняют научную значимость по сей день» (Нечухрин А.Н. Указ. соч. С. 35). И далее: «философии истории Н.И.Кареева... открывала известные возможности решения проблем позитивистской парадигмы, однако не устраняла их» (там же. С. 81).

нительности, которая обрела жизнь в отечественном обществознании под воздействием методик современного естествознания только на исходе XX века. И если в настоящее время идея исторического синтеза рассматривается как путь выхода науки из кризиса, то, может быть, Н.И. Кареев, исходивший из опыта своей исследовательской практики, учитывавший поиск и результаты своих коллег-современников<sup>1</sup>, прав, утверждая, что означенный Р.Ю. Виппером в 1921 г. «кризис исторической науки» не состоялся и был лишь «объективизированием субъективного настроения», «обобщением личного опыта» историка в условиях катастрофы, произошедшей «с европейской цивилизацией и с русской государственностью»?

Сказанное позволяет подтвердить вывод, сделанный два десятилетия назад: у Кареева в вопросе о кризисе исторической науки были достаточно оснований «не соглашаться с диагнозом Р.Ю. Виппера»<sup>2</sup>. Отметим и такую параллель: Б.Г. Могильницкий, усматривая в тексте лекции «несомненно присутствующее рациональное зерно» – оно заключается «в предостережении от третирирования событий истории и сосредоточения всего внимания нашей дисциплины на изучении социокультурных состояний», заключает: «В полной мере с общей трактовкой Р.Ю. Виппера кризиса исторической науки мы согласиться не можем», особенно с его противопоставлением истории состояний истории событий<sup>3</sup>. Такое совпадение позиций находящихся на противоположных временных полюсах ученых в оценке взглядов Виппера на кризис исторической науки в 1921 г., можно объяснить тем, что они лежат в координатах науки – в отличие от тех оценок, которые до настоящего времени даются историческим трудам в координатах идеологий и политики.

---

<sup>1</sup> Здесь можно напомнить точку зрения выдающегося советского медиевиста Е.В. Гутновой. Рассматривая тему «кризиса буржуазной исторической мысли» и разделяя воззрения на «общий кризис буржуазной исторической мысли эпохи империализма», признавая, что он не обошел и Россию («кризисные явления затронули и русскую буржуазную медиевистику...»), тем не менее историограф, итожа результаты своих исследований, делает вывод: «...до 1917 г. в русской медиевистике нельзя констатировать ни общего методологического кризиса, ни сложившегося и влиятельного критического направления» (Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1984. С. 373).

<sup>2</sup> Мягков Г.П. Наставница в роли ученицы... С. 66.

<sup>3</sup> Могильницкий Б.Г. Указ. соч. С. 89-90.

## ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ САРАТОВСКОЙ ШКОЛЫ УРБАНИСТИКИ

*Наука, как известно, тем и хороша,  
что в ней никому не дано сказать  
последнее слово.*

И. Д. Ковальченко

Изменения, произошедшие в мире за последние несколько десятилетий, преобразовали и пространство социо-гуманитарного знания, включая современную историографию, тенденции которой, как никогда, многообразны и неоднозначны<sup>1</sup>. Представляется, однако, что при всех кардинальных переменах немаловажным и неизбежным, по сути, объективно обусловленным является сохранение устойчивых моделей интеллектуального опыта, их ре-актуализация в новом интеллектуальном контексте.

Не в последнюю очередь сказанное относится к наследию позитивистской историографии, обогатившей научную мысль рядом неоспоримых достижений, в числе которых – опора на теорию равноправных взаимодействующих факторов, признание закономерностей и прогрессивного, эволюционного характера общественного развития, расширение исследовательского поля историков, невиданное по масштабам накопление фактического материала и интенсивный, детальный анализ источников, выдвигание на первый план проблем социальной, экономической и культурной истории, междисциплинарность исторических исследований<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: *Репина Л. П.* Ситуация в современной историографии. Общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. М., 2011. С. 5.

<sup>2</sup> См.: *Гутнова Е. В.* Историография средних веков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1985; *Биск И.* История исторической мысли в новое время. Иваново, 1983; *Историки России XVIII – начало XX века.* М., 1996; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. М., 1997; *Степин В. С.*

Востребованность позитивистской парадигмы в современном интеллектуальном пространстве социо-гуманитарного знания подтверждается наличием множества концепций, называемых пост-позитивизмом<sup>1</sup>.

В данной статье попытаемся выявить некоторые традиции позитивизма в исследованиях одного из представителей старшего поколения Саратовской школы историков средневекового города Марии Моисеевны Ябровой.

Становление Саратовской школы средневековой урбанистики связано с именем Соломона Моисеевича Стама (1913-2010), в 1949 г. приехавшего в Саратов «с твердым намерением построить здесь свой Дом и продолжить нелегкое восхождение к вершинам профессионального мастерства историка-медиевиста»<sup>2</sup>.

Утверждение ведущего направления исследований коллектива воссозданной под руководством С. М. Стама кафедры истории средних веков Саратовского университета, каковым стало изучение истории средневекового города, произошло в 1960-е годы. Решающую роль в этом сыграло успешное завершение С. М. Стамом работы над докторской диссертацией «Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI-XIII веков)» в 1969 году<sup>3</sup>. Этот факт, а также многогранность городской проблематики обусловили возможность относительно быстрой «урбанизации» научных интересов сотрудников кафедры<sup>4</sup>, что ярко проявилось в научном творчестве ведущего представителя саратовской урбанистики Марии Моисеевны Ябровой.

М. М. Яброва родилась 5 июня 1923 г. в Гомеле (Белоруссия). В 1941 г., в канун Великой Отечественной войны, окончила среднюю школу, а в июле того же года из-за наступления немецко-фашистских войск с массой беженцев попала в Саратов. Здесь летом 1942 г. поступила на исторический факультет Ленин-

---

Философия науки. Общие проблемы. М., 2007: *Лебедев С. А.* Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М., 2008.

<sup>1</sup> Видными постпозитивистами являются современные английские философы К. Поппер и И. Лакатос, американские философы П. Фейерабенд и Т. Кун.

<sup>2</sup> *Галямичев А. Н.* Медиевистика в Саратовском университете: очерки истории (1917-1977). Саратов, 2010. С. 44.

<sup>3</sup> См.: Там же. С. 61.

<sup>4</sup> См. Там же. С. 81.

градского государственного университета, который в феврале 1942 г. эвакуировался из осажденного Ленинграда в город на Волге. В июле 1944 г., после прорыва блокады, вместе с университетом переехала в Северную столицу, где в 1946 г. с отличием окончила университет и была рекомендована в аспирантуру по кафедре истории средних веков. Ее научным руководителем еще со студенческих лет был известный историограф, историк-медиевист профессор О. Л. Вайнштейн (1894-1980)<sup>1</sup>. Он направил внимание начинающего исследователя на ранний этап английской колониальной экспансии, верно уловив научную проблему, которая требовала раскрытия и осмысления. Немалую роль в судьбе М. М. Ябровой сыграла профессор В. В. Штокмар, известный специалист по истории средневековой Англии.

После окончания аспирантуры М. М. Яброва была направлена на работу на исторический факультет Саратовского государственного университета, где в то время под руководством С. М. Стама воссоздавалась кафедра истории средних веков. С этой кафедрой, в штат которой она была зачислена в начале 1950/51 учебного года, и с Саратовским университетом связана вся дальнейшая научная и учебная работа М. М. Ябровой, вначале в должности ассистента, старшего

---

<sup>1</sup> Осип Львович Вайнштейн родился 6 декабря 1894 г. в г. Бендеры, Бессарабская губерния, окончил гимназию в Одессе, а затем – историко-филологический факультет Одесского (Новороссийского) университета, где преподавал в 1920-1925 гг. В 1935 г. Осип Львович переезжает в Ленинград, где его научная и преподавательская деятельность протекает последовательно на посту руководителя одного из отделов Института истории феодального общества ГАИМК, заведующего кафедрой средних веков Ленинградского университета (1935-1951 гг., уволен в ходе кампании против «безродных космополитов»). Возглавил кафедру истории в новообразованном Киргизском государственном университете в городе Фрунзе.) и, наконец, руководителя группы всеобщей истории Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В этом институте О. Л. Вайнштейн трудился до самой кончины. Для обширного научного наследия О. Л. Вайнштейна – свыше 150 печатных работ, из них 10 – объемистые монографии, – характерны, во-первых, широкий диапазон тематики: это и средние века, и новое и отчасти новейшее время, во-вторых, многоплановость его работ: например, вопросы историографии рассматриваются в связи с историей философии и общественной мысли. С годами в его исследованиях все сильнее проявлялся интерес к методологическим аспектам отечественной науки. При этом широта диапазона сочеталась у него с редкой полнотой и глубиной изучения источников (см.: URL: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p167461741.htm>. Дата обращения: 03.01.2013).

преподавателя, затем доцента и профессора<sup>1</sup>. Здесь раскрылись ее незаурядные способности преподавателя и исследователя.

В 1951 г. М. М. Яброва защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Начало колониальной экспансии Англии (70-80-е гг. XVI века)». В 1966 г. вышли «Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления»<sup>2</sup>, в которых были систематизированы многолетние исследования автора в этой области.

С начала 1970-х гг., в контексте смены исследовательского вектора кафедры истории средних веков, М. М. Яброва обратилась к изучению истории английского позднесредневекового города и зарождения раннего капитализма в Англии. Результаты исследований нашли отражение в серии статей, а общие итоги были подведены в монографии «Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI века)»<sup>3</sup>, вышедшей в свет в 1983 г. и в 1985 г. защищенной в Саратове в качестве докторской диссертации<sup>4</sup>.

Материал этой монографии позволяет выявить некоторые важные моменты, свидетельствующие о преемственности тематики, исследовательских подходов и приемов, используемых и применяемых М. М. Ябровой и наиболее известными британскими историками-позитивистами второй половины XIX – начала XX вв.

Прежде всего, необходимо отметить хорошее знание, тщательный анализ трудов корифеев английской позитивистской историографии, в первую очередь историко-экономического направления – Торольда Роджерса (1823-1890)<sup>5</sup>, Уильяма Дж. Эшли (1860-1927)<sup>1</sup>, Уильяма Кеннингема (1849-1919)<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> С 1994 г. М. М. Яброва проживает в Израиле (г. Тель-Авив).

<sup>2</sup> См.: Яброва М. М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966.

<sup>3</sup> См.: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI века). Саратов, 1983.

<sup>4</sup> См.: Галямичев А. Н., Мосолкина Т. В. М. М. Яброва – видный историк-медиевист // Средневековый город. Межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 1998. Вып. 12. С. 5-11.

<sup>5</sup> См.: Rogers T. Six centuries of Labour and Price. L., 1884. Рус. пер.: Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в. СПб., 1899. Напомним, что Т. Роджерс, вы-

Далее, сама тема средневекового города, тема торговли и купечества, по словам А. А. Сванидзе, «одна из “золушек” отечественной медиевистики, “задвинутая”, согласно одному из советских клише, далеко за тему производства»<sup>3</sup>, находится в русле позитивистской историографии. Т. Роджерс считается не только основателем историко-экономического направления в английской историографии второй половины XIX в., но и пионером английской медиевистики в освещении истории средневековых городов, возникновение и рост которых он справедливо связывал с развитием ремесла и особенно торговли. Именно торговлю, внутреннюю и внешнюю, считал главным источником возникновения и роста средневековых городов Уильям Каннингем (1849-1919). А с именем Алисы Грин, создавшей первую в английской медиевистике общую концепцию истории средневековых городов, связаны первые шаги британских медиевистов в области урбан-исследований.

В центре исследовательского интереса М. М. Ябровой экономическая и отчасти социальная действительность Лондона XIV – начала XVI вв. Выбор хронологических рамок вполне закономерен, поскольку позволяет проследить, в духе позитивистской философии, *эволюцию* городских истоков капитализма в Англии, изучить проблему зарождения и развития раннекапиталистических отношений в английском городе на материале Лондона.

---

пускник и профессор Оксфордского университета, впервые поставил в центр внимания английской медиевистики экономическую историю своей страны. Заслужив Роджерса является и то, что он ввел в научный оборот все важнейшие источники по аграрной и вообще экономической истории Англии, показав широкие возможности их анализа. Он стал первым в Англии представителем вотчинной (манориальной) теории; впервые в английской историографии поставил проблему коммутации ренты XIII – начала XIV вв., обратил внимание на социально-экономические последствия «Черной смерти» (см.: *Гутнова Е. В.* Указ. соч. С. 242-248).

<sup>1</sup> См.: *Ashley W.* An introduction to English Economic History and Theory: in 2 vols. L., 1886. Рус. пер.: *Эшли У.* Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897. У. Эшли, как и Т. Роджерс, являлся представителем Оксфордской школы историков.

<sup>2</sup> См.: *Cunningham W.* The Growth of English Industry and Commerce in Early and Middle Ages. L., 1890. Рус. пер.: *Кеннингем У.* Рост английской промышленности и торговли в ранний период и средние века. М., 1904. В течение многих лет У. Кеннингем возглавлял кафедру истории в Кембриджском университете.

<sup>3</sup> *Сванидзе А. А.* Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / отв. ред. А. А. Сванидзе: В 4 т. М., 1999. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. С. 14.

Основными вопросами, которые ставит и решает М. М. Яброва, являются: развитие купеческого капитала и зачаточных форм капиталистического производства, процесс амальгамации и возникновение ливрейных, купеческих по сути, компаний, развитие разных форм кредита (прежде всего коммерческого, порожденного потребностями развития международной торговли и зарождения раннекапиталистических отношений в производстве) и внешней торговли. При этом М. М. Яброва подчеркивает, что «одно явление взаимодействует с другим: возникновение новых форм производства связано с новыми формами торговли, развитие торговли влечет за собой изменения в кредите, развитие кредита, в свою очередь, воздействует на производство и торговлю... И поэтому вполне закономерно изучение их в совокупности»<sup>1</sup>.

Для исследования М. М. Яброва привлекает широкую источниковую базу, в том числе коллекции источников, изданные английскими позитивистами, в традициях позитивистской историографии стремившимися к установлению новых фактов. Назовем лишь некоторые, в числе которых – сборник документов, в том числе гильдейских ордонансов, протоколов заседаний лондонской мэрии, изданный в 1868 г. Т. Райли<sup>2</sup>; знаменитая «Белая книга» Лондона<sup>3</sup>, содержащая богатейший материал городских законов, прав и свобод, увидевшая свет в 1859-1860 гг.; календарь (реестр) завещаний лондонцев за период 1258-1688 гг., изданный Р. Шарпом в 1890 году<sup>4</sup>. Напомним, что так называемые «календари», или «реестры» («Calendars») стали издавать в Англии с 1856 г., включая в эти сборники государственные бумаги, королевские письма, распоряжения и т. д.<sup>5</sup>. Важные документы М. М. Яброва извлекла из монографий, написанных английскими авторами второй половины XIX – начала XX вв. и посвященных истории лондонских ливрейных компаний. Как отмечает сама М. М. Яброва, «не-

---

<sup>1</sup> Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI века). С. 10-11.

<sup>2</sup> См.: *Riley Th. Memorials of London and London life in the XIII, XIV and XV centuries.* L., 1868.

<sup>3</sup> См.: *Munimenta Gildhallae Londoniensis: Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn* / ed. by Th. Riley: in 3 vols. L., 1859-1862.

<sup>4</sup> См.: *Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A. D. 1258-1688* / ed. by R. Sharp: in 2 v. L., 1889.

<sup>5</sup> См.: *Гутнова Е. В. Указ. соч. С. 217.*

которые из них, по существу, даже не монографии, а извлечения из источников с некоторыми авторскими комментариями»<sup>1</sup>. Прежде всего эта характеристика относится к работам Ч. Уилча<sup>2</sup> и У. Приде<sup>3</sup>.

Подлинно критический подход к источникам, глубина их анализа и методы изложения сближают исследовательский почерк М. М. Ябровой с позитивистской традицией. Как и историки-позитивисты второй половины XIX в., она уделяет внимание оригинальным историческим текстам, при анализе документов стремится к максимальной объективности, к точному, беспристрастному следованию фактам. Такой подход к источникам представляется особенно важным и сегодня, в ситуации, когда принцип исторического исследования посредством критического изучения первоисточника разделяется очень немногими за пределами профессионального сообщества<sup>4</sup>. Но именно такой подход к источникам позволяет М. М. Ябровой делать основательно фундированные выводы. Главный из них нацеливает на городские истоки английского капитализма и заключается в том, что корни капиталистических отношений в Англии уходят в историю ее городов, в то время, которое исключалось из сферы исследовательского интереса историков английского капитализма – в XIV век.

В позитивистском ключе выдержано утверждение М. М. Ябровой о том, что «в XV в. несомненно, а в ряде случаев и в ряде стран в XIV столетии, наряду с признаками разложения феодализма, можно наблюдать и новые элементы, проступающие чаще всего в эмбриональном, зачаточном состоянии... Зародыши нового возникали и затухали, появлялись в другом месте, иногда в том же, но в новом, более высоком качестве...»<sup>5</sup>. В этих словах сконцентрирована и идея эволюционного развития, и признание, в духе У. Эшли, того, что эконо-

---

<sup>1</sup> Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI века). С. 28.

<sup>2</sup> См.: *Welch Ch.* History of the worshipful Company of Pewterers of the City of London based upon their records: in 2 vols. L., 1902.

<sup>3</sup> См.: Memorials of the Goldsmiths Company being cleaning from their Records between the years 1335 and 1815 with an introduction and notes written and compiled by Sir Walter Sherburne Prideaux: in 2 vols. L., 1896.

<sup>4</sup> См.: *Репина Л. П.* Указ. соч. С. 8.

<sup>5</sup> Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI века). С. 3-4.

мическая история общества (как и история вообще) развивается прогрессивно, несмотря на отдельные попятные движения.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в русле изучения экономических отношений в Англии периода раннего капитализма М. М. Яброва обратилась к малоизученной деловой переписке лондонских купцов семьи Сели (вторая половина XV в.). Перевод данных писем со староанглийского и комментарии к ним явились основой для сборника источников, ряда статей и выступлений на конференциях.

В интересующем нас контексте хотелось бы специально остановиться только на одной статье М. М. Ябровой – «Торговля и этика (на материале Англии XV века), опубликованной в сборнике «Средневековый город», увидевшем свет в 1997 году<sup>1</sup>. Автор так определила задачи статьи: «... нас интересует, как складывались взаимоотношения между купцами в условиях расширения рынка... Что являлось гарантом их добропорядочности, честности, качеств, столь необходимых для ведения успешной торговли... и, главное, как воспринимались и понимались эти качества купцами рассматриваемого периода? ... Но следует иметь в виду, что в XV в. купец уже выступал как индивидуум, а не только член корпорации, что вносило ряд коррективов в нормы его поведения»<sup>2</sup>.

Такой ракурс постановки проблемы перекликается с принципами научного творчества известного немецкого историка-позитивиста, лидера школы культурно-исторического синтеза в Германии<sup>3</sup> Карла Лампрехта (1856-1915), утверждавшего, что история должна быть социально-психологической наукой, объясняющей перемены в общественном сознании<sup>4</sup>.

На материалах из архива Лондонской мэрии, разбирательств в ярмарочном суде Сент-Айвса, переписки мэров различных городов Англии и, главным об-

---

<sup>1</sup> См.: Яброва М. М. Торговля и этика (на материале Англии XV века) // Средневековый город. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1997. Вып. 11. С. 77-84.

<sup>2</sup> Там же. С. 77.

<sup>3</sup> В Англии последней трети XIX в. направление культурно-исторического синтеза в позитивизме было представлено Дж. Грином, Г. Трайлем, Дж. Тревельяном, труды которых хорошо известны М. М. Ябровой.

<sup>4</sup> См.: Лампрехт К. История германского народа: В 3 т. М., 1894-1896.

разом, деловой переписки малого семейного объединения Сели, входившего в состав английской компании купцов-складчиков Кале, М. М. Яброва убедительно показывает, что в XV в. купцы стремились «сохранить свое доброе имя, репутацию, выглядеть в глазах партнеров и общества не только процветающими, но и порядочными деловыми людьми, на которых можно положиться»<sup>1</sup>, которым можно доверять.

М. М. Ябровой удалось выявить ряд механизмов, способствовавших закреплению определенных этических норм во взаимоотношениях между купцами. Это – сложившиеся традиции, постановления компаний, королевская политика<sup>2</sup>. Но главное, по мнению автора, – в другом: «Само товарное производство предполагает определенную рыночную честность, деловую порядочность. Недобросовестность и обман нередко обходились дороже. Рынок и конкуренция создавали условия, когда обмен не мог превратиться в обман. И именно сама стихия рынка заставляла вырабатывать гарантии...»<sup>3</sup>.

Позитивистское направление господствовало в исторической науке до конца XIX столетия. Но и во второй половине XX в. М. М. Яброва как представитель Саратовской школы урбанистики, понимая общество как функциональную взаимосвязь его составных частей, основываясь на строго критическом анализе источников, опиралась на идеи повторяемости и причинно-следственных зависимостей, акцентировала объективный и позитивный характер социально-исторического познания.

---

<sup>1</sup> Яброва М. М. Торговля и этика (на материале Англии XV века). С. 78.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 83.

<sup>3</sup> Там же. С. 82.

## **ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ В ГЛАЗАХ РУССКИХ**

У проблемы, вынесенной в заголовок статьи, возможны две трактовки – широкая и узкая. В широком смысле ее можно представить следующим образом: каким виделся Пилсудский русским, понимаемым не в этническом смысле, а как более широкая языковая и культурная общность. Иными словами, каков был стереотип Пилсудского в России. Методологическая уязвимость такой интерпретации проблемы заключается в том, что в распоряжении исследователей нет результатов соответствующих социологических опросов, к тому же разнесенных по времени. Есть только отдельные, принадлежащие конкретным авторам, тексты, в большинстве своем тенденциозные, что легко выявляется при помощи традиционных приемов исторических исследований.

В узком понимании проблема сводится к вопросу, что о Пилсудском могли знать русские, и было ли этих знаний достаточно для составления его целостного образа. Но и в этом случае все не так однозначно. Одно дело – работники соответствующих государственных органов, например, жандармы или дипломаты, отслеживавшие информацию о Пилсудском в силу служебных обязанностей. И совершенно иное – обычные люди, интересующиеся политикой и историей, которые черпали свои знания из газет, журналов, популярных работ и научных трудов? Несомненно, эти две категории русских знали разного Пилсудского.

Раньше всего Пилсудский оказался в поле зрения сотрудников российских правоохранительных органов (с 1887 г.); дипломатические представительства России в Австрии заинтересовались им в связи с образованием Стрелкового союза, легально действовавшего в Габсбургской империи с 1910 г. Что же касается читающей публики, то она знала лишь об «акциях» руководимой им боевой организации, особенно самой громкой из них – нападении на почтовый вагон поезда № 4 на расположенном в 634 верстах от Петербурга полустанке

Безданы. Об этом «эксе» под руководством лично Пилсудского, в ходе которого было похищено 200 тыс. рублей, пресса империи широко писала во второй половине сентября 1908 г. А поскольку нападавшим удалось скрыться, никаких фамилий в газетах не называлось.

В начале Великой войны 1914-1918 гг. из газетных сообщений в России узнали о польском добровольческом формировании на стороне Австро-Венгрии, которое совместно с австрийцами без боя заняло губернский город Кельце. Но фамилия Пилсудского при этом не была озвучена. Не звучала она и после создания австрийцами в августе 1914 г. на базе военизированных польских организаций польского легиона, ибо будущий маршал им никогда не командовал. А о легионе в России знали, добровольное служение поляков немцам казалось русским настолько противоестественным, что расценивалось как предательство интересов славянства, вступившего в решающую стадию борьбы с германизмом. О распространенности подобного рода настроений среди русских красноречиво свидетельствует появление в октябре 1914 г. стихотворения не часто обращавшегося к гражданской тематике Осипа Мандельштама «Polacy!»:

Поляки! Я не вижу смысла  
В безумном подвиге стрелков!  
Иль ворон заклюет орлов?  
Иль потечет обратно Висла?  
Или снега не будут больше  
Зимою покрывать ковыль?  
Или о Габсбургов костыль  
Пристало ушибаться Польше?  
И ты, славянская комета,  
В своем блужданьи вековом,  
Рассыпалась чужим огнем,  
Сообщница чужого света!

После оставления русскими войсками Царства Польского в августе 1915 г. тема стрелков и вовсе перестает быть в России медийной, поскольку присутствие на австрийском фронте нескольких тысяч польских волонтеров было малозаметным на общем фоне сражающихся миллионных армий. Конечно, на небольших участках фронта в Карпатах или на Западной Волини, где русские части непосредственно сталкивались с легионерами, одетыми в форму австрийского ландштурма, их могли знать. Но поскольку в армии Габсбургов служили сотни тысяч поляков, подданных двуединой монархии, вряд ли легионеров как-то особо выделяли из общей массы неприятельских солдат. По крайней мере, русские газеты об этом не писали.

Начало известности Пилсудского в широких слоях русского общества датируется концом 1918 г., когда он стал главой возрождающейся Польши и Главнокомандующим ее Вооруженными силами. Особенно часто его фамилия встречается в годы советско-польской (или, как ее тогда нередко называли в Польше и РСФСР, русско-польской войны 1919-1920 гг.) в дипломатических документах и на страницах центральной и региональной (петроградской, харьковской, минской) прессы. Применительно к этому периоду и всем 1920-м гг. следует иметь в виду, что все советские публикации по вопросам внешней политики подвергались самой строгой цензуре со стороны не только редакционного начальства, но и первых лиц государства. По личному признанию руководителя советского внешнеполитического ведомства Георгия Васильевича Чичерина, он старался, чтобы в центральной прессе не появлялось ни одного материала на внешнеполитическую тему, который бы он предварительно не просмотрел или не ознакомился по телефону и не одобрил. В фонде Чичерина в Архиве внешней политики Российской Федерации сохранились его гневные записки с требованием принять самые строгие меры в отношении лиц, повинных в появлении на страницах газет публикаций, по его мнению, вредящих советской внешней политике. Поэтому, читая газету «Известия» и перепечатки из нее по линии РОСТА в других газетах, можно с большой долей основания считать, что это позиция Народного комиссариата по иностранным делам.

Чаще всего имя Пилсудского встречается в аналитических статьях в газетах, написанных по материалам радиоперехватов и сведениям польских коммунистов, выступавших в период войны экспертами советского руководства по польскому вопросу. В 1919 г. таким главным экспертом был Юлиан Мархлевский (Карский), участник секретных переговоров с представителями Пилсудского в Беловеже и Микашевичах. В 1920 г. к нему прибавился Карл Радек (Собельсон), уроженец Львова, член ЦК РКП(б). Он, а не Мархлевский стал автором большинства аналитических статей в газете «Известия», посвященных внешней политике Польши и Пилсудскому. Именно Радек, чтобы дискредитировать Пилсудского в глазах западных руководителей и общественности, предложил на заседании ЦК РКП(б) в начале мая 1920 г. оповестить мир о секретных переговорах представителей Пилсудского с Мархлевским в октябре-ноябре 1919 г. в Микашевичах, как о факте его нелояльности в отношении держав Антанты, а в августе 1920 г. сделал это в «Известиях» и других газетах.

Международную информацию российские читатели получали по линии не только НКВД, но и созданного в 1918 г. Коммунистического Интернационала, на политику которого Чичерин влияния не имел. Анализируя распространяемые этими двумя центрами сведения о международной жизни, обязательно следует учитывать различия в решаемых ими задачах. Если НКВД занимался установлением и поддержанием сносных дипломатических отношений с действующими правительствами капиталистических государств, то партии Коминтерна - легальной и нелегальной работой, нацеленной на их свержение.

Это становится весьма заметным после Рижского мира 1921 г. В официальной советской прессе периодически появляются материалы, освещающие деятельность польского руководства, в том числе (до конца 1922 г.) и начальника государства Ю.Пилсудского в контексте сложно развивающихся двухсторонних межгосударственных отношений. За ним прочно закрепляются клише: «лидер военной партии», «безответственный авантюрист», «поджигатель войны», противник нормализации отношений с СССР и т.п.

Коминтерновцы же делали акцент на классовом лице Пилсудского. Польские коммунисты исходили из тезиса, что Пилсудский – враг олицетворяющих польскую реакцию национальных демократов (эндеков), пользующийся значительным авторитетом у определенных классов общества. Все их внимание сосредоточивается на выяснении вопроса, интересы каких классов он представляет.

Наиболее показательной в этом отношении является статья Веры Костшевы (Кошутской) «Польский фашизм» в сборнике «Мировой фашизм», вышедшем из печати в 1923 г. под редакцией члена редколлегии газеты «Правда» Николая Леонидовича Мещерякова. В нем Пилсудский определен как выразитель интересов мелкой буржуазии, крайне неустойчивой в своих политических взглядах, а потому и непредсказуемой. Говорится даже, что он – представитель «левого фашизма», в отличие от эндеков – «правых фашистов». Такая позиция не была изолированной среди польских коммунистов, о чем свидетельствуют не только партийные документы КПП, но и дискуссия в советской прессе в первой половине 1926 г., т.е. накануне и после майского переворота, с участием не только поляков, но и Эрнста Тельмана, Иосифа Сталина, Николая Бухарина. В свое время я посвятил ей статью, опубликованную в начале 1970-х гг. в журнале «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich». С этой оценкой связана позиция польских коммунистов в майские дни 1926 г. и на выборах президента Польши 31 мая 1926 г.

Созданный усилиями советской прессы и коминтерновцев достаточно негативный образ Пилсудского в свойственном ему хлестком стиле площадного трибуна в 1923 г. обобщил В.В. Маяковский в стихотворении «Пилсудский»:

Чьи уши –  
не ваши ли? –  
не слышали  
о грозном  
фельдмаршале?!

Склонитесь,  
забудьте  
суеты  
и суетцы!

Поджилки  
не трясутся у кого!

Мною  
рисуетя  
портрет Пилсудского.

## РОСТ

У Пилсудского  
нет  
никакого роста.

Вернее,  
росты у него разные:  
маленький –  
если бьют,  
большой –  
если победу празднует.

Когда  
старается  
вырасти рьяней,  
к нему  
красноармейца приставляют  
няней.

Впрочем,  
военная  
не привлекает трель его:

не краснозвездников,  
а краснокрестников норовит  
расстреливать.

## ГОЛОВА

Крохотный лоб.  
Только для кокарды:  
уместилась чтоб.  
А под лобиком  
сейчас же  
идут челюстищи  
зубов на тыщу  
или  
на две тыщи.  
Смотри,  
чтоб челюстьце  
не попалась работца,  
а то  
разрастется.  
Приоткроется челюсть,  
жря  
или зыкая, —  
а там  
вместо языка —  
верста трезыкая.  
Почему  
уважаемый воин  
так  
обильно

языками благоустроен?

А потому

такое

языков количество,

что три сапога,

по сапогу на величество, –

а иногда

необходимо,

чтоб пан мог

вылизывать

единовременно

трое сапог:

во-первых –

Фошевы

подошвы,

Френчу

звездочку шпорову

да туфлю

собственному

буржуазному

борову.

Стоит

на коленках

и лижет,

и лижет,

только сзади

блестят

пуговицы яркие.

Никто

никогда  
не становился ниже:  
Пилсудский  
даже ниже  
польской марки.  
А чтоб в глаза  
не бросился  
лизательный снаряд –  
над челюстью  
усищев жесткий ряд.  
Никто  
не видал  
Пилсудского телеса.  
Думаю,  
под рубашкой  
Пилсудский – лиса.  
Одежда:  
мундир,  
в золото выткан,  
а сзади к мундиру –  
длинняющая нитка,  
конец к мундиру,  
а конец второй –  
держится  
Пуанкарой.  
Дернет –  
Пилсудский дрыгнет ляжкой.  
Дернет –  
Пилсудский звякнет шашкой.  
Характер пилсудчий –

сучий.  
Подходит хозяин –  
                        хвостика выкрут.  
Скажет:  
                        "Куси!" -  
                        вопьется в икру.  
Зато  
                        и сахар  
                        попадает  
                        на носик  
этой  
                        злейшей  
                        из антантовских мосек.  
То новеньким  
                        заменят  
                        жупан драненький,  
то танк подарят,  
                        то просто франки.  
Устрой  
                        перерыв  
                        в хозяйских харчах –  
и пес  
                        моментально б  
                        сник  
                        и зачах.  
Должен  
                        и вере  
                        дать дань я  
и убеждения  
                        оттенить

до последних толик:

Пилсудский

был

социалистического вероисповедания,

но

по убеждению

всегда

иезуит-католик.

Демократизм прихрамывает,

староват одёр,

У рабочих

в одра

исчезает вера.

Придется

и Пилсудскому

задать дёру

из своего

Бельведера.

П р и м е ч а н и е.

Не очень ли

портрет

выглядит подленько?

Пожалуй,

но все же

не подлей подлинника.

На рубеже мая-июня 1926 г. Коминтерн отказался от прежней интерпретации классового лица Пилсудского, определил его как фашистского диктатора

(имея в виду Б.Муссолини в качестве эталона). С этого момента в статьях политического характера в советской прессе девять лет будет функционировать образ Пилсудского как фашистского диктатора Польши, смертельного врага трудящихся, революционного и национально-освободительного движения, непримиримого противника СССР, вынашивающего агрессивные планы. Острый полемический тон был несколько приглушен в 1932 г. в связи с подготовкой и подписанием советско-польского пакта о ненападении, но прежние характеристики Пилсудского остались без изменений.

Именно поэтому российского читателя не могла не удивить официальная реакция советской стороны на смерть диктатора Польши, последовавшую 12 мая 1935 г. Информация об этом появилась в советских СМИ 14 мая. «Известия» сообщили об объявлении национального траура в Польше, назначении генерала Э.Рыдз-Смиглы генеральным инспектором Вооруженных сил Польши, а генерала Т. Каспшицкого военным министром, выражении соболезнования по линии НКВД СССР, поместили обзор откликов польской и германской прессы на смерть маршала.

Но помимо этих материалов сугубо новостного характера, целый подвал газеты был отведен под статью К. Радека «Маршал Иосиф Пилсудский», сопровождаемую фотографией Пилсудского в парадном маршальском мундире. Нет никакого сомнения, что текст публикации был согласован с И.В. Сталиным, особенно те пассажи, которые касались оценки Пилсудского как политика и государственного деятеля, а также перспектив советско-польских отношений. При ее написании Радек пользовался трудами Пилсудского и не названной его биографией (скорее всего, авторства известного – в том числе и в России – знатока Сибири и Дальнего Востока, писателя, участника польского национально-освободительного движения Вацлава Леопольдовича Серошевского).

Уже первый пассаж статьи резко диссонировал со всем, что писали о Пилсудском в советской прессе после 1918 г. В нем маршал характеризовался не в традиционном для советской пропаганды классовом духе, а как горячий патриот, всю свою жизнь посвятивший служению Польше: «С маршалом Пил-

судским сходит в могилу фигура человека, который пронес тлеющие под пеплом растоптанного восстания 1863 г. искры идей польской независимости до момента, когда историческая обстановка, крушение монархии Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов привели к восстановлению независимой Польши. С маршалом сходит в могилу организатор независимого польского государства. Как все личности, вокруг которых история плела свои нити, Пилсудский был фигурой очень цельной. Оглядываясь на его жизненный путь, можно сказать, что с момента, когда он начал политически мыслить и действовать, его сущность не менялась. Он был польским националистом, и это было его существом».

Эту свою главную идею, абсолютно верную, подтвержденную современными беспристрастными исследованиями, Радек красной нитью проведет через всю статью. Вот лишь некоторые из его положений: «Он [Пилсудский] социалистом никогда не был, и вся его эволюция была выражением форм борьбы за независимость Польши»; «Пилсудский менял формы организации [ППС, боевая организация, Стрелковый союз, легион], имел всегда перед глазами одну цель – борьбу за независимость Польши»; «Когда царская Россия была разбита, когда Февральская революция провозгласила независимость Польши, когда перспективы германского империализма стали мрачными, Пилсудский не дает германскому империализму себя связать. Он идет под арест в германскую крепость, приказывает своим офицерами идти в концлагерь, чтобы только донести идею независимость до момента окончательного кризиса».

В историографическом отношении весьма ценным следует считать наблюдение Радека, что независимость Польши стала возможной «благодаря той международной революции, в которую Пилсудский не верил». Но последствия освобождения Польши, подчеркнул автор статьи, мог использовать только Пилсудский. Не останавливаясь на перипетиях отношений маршала с господствующими классами до 1926 г., Радек отметил, в частности, его ярко выраженное стремление к созданию централизованной власти, не подчиненной парламенту и «демагогии мелкобуржуазных партий», а также констатировал,

что в результате мая 1926 г. Пилсудский «стал действительным диктатором Польши, ...стал руководителем господствующих классов Польши». В приведенном высказывании важно то, что Радек не воспользовался традиционной для советской прессы идеологемой «фашистский диктатор».

Конечно, статья в центральном правительственном органе СССР печаталась вовсе не ради того, чтобы познакомить российского читателя с биографией Ю. Пилсудского. Сдержанная и относительно объективная биография маршала печаталась в центральном органе советского правительства не потому, что Радек руководствовался принципом «*De mortuis aut bene aut nihil*». Она должна была продемонстрировать польским руководителям готовность Советского Союза к развитию добрососедских отношений с его западным соседом. В связи с этим много места в статье заняла характеристика политики Пилсудского на советском направлении. Как и при изложении его биографии, автор и в этом сюжете избегал устоявшихся пропагандистских конструкций. Говоря о сути польско-советской войны 1919-1920 гг., Радек акцентировал не антисоветизм Пилсудского как таковой, а его желание максимально ослабить Россию и тем самым повысить безопасность Польши. Этой своей идее, говорилось далее, Пилсудский остался верен до конца: «После установления мирных отношений с Советской республикой он следил за ее развитием с глубочайшим недоверием. Во-первых, старый маршал, прошедший варшавскую школу царской русификации, видел в СССР наследника царизма и не хотел признавать искренности нашей внешней политики». Во-вторых, «это глубокое недоверие Пилсудского, его боязнь, что усиливающийся СССР может стать опасностью для независимости Польши, толкали его, вероятно, на мысль о том, что новые мировые столкновения могут создать снова обстановку, когда будет решаться вопрос о новой перекройке карты Восточной Европы. Тогда должен прийти момент нового испытания реальности идеи федерации Польши с Украиной, Белоруссией и Литвой».

Именно приверженность Пилсудского этой враждебной СССР идее федерации была расценена в статье как главное препятствие, которое новому руко-

водству Польши следовало преодолеть ради налаживания конструктивного сотрудничества с СССР. «Над могилой маршала Пилсудского мы не хотим вести споров о глубокой нереальности подобных идей... Мы желаем, чтобы польский народ точно так же, как народы СССР, смотрел не назад, а вперед». Адресуясь непосредственно к новому руководству Польши, советский официоз убеждал его, что в условиях, «когда над миром собираются новые исторические бури», оно должно понять, что нет лучших гарантий независимости Польши, чем дружба с СССР. «Похоронить недоверие, дружить с СССР», – так завершил Радек свою статью, которая вполне могла стать поворотным моментом в представлении образа Пилсудского в российских СМИ, а тем самым и в глазах россиян.

Однако этого не случилось, перелома в советско-польских отношениях не произошло, а в 1936 г. К. Радек был репрессирован как враг народа. Что же касается советской прессы, то на ее страницах, как и до вышеназванной статьи в «Известиях», продолжал тиражироваться ставший уже для нее традиционным образ Пилсудского как фашистского диктатора и непримиримого врага СССР.

В результате Октябрьской революции и последовавшей затем гражданской войны русское общество пережило тектонический разлом, помимо его основной, если так можно выразиться, «материковой» части, возникло насчитывавшее миллионы эмигрантов русское зарубежье. И оно также формировало собственный образ Пилсудского. Причем, в отличие от «материка», этот образ был не столь однозначен. Может быть, причиной тому было то, что его абрисы формировались не столько политиками, сколько широко известными писателями. Одним из них был Дмитрий Сергеевич Мережковский, в 1920 г. эмигрировавший из РСФСР и на несколько месяцев задержавшийся в Варшаве. Здесь он сотрудничал с эмигрантской газетой «Свобода», Русским эвакуационным комитетом Бориса Викторовича Савинкова. Именно в это время он опубликовал по-русски и по-польски небольшую по объему брошюру «Пилсудский», типичный панегирик главе польского государства, которого он пытался убедить не заключать мир с Советской Россией. 20 октября 1920 г., в день вступления в дей-

ствие соглашения о прелиминарном мире и перемирии Польши с советскими республиками, Д.Мережковский и его жена Зинаида Гиппиус покинули Польшу и уехали в Париж. Больше Мережковский к биографии Пилсудского не обращался.

Совершенно иной, более близкий к реальности образ Пилсудского вышел из-под пера другого эмигрантского писателя – Марка Алданова (Марка Александровича Ландау). В 1936 г. в серии «Портреты» появился его очерк «Пилсудский». Алданов сделал упор на патриотизм Пилсудского и его нелюбовь к России. В частности, он подверг критике заключение Пилсудским осенью 1919 г. негласного перемирия с большевиками, что способствовало поражению Деникина и, в конечном счете, всего белого дела. Алданов не ставил под сомнение присущих Пилсудскому качеств выдающегося государственного деятеля, много сделавшего для укрепления авторитета своей страны на международной арене. Но перспективы Польши в условиях приближающейся военной грозы виделись ему весьма неясными.

После кончины Ю.Пилсудского его имя вполне естественным образом утратило свою медийную актуальность и привлекательность, на первое место в информации о Польше выдвинулись другие представители его политического лагеря, сумевшие удержаться у власти в отсутствие своего вождя. Но, перестав быть злободневным, оно долго не становилось предметом научного изучения, а в тех случаях, когда его все же упоминали, то пользовались коминтерновскими оценками.

Первый приступ к изучению биографии Пилсудского, а тем самым и созданию его более взвешенного образа, датируется в российской историографии концом 1950-х гг. и связан с подготовкой и изданием Институтом славяноведения АН СССР трехтомной «Истории Польши». С этого момента постепенно определяется и круг проблем, связанных с жизнью и деятельностью Пилсудского, которыми больше всего интересовались российские историки. В их числе – история Польской социалистической партии, первая русская революция в Царстве Польском, образование независимой Польши, советско-польская война

1919-1920 гг., майский государственный переворот, характер «режима санации», внешняя политика Польши в первой половине 1930-х гг. В разное время к ним обращались, в частности, А.М. Орехов, А.Я. Манусевич, Э.С. Багинский, И.В. Михутина, М.Н. Бобрик, В.С. Парсаданова, в основном в статьях в научных изданиях. Исключением была только статья А. Манусевича в «Аргументах и фактах» в 1986 г., которую прочитали миллионы россиян. Несомненно, эти фрагментарные исследования никак не могли сформировать у русских цельный образ Пилсудского. Да и методологически многие из этих статей сохраняли связь с концепцией, сформулированной Коминтерном для текущих потребностей политической пропаганды в 1920-1930-е гг.

Качественно новый этап в формировании образа Пилсудского в глазах русских начался после публикации в 1990 г. перевода на русский язык монографии «Юзеф Пилсудский. Легенды и факты», принадлежащей перу польских исследователей Дарьи и Томаша Наленчей, учеников одного из лучших биографов Пилсудского, профессора Варшавского университета Анджея Гарлицкого. Фактически это было первое после проанализированной выше статьи К.Радека представление в распоряжение широкого русского читателя связно и достаточно полно изложенной биографии Пилсудского. С другой же стороны, это была всего лишь одна из интерпретаций биографии маршала, не лишенная определенной тенденциозности.

И лишь в конце первого десятилетия XXI в. у русского читателя появилась возможность самостоятельно составить более или менее объективный образ Пилсудского. В 2008 г. в серии «Жизнь замечательных людей» издательство «Молодая гвардия» напечатало тиражом 3 000 экземпляров написанную мной работу «Пилсудский», а год спустя издательство «Летний сад» перевело с польского языка и опубликовало монографию Влодзимежа Сулеи «Юзеф Пилсудский». Следует добавить, что популяризации знаний о Пилсудском способствует ставший весьма популярным в России Интернет, в котором эти книги были сразу же размещены. С этого момента можно считать, что Пилсудский перестал быть малоизвестной русским читателям фигурой польской истории, у

них появилась возможность лучше понимать движущие мотивы его поступков, без излишней тенденциозности оценивать его свершения и неудачи, и вообще, увидеть в нем недюжинную личность, вокруг которой, по словам К.Радека, «история плела свои нити».

## **НАСЛЕДИЕ ПОЗИТИВИЗМА? АНГЛИЙСКИЙ СЕВЕР В ТЮДОРОВСКУЮ ЭПОХУ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Проблемы, связанные с местом северных окраин Англии в конструкции монархии Тюдоров уже давно занимают весьма почетное место в историографии. На протяжении десятилетий исследователи регулярно обращаются к описанию состояния северных земель и политики английских монархов по отношению к этому далекому региону. За весьма долгий период сформировались, по сути, два подхода к истории взаимоотношений северной периферии и Короны. Согласно первому из них, сформировавшемуся еще в XIX веке северные земли представляли в начале правления первого Тюдора остров безвластия и беззакония, оплот феодального сепаратизма и только в результате кропотливой политики английских королей там был наведен порядок и восстановлено королевское правосудие. Различаясь в подходах, историки данного направления рисовали довольно мрачную картину жизни английского севера тюдоровской эпохи, вызванную как набегами шотландцев, так и внутренними причинами. Как пишет В.Г. Диксон, «сотни раз пограничная страна подвергалась огню и мечу, а под названием пограничной страны разумелось всё, что лежало между вратами Стирлинга и полями Йоркшира. Одни набеги опустошали фермы и уничтожали скот, другие сжигали все деревья и кустарники. Из года в год, из царствования в царствование продолжались эти разорения»<sup>1</sup>. Ему вторит Д. Тревельян: «В графствах, граничащих с Шотландией, королевские приказы вообще не действовали. Здесь война прекращалась редко, а набеги с целью угона

---

<sup>1</sup> Диксон В. Г. Две королевы. Екатерина Арагонская и Анна Болейн. СПб., 1874. Т. 1-4. Т.2. С.23.

скота никогда не прекращались. Никто здесь не ждал королевских чиновников для защиты или отмщения»<sup>1</sup>.

Особенно рельефно данный подход прослеживается в английской, а затем и американской медиевистике второй половины XIX – первой половины XX в. В многочисленных трудах, посвященных различным аспектам истории тюдоровской Англии, север рассматривается обычно с точки зрения центра. Политика Тюдоров по отношению к северным окраинам представляется как один из этапов централизации власти в королевстве. В обиход входит понятие «северная проблема», подразумевающее как раз те трудности, с которыми английские монархи, начиная с XII века, сталкивались на землях граничащих с Шотландией. В данном контексте показательны статья Гэйлорда Лапсли<sup>2</sup> и книга Рэйчел Рейд<sup>3</sup>. Обе работы посвящены Северному совету, учреждению, созданному в эпоху Войн роз и достигшему расцвета при Тюдорах. Статья Лапсли прослеживает историю возникновения совета от появления «северной проблемы» до его окончательной институционализации в 1537 году, монография Р. Рейд посвящена истории Совета севера от возникновения до падения в ходе английской революции. Оба автора обращают внимание преимущественно на политическое развитие северных земель. Данный процесс предстает у них связанным с постепенным укреплением королевской власти. Как пишет Лапсли, «в отношении короля к Северу можно увидеть попытку консолидации Англии, которая должна была зайти достаточно далеко, чтобы принять во внимание, если не смягчить, суровость и жестокость, несомненно, присутствующие в этом регионе»<sup>4</sup>.

По мнению авторов, отличие Севера от остальных земель английского королевства было связано с тремя факторами. Во-первых, северные земли довольно поздно вошли в состав английского королевства. Северная граница средневековой Англии установилась только ко второй половине XII века. Шот-

---

<sup>1</sup> *Трепельян Д.* Социальная история Англии. М., 1959. С.39.

<sup>2</sup> *Lapsley G.* The Problem of the North. A Study in English Border History // *The American Historical Review.* 1900. V. 5. № 3. P. 440-466.

<sup>3</sup> *Reid R.* King's Council in the North. Totowa, 1975.

<sup>4</sup> *Lapsley G.* The Problem of the North... P. 440.

ландские притязания на земли между Твидом и Тизом сохранялись вплоть до 1157 года<sup>1</sup>.

Во-вторых, северные земли представляли собой обширный в территориальном плане регион, холмистый и гористый (в отличие от южной и центральной Англии). С основной частью страны север был связан плохо – туда вела практически одна крупная дорога и три других помельче.

В-третьих, на специфику развития северных земель оказали огромное влияние англо-шотландские войны. С 1296 года земли на шотландском пограничье практически не знали покоя. Мелкие набеги сменялись крупными походами, проникающими вглубь английской территории<sup>2</sup>.

Постоянная военная угроза привела к милитаризации северных земель. Северная граница покрылась сетью укреплений – башен и замков, которые активно возводились на протяжении всего XV века и продолжали поддерживаться в должном состоянии следующее столетие. Для северных земель наиболее важным было не наличие земельных владений, приносящих солидный доход, а военная сила, *manraed*, слуги, арендаторы, вассалы, которых мог собрать лорд в случае необходимости. В результате север превратился в регион, где аристократы обладали большим могуществом. Пограничные баронии, возникнув еще во времена Вильгельма Завоевателя, в эпоху англо-шотландских войн только упрочили свое положение. Именно особое положение пограничных баронов представляется историкам угрозой единству страны. Завершение этой эпохи беззакония, жестокости и сепаратизма и пришло с реформами эпохи Тюдоров.

Вторая половина XX века принесла историкам новые концепции, новые подходы, но отношение к месту пограничных земель в структуре державы Тюдоров оставалось прежним.

Оригинальную концепцию эволюции северного общества в тюдоровскую эпоху выдвинул Мервин Джеймс. М. Джеймс очень много сделал для изучения английского севера. Благодаря его стараниям возник специализированный жур-

---

<sup>1</sup> Ibid. P. 441.

<sup>2</sup> Ibid. P. 445.

нал, посвященный истории северных земель – «Northern History». В своих трудах М. Джеймс попытался применить подходы, апробированные антропологами. По его мнению, в начале эпохи Тюдоров на английском севере существовало так называемое «линьяжное общество». Характерным для него было господство крупных землевладельцев. Перси, Невили, Клиффорды, Дакр – вот, кто правил севером. Даже Корона вынуждена была влиять на ход дел на севере с помощью магнатов, герцога Ланкастерского или герцога Йоркского. Господство знати основывалось на союзе с семьями джентри. Личные связи были решающим фактором в отношениях между лордом и его клиентами и держателями. Зависимые люди должны были верно служить своему господину, а он в свою очередь должен был разумно править ими, награждая в обмен на верную службу. Контрактные отношения, основанные на законе, играли второстепенную роль<sup>1</sup>.

Отношения между лордом и держателями могли быть действительными только в контексте «добротного господства». Только поддержка со стороны лорда могла позволить выиграть дело в суде. Чувство абсолютной зависимости, выраженное в верности, было признанной характеристикой членов этого сообщества. В течение правления Тюдоров эти устои постепенно пришли в упадок. Верность местной аристократии была замещена верностью центральной власти и уважением к законам королевства<sup>2</sup>.

Особо следует отметить точку зрения С. Эллиса. Стивен Эллис – профессор Национального университета Ирландии в Галлоуэе. Первоначально сферой интересов историка была Ирландия в эпоху Тюдоров. В 1970-80е годы из под пера исследователя вышел целый ряд статей и монография по данной тематике<sup>3</sup>. Изучение Ирландии раннего нового времени и политики Тюдоров в этом

---

<sup>1</sup> *James M. The Concept of Order and the Northern Rising 1569// Past & Present, 1973. V. 60. P. 53.*

<sup>2</sup> *Ibid.*

<sup>3</sup> *Ellis S.G. Tudor policy and the Kildare ascendancy in the lordship of Ireland, 1496-1534// Irish historical studies. 1976. V. 20; Id. Reform and Revival: English Government in Ireland, 1470-1534. L., 1986; Id. Crown, community and government in the English territories, 1450-1575// History. 1986. V. 71.; Id. The Pale and Far North: government and society in the early Tudor borderlands. Galway, 1988.*

регионе вывело ученого на более общую проблему места пограничных территорий в английской социально-политической структуре в тюдоровскую эпоху. При исследовании английского пограничья невозможно было обойти «северную проблему» и С. Эллис выпускает серию работ, посвященных северным землям. В результате в течение двух десятилетий у историка сформировалась своя концепция развития взаимоотношений Короны и северных земель при Тюдорах.

По мнению автора, оторванность северных земель от центра способствовала выделению жителей северных земель в отдельную культурную группу, отличную от жителей юга. Неотъемлемыми характеристиками жителей севера в глазах южан стали жестокость, кровожадность, страсть к грабежам, разрушениям и убийствам. Иными словами северян стали уподоблять иным варварам, с которыми сталкивались англичане – ирландцам и валлийцам. В результате, решение северной проблемы для Тюдоров стало, одновременно, попыткой цивилизовать Северный регион.

Исследователь считает, что в эпоху Тюдоров произошли кардинальные перемены в самосознании англичан. Кратко их можно выразить следующим образом. Бог был англичанином. Соответственно, то «цивилизованное» общество, которым правят Генрих Тюдор и его потомки наиболее близко к божественному идеалу. Особенно четко данный подход проявился в сознании протестантов, для которых англичане стали народом, избранным Господом, чтобы покончить с папизмом. Поэтому чем дальше люди от установлений «богоизбранной нации» - тем они менее цивилизованны и даже дики<sup>1</sup>. Все они просто нуждаются в знакомстве с английской цивилизованностью. Таким образом, стратегией Тюдоров стало распространение английских обычаев и правовых норм на окрестные народы в надежде превратить их в более цивилизованных. Английские язык, законы и административная структура служили, соответ-

---

<sup>1</sup> *Ellis S. G. Promoting “English Civility” in Tudor Times// Tolerance and Intolerance in historical perspective/ Ed. by C. Levai and V. Vese. Pisa, 2003. P. 162/*

ственно, орудиями цивилизации. Распространение же английских институтов было ни чем иным как победой цивилизации над варварством<sup>1</sup>.

Приобщение Севера к цивилизации привело, по мнению, Эллиса, к упадку региона. Английские обычаи и законы, административная система, порожденная южными, компактными и густо населенными землями, плохо подходили к пограничным пространствам. Избавившись от сверхмогущественных персон, Корона вынуждена была возложить на себя ответственность за защиту населения пограничья. Задача эта оказалась дорогостоящей и трудновыполнимой. В силу малочисленности и бедности джентри опереться правительству здесь было практически не на кого. В результате север оказался беззащитен. Если отношения с Шотландией при Елизавете наладились, и система обороны границы не была испытана в деле крупным вторжением, то перед набегамися со стороны мелких групп разбойников приграничья население севера оказалось бессильно. Таким образом, как считает Эллис аккультурация севера, его «приобщение к цивилизации» привели к упадку, маргинализации в политическом плане.

Второе направление в изучении английского севера исходит из отсутствия принципиальных различий в состоянии северных земель и остальных частей английского королевства. Наиболее ярко этот взгляд отражен в статье Б. Бекинсейл<sup>2</sup>. По мнению автора, на все северные земли была перенесена картина, свойственная английскому пограничью. Сам же Север вовсе не был ни слишком феодальным, ни слишком католическим. Северная знать была могущественна не более, чем знать Юга. Способы борьбы за социальные силы у Тюдоров и у северной знати были одинаковыми, да и в других районах Корона сталкивалась с похожими трудностями и пользовалась схожими методами. Беспорядки в северных землях были не столько проявлениями сепаратизма, сколько результатом королевского вмешательства. Р. Хойл уделит внимание аристо-

---

<sup>1</sup> *Ellis S. G. Promoting "English Civility... P. 162."*

<sup>2</sup> *Beckingsale B. The Characteristics of the Tudor North// Northern History. 1969. V. 4.*

кратическим семьям северной Англии эпохи первых Тюдоров<sup>1</sup>. Теория существования особого «линьяжного общества» на севере кажется автору неубедительной. Хойл вполне справедливо обращает внимание на господство аристократических семей в других регионах Англии, например, в Норфолке и Саффолке. В Восточной Англии на протяжении длительного времени безраздельно властвовали герцоги Норфолки, но, как замечает, историк, к этому региону понятие «линьяжного общества» не применяется. Далее, автор обращает внимание на разнородность северных окраин. Английский север не представлял собой целостную территорию, а распадался на ряд районов весьма различных, как в географическом, так и в социально-экономическом плане<sup>2</sup>.

Р. Хойл обращает внимание на то, что пограничный статус северных земель приводил к большой активности Короны в этом регионе. Правительство регулярно вмешивалось в дела пограничья, назначая и смещая Стражей границ – ключевые должности в регионе. Каждый раз смещение старого Стража и назначение нового вызывало обострение соперничества между аристократическими семьями региона<sup>3</sup>.

По мнению Хойла, раздоры и столкновения, которые раздирали северное общество во второй трети XVI века, были связаны как раз с борьбой за должности на королевской службе и имущественными и владельческими спорами. Исследователь считает, что Корона ошибочно принимала эти обычные для английского общества противоречия за политические столкновения, противодействие политике правительства. Более того, автор полагает, что Корона сама спровоцировала эти столкновения своей политикой в отношении должности Стража Границ<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> *Hoyle R. The First Earl of Cumberland: A Reputation Reassessed// Northern History. V. 22.; Idem. Henry Percy, Sixth Earl of Northumberland, and the Fall of the House of Percy// The Tudor Nobility/ Ed by G. Bernard. Manchester, 1992.; Idem. Faction, Feud and Reconciliation amongst the Northern English Nobility, 1525-1569// History, 1999. V. 84.*

<sup>2</sup> *Hoyle R. Faction, Feud and Reconciliation... P. 593.*

<sup>3</sup> *Ibid. P. 597-608.*

<sup>4</sup> *Ibid. P. 613.*

В качестве критика концепции «линьяжного общества» выступил и У. Палмер. Автор проанализировал ряд эпизодов из жизни северной знати. Например, в 1504 году кортеж Генри Перси, пятого графа Нортумберленда продвигаясь по Йоркширу повстречался со свитой своего злейшего врага архиепископа Йоркского Томаса Сэвиджа. Свиты столкнулись, возникла сумятица, сторонники архиепископа, которых было намного больше, схватились за оружие, но благодаря графу, сделавшему все возможное, чтобы избежать инцидента соперники мирно разошлись. Палмер считает, что поведение Нортумберленда в этой ситуации никоим образом не соответствует тому образу магната, который рисует Джеймс<sup>1</sup>. Далее Палмер касается целого ряда эпизодов из истории севера, проанализированных ранее Джеймсом и дает им совершенно иную интерпретацию. Все события, подтверждающие, по мнению Джеймса, концепцию «линьяжного общества», Палмер, опираясь на разыскания последнего времени, наоборот, считает противоречащими ей. По мнению Палмера, Джеймс во многих случаях просто неверно интерпретировал события.

Напомним, что одной из базовых основ линьяжного общества, по мнению М. Джеймса было понятие чести. Именно честь, стремление ее защитить или восстановить, по мнению Джеймса было причиной повышенной конфликтности в северных землях. Дворянин или аристократ на севере являлись заложниками чести и были просто вынуждены отстаивать ее с оружием в руках<sup>2</sup>.

Палмер выдвигает иную концепцию. Он заявляет, что на севере в тяжелых условиях, вызванных как природными, так и военными факторами, представители и дворянства и аристократии озабочены были, прежде всего, выживанием. В результате им было не до выяснений споров о чести. Концепции чести, как считает Палмер, вырабатывалась на юге, при дворе и для северных земель была чужеродным элементом<sup>3</sup>. Историк считает, что поведение северной знати в отношении с Коронаой демонстрирует отказ от защиты своей чести.

---

<sup>1</sup> *Pulmer W. Scenes from Provincial Life: History, Honor, and Meaning in the Tudor North// Renaissance Quarterly. 2000. V. 53. №2. P. 430-431.*

<sup>2</sup> *James M. Society, Politics and Culture. Studies in Early Modern England. Cambridge, 1986. P. 325.*

<sup>3</sup> *Pulmer W. Scenes from Provincial Life...P. 442-443.*

Магнаты униженно добивались покровительства Уолси, стремились продемонстрировать свою лояльность монарху, готовность верно служить ему<sup>1</sup>.

Таким образом, в историографии последних десятилетий в изучении Севера, и, особенно, пограничных земель мы видим, с одной стороны, сдвиг в изучении и понимании развития пограничного региона в сторону отказа от свойственного историкам романтического и позитивистского направлений прямолинейного взгляда из Лондона, большего внимания к социокультурным основам королевской политики в отношении периферии. С другой стороны, во многом в основе дискуссий, связанных с пограничным обществом английского севера продолжает оставаться позитивистский взгляд на историю Англии в целом и севера в частности. Исследователи либо соглашались с ним, строя доказательную базу на новых данных и подходах, либо отвергают его. В любом случае именно позитивистская традиция служит точкой отсчета.

---

<sup>1</sup> Ibid. P. 439-440.

## МУЗЫКАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Гуманитарные исследования выдающихся российских культурологов Ю.М. Лотмана, М. М. Бахтина вызывают значительный интерес в Западных университетах. Одна из причин – оригинальная двойственность: научная и просветительская направленность. Об этом писал еще в 1970-е годы Умберто Эко, полагая, что выдвинутые Ю.М. Лотманом понятия «семиосферы» и «креолизации современной культуры»<sup>1</sup> не вписываются в концепции модерна и постмодерна еще и благодаря их развитию в студенческих и исследовательских Школах. Ю.М. Лотман «вбрасывал» свои научные концепции в проходившие в Тарту год за годом «Семиотические школы». Семиотика предлагала не только новые идеи, но также формировала новый тип исследователя-учителя.

Сошлемся на другого титана – М.М. Бахтина, собрания сочинений которого издаются в Германии или Японии, вызывая особый интерес благодаря новым междисциплинарным и трансдисциплинарным понятиям: хронотоп, карнавал, ответственность, диалог<sup>2</sup>. М.М. Бахтину также была присуща не только теоретическая, но и просветительская ориентация, которую он реализовал и в деятельности учителя, которая никогда не была для него вынужденной; и в многочисленных своих кружках, без которых не мыслил жизнь в Невеле и Витебске времен Гражданской войны, в Саранске или Москве послевоенной эпохи.

---

<sup>1</sup> Эко У. Предисловие к английскому изданию; *Иванов Вяч. В.* Семиосфера и история // *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 415.

<sup>2</sup> *Римон Е.* Опыты непонимания // *Новый мир.* 2010. № 3; *Wolfram Eilenberger:* Das Werden des Menschen im Wort. Eine Studie zur Kulturphilosophie Michail M. Bachtins. Chronos, Zürich 2009; *Shchytsova, T.* Das menschliche Ereignis in der Philosophie von M. Bachtin. PDF// [de.wikipedia.org/Michail\\_Michailowitsch Bakhtin](http://de.wikipedia.org/Michail_Michailowitsch_Bakhtin); *Schilling, E.* (2005): Die Zukunft der Zeit: Vergleich von Zeitvorstellungen in Russland und Deutschland im Zeichen der Globalisierung. Aachen: Shaker; *Schilling, E.* (2008): Future Concepts in Russia and Germany. Different approaches to planning in the global society. 21st Century Society, 3 (2): 131-142.

Таковы базовые традиции русской культуры и науки, ориентированные на просветительство. Они окрашивают и преображают концепции гуманитарной науки, становясь их стимулами и побудителями.

Двойной посыл науки и просветительства расцветает в послереволюционные годы. Проекты «создания нового человека» шли рука об руку со смелыми научными экспериментами, новой методологией и понятиями в психологии, физиологии. Примечательны рассуждения И.Г. Эренбурга, приехавшего из Франции и заведовавшего в 1920-е гг. всеми детскими театрами Республики. Он пишет, что сочиняет десятки новых просветительских проектов, опиравшихся на элитарную науку о театре<sup>1</sup>. В это же время А.В. Бакушинский создает в Третьяковской галерее Школу экскурсоводов нового типа<sup>2</sup>, глубоко владевших историей искусств, но также осуществлявших принципиально новые психолого-социологические исследования посетителей великого Московского Музея. Нельзя не упомянуть, говоря об этой эпохе, новый тип экскурсий по городу, сочиненных И.В. Гревсом, а потом Н.М. Анциферовым, с опорой на исследовательскую работу, выливавшуюся в уникальное просветительство.

О подобных мета-явлениях русской науки и культуры справедливо говорить как о «методологическом кентавре», пользуясь концепцией О.Б. Леонтьевой<sup>3</sup>. С начала XX в. новые научные теории особенно крепко переплетены с просветительской практикой, со школами, кружками, просветительскими программами по музыке, литературе, изобразительному искусству.

В этом контексте мы и хотели бы обратить внимание на тему «Русская/советская музыкальная социология», которая привлекает внимание единством новых научных концепций и целенаправленной ориентацией на просветительские практики. В университете имени Мартина Лютера, в городе Халле, уже много лет развивается проект «Русская музыкальная социология»: руководи-

---

<sup>1</sup> Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Т.2. М., 2005. С.32.

<sup>2</sup> Бакушинский А.В. Исследования и статьи. М., 1981.

<sup>3</sup> Леонтьева О.Б. Романтический позитивизм: к вопросу об историческом сознании российского общества XIX в. – См. настоящее издание.

тель доктор Наталия Новак<sup>1</sup>. Этот проект вывел из тени советскую музыкальную социологию в лице профессора А.Н. Сохора и его учеников и последователей: Е.В. Дукова, Ю.В. Капустина, В. В. Медушевского, Ю.В. Перова, А.М. Цукера и других авторов. В названном проекте и его развитии в течение ряда лет участвовали также российские ученые, в том числе, автор этих строк.

Несколько слов к предмету российской музыкальной социологии. Известно, что еще в начале 1920-х гг., в Москве, на базе Московской консерватории, под руководством профессора Б.Л. Яворского, а также в Петрограде, в Институте искусствознания (Зубовском институте), под эгидой Р.И. Грубера были запущены разнообразные исследования нового зрителя и слушателя. Говоря современным языком, в их основе лежало изучение локального бытования искусства, а также создание принципиально новых просветительских программ для формирования «нового слушателя», «нового зрителя». В исследовательской части проектов подробно изучались типы зрителей или слушателей, заполнившие музейные и концертные залы в новой стране. В практической части – создавались инновационные программы музейного, концертного просвещения. Их авторами были выдающиеся ученые, профессора консерваторий и создатели музеев.

В огромной исследовательской и просветительской работе поражает масштаб исследований и искренняя просветительская вера авторов в возможность достижения быстрых результатов. Повторим еще раз: интерес зарубежных исследователей к явлениям российской гуманитаристике 1920-х гг., в том числе, к музыкальной социологии, вызван, как нам видится, соединением титанической образованности и просветительской веры.

Примечательно, хотя и печально, что в современной отечественной гуманитаристике это наследие остается недооцененным. Немецкие исследователи знают о ней больше и уж явно точнее.

---

<sup>1</sup> *Novak, Natalia*. Grauzone einer Wissenschaft. Musiksoziologie in der DDR unter Berücksichtigung der UdSSR. - Verlag und Datenbank für Geisteswissenschaften. - Weimar; 2006.

Крайний разброс в оценках можно воспринимать только с иронией, подозревая, что некоторые авторы не читали то, о чем они пишут.

Иногда музыкальную социологию 1920-х гг., а потом и второй половины XX века, трактуют как портрет музыкальной стратификации общества в духе Т. Адорно<sup>1</sup>.

В других случаях, что называется «с точностью до наоборот», понимают как мифологию брежневского времени, ориентированную на поддержку «имиджа» советской публики<sup>2</sup>.

В третьем варианте, осознавая, что музыкальные предпочтения важны и значимы для современной молодежи, именитый консерваторский профессор формирует на базе музыкально-социологических теорий оригинальный современный вузовский предмет для экономистов и социологов<sup>3</sup> престижного университета – Высшей Школы экономики.

В названные дискуссии мы вносим идею о том, что «российская музыкальная социология» - особый комплекс оригинальных исследовательских проектов и актуальных до сего дня просветительских программ<sup>4</sup>. К этой специфической тематике подходит **антиномичное определение, характеризующее общекультурную установку русской гуманитаристики пореформенной эпохи**. О.Б. Леонтьева, выдвигая идею антиподов и понятие «романтический позитивизм», дает следующее пояснение: «Во многих отношениях два больших стиля были антиподами: принципы научности и объективности, присущие позитивизму, явно противопоставлялись иррациональности и страстности роман-

---

<sup>1</sup> Адорно, Теодор В. Избранное: Социология музыки. М.; СПб., 1998; Михайлов А.В. Музыкальная социология: до и после Адорно. URL: [lib.vkarp.com/2011/06/05/a-v-mikhailov-muzikalnaya-sotsiologiya-a](http://lib.vkarp.com/2011/06/05/a-v-mikhailov-muzikalnaya-sotsiologiya-a); Хазанов Б. Вдохновитель Левекюна. Theodor W. Adorno, Thomas Mann. Briefwechsel 1943—1955 (Теодор В. Адорно, Томас Манн. Переписка 1943—1955 гг.) // Знамя. 2003. № 12.

<sup>2</sup> Букина Т.В. Научное мифотворчество брежневской эпохи: социология музыки конца 1960-х – начала 1980-х годов // NB: Культуры и искусства. 2013. № 2. С.1-41. DOI: 10.7256/2306-1618.2013.2.660. URL: [http://e-notabene.ru/ca/article\\_660.html](http://e-notabene.ru/ca/article_660.html)

<sup>3</sup> Карасева М.В. Программа дисциплины «Социология музыки» для направления 040200.62 «Социология», подготовка бакалавра. Государственный университет - Высшая школа экономики. 2009.

<sup>4</sup> Глотов М.Б. Границы предмета социологии искусства. 1999. URL: [ecsocman.hse.ru/data/902/896/1217/05\\_glotov\\_otsiologiya\\_kultury.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/902/896/1217/05_glotov_otsiologiya_kultury.pdf)

тизма». Однако, логика культуры сделала подобный методологический модус закономерным<sup>1</sup>.

Представляется, что подобная двойственность присуща русской культуре не только в названный период. Двойственность научной аналитики и просветительства – один из самых фундаментальных ее кодов. Научные построения сплетаются с просветительством, практикой не только в пореформенную эпоху, но и в другие периоды «тектонических сдвигов».

А вот романтические ли идеалы побуждали ученых заниматься практикой, постулировать «ответственность», «вину», «диалог», анализировать «семиосферу», допускать причудливые «гибридизации» – это спорный для нас вопрос.

Нельзя не считаться с тем, что романтическая концепция в культуре предполагает индивидуально настроенного героя, ориентированного на самопознание и самоутверждение. Все романтические персонажи русской художественной культуры значительны и уязвимы в своем личном самоутверждении: начиная от пушкинского Алеко. Просветительство бывало переполнено верой в преобразования, но романтической ли?! Индивидуалисты редко вкладывали душу в учеников и создание школ.

Вместе с тем, утверждение о двойственности культурных кодов в русской культуре, направленных одновременно на позитивистское исследования мира и на просветительское служение людям, представляется глубокой и справедливой. Мы бы назвали это проявлением общинного гуманизма, соборности, просветительского гуманизма<sup>2</sup>, который переплетается и целеполагает научный позитивизм.

Добавим еще несколько наблюдений о стойкости названного подхода в той специфической сфере, которую называют «музыкальной социологией», а в действительности, – позитивистским изучением моделей восприятия музыки и созданными на этой базе просветительскими программами.

---

<sup>1</sup> Леонтьева О.Б. Романтический позитивизм: к вопросу об историческом сознании российского общества XIX в.

<sup>2</sup> Бурлина Е.Я. Город-Страна-Планета. Модели гуманизма в художественной культуре. Изд.5-е., дополненное и расширенное. Самара, 2014.

Примечательно, что традиции отечественной музыкальной социологии возрождаются вновь во второй половине XX века. Уже в 1970-1980-е гг. музыкальная социология<sup>1</sup> подтвердила тектонический сдвиг в культуре, ссылаясь на резкое размежевание профессионального корпуса, кардинальное изменение институтов и жанровой афиши (сотни тысяч ВИА, «магнитофонную революцию», падение интереса к филармонической музыке и т.п.). Одновременно, выдающиеся деятели современной русской музыки живут идеями просветительства и подвижничества. Один из самых значимых концертных проектов XXI века называется «Новое передвижничество» – не имеющая аналогов, уникальная программа, комплексно реализующая идею художественного просветительства на территории России. Огромный вклад в ее продвижение вложил выдающийся ученый – музыковед, профессор А.С. Соколов: «Безусловно, идея просветительства всегда была в основе отечественного музыкального образования. С этого начиналась и консерватория»<sup>2</sup>.

Примечательно, что исследования реального многообразия культуры нередко вырастали в мире профессиональной (элитной) культуры столичных консерваторий, театральных институтов, Союзов композиторов и других институтов. Названный профессионально-этический комплекс стимулировал исследования в области социологии музыки, кино или театра. Выдающимся примером позитивистских и просветительских программ в XX в. можно считать, по нашему мнению, программу «Мировая художественная культура» Л.М. Предтеченской. Иногда кодекс элитарной и ответственной культуры «залетал» в провинцию и побуждал к созданию удивительных экспериментов, как например, работавшие по программе Д.Б. Кабалева школы в Куйбышеве-Самаре.

---

<sup>1</sup> Социология музыки и музыкальная культура молодежи. Материалы конференции. Союз композиторов, 1987; *Бурлина Е.* О понятии «музыкальный интерес» // Музыка и общество. Л., 1975; *Бурлина Е.Я.* «Музыкальный интерес» как социокультурная категория // Музыкальная академия. 1977. № 2; Вопросы социологии музыки / Под ред. Е.В. Дукова. М., 1990; *Молзинский В.В.* Проблемы изучения современных тенденций музыкального развития молодежи. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1987.

<sup>2</sup> Интересный собеседник. Александр Соколов: «Идея просветительства всегда была в основе отечественного музыкального образования». URL: <http://file-rf.ru/analitics/710>

Новые методы в гуманитарных науках рождаются в ходе тектонических сдвигов в культуре и являются ее кристаллизацией.

Названные идеи и материалы были представлены в лекции на тему: «Русская музыкальная социология между 1920-ми и 2000-ми: стимулы, исследования и участники», прочитанной в университете имени Мартина Лютера, в Халле (Германия). В роли «приглашенного профессора» из Самары выступала Е.Я. Бурлина. Лекция проходила в мае 2013 г. Позднее, в октябре 2013 г., эта же тема обсуждалась на заседании Самарского отделения Российского общества интеллектуальной истории.

## РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РОМАНТИЗМ ПО-ОБЫВАТЕЛЬСКИ

Вторая половина XIX – начало XX вв. «отмечена сильным ростом общественного движения, нередко приобретающего протестную и временами агрессивную и революционную форму»<sup>1</sup>. В это движение оказались включёнными и мещане провинциальных городов, Самары, Саратова, Симбирска, что явилось следствием «прогрессивных социальных изменений в обществе, следствием предоставленной экономической и гражданской свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий»<sup>2</sup>. Разгул революционной стихии приводил и к тому, что народ начинал «озоровать», и, как верно заметил в «Климе Самгине» М.Горький, «озоруют у нас от избытка сил». Озорующий мещанин – это, как правило, уличный пьяница-дебошир, повторяющий те антиправительственные лозунги, которые подслушал всё в том же кабаке, это и провинциальные учащиеся, вдохновлённые идеями и лозунгами эгалитаризма. За период с 1883 по 1886 гг. мещане и крестьяне составляли 45% «русского освободительного движения»<sup>3</sup>, хотя следует отметить, что исследователи, занимающиеся революционным движением в России, предпочитают оперировать не категорией сословности, а классовыми понятиями. Поэтому мещанство в таких исследованиях растворяется в категориях «рабочий класс» и «мелкая буржуазия», что затрудняет анализ именно сословных текстов поведения в революции.

---

<sup>1</sup> Миронов Б. Н. Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 198.

<sup>2</sup> Там же. С. 201.

<sup>3</sup> Лурье Л.Я. Эволюция численности, сословного, профессионального и возрастного состава деятелей русского освободительного движения на дворянском и разночинском этапах (по материалам био-библиографического словаря «Деятели революционного движения в России»). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1981. С.10.

Период первой русской революции и предшествующее ему время были интересны тем, что обыватель, вслед за интеллигенцией, включался в революцию. Мещанин-обыватель 1917 года ментально уже был человеком иного дискурса. Слишком много эсхатологически тревожного, принципиально нового произошло в его повседневной жизни за 10 предреволюционных лет. Если бы не задача проследить постепенное угасание сословности к 1917 году, данный период можно было бы выделять как самостоятельное исследование эволюции самосознания мещанина, перешагнувшего все «рубежи»: сословный, легитимный и нравственный. Этот мещанин одной ногой стоял в дореволюционной России, другой – в советской. Этот мещанин был вовлечён в стихию Гражданской войны и примерял новые социальные маски. Поэтому, несмотря на хронологический период, пролонгированный в нашем исследовании до 1917 г., девиации революционного времени будут в основном сосредоточены на периоде с конца XIX в. и до 1907 г.

Ряд дел фонда жандармского управления, отмеченных принадлежностью к мещанскому сословию, позволяет выявить некий общий поведенческий стереотип, вызванный, с одной стороны, революционными событиями в стране, с другой стороны, над-исторический, неизменный для обывательской психологии в любые эпохи – критика власти, облачённая в форму своего рода «исторического анекдота», так как каждая история была бы смешна, если бы её следствием не являлись искалеченные судьбы. (Работая с этими делами, особо обращалось внимание на семейное положение, возраст и графы «за границей не был», «к суду не привлекался»: в отличие от интеллигенции, эти мещане не видели мир, их собственный провинциальный локус был обжит и регламентирован, повседневность, не связанная с нарушением закона, определялась хронотопом провинциального города и отсутствием серьёзных девиаций. Столкновение с машиной власти отныне всё меняло. Для маленького человека сила данного столкновения значила много, вела к смене жизненных стратегий, разрушала привычную повседневность). Сюжет приблизительно один: напившийся (или трезвый) мещанин ругает публично царя, предрекает революцию и производит

какие-либо действия с Бумагой как знаком революционного времени (совсем необязательно это запрещённая литература, листовки или прокламации). В контексте общественного невраза 1905-1907 гг., эти вполне обычные действия и обычные предметы приобретают логику бунта и порождают фигуру доносчика. Доносчик – наблюдатель. Исследование «почвы» его наблюдений – ещё один путь постижения ускользающей истории повседневности, в данном контексте, революционной повседневности.

5 февраля 1905 г. самарский мещанин и владелец пароходов П.В.Лобастов зашёл в свою мастерскую и обратился к слесарям, слышали ли они об убийстве генерал-губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича. Слесаря ответили, что читали об этом в «Самарском курьере». На что Лобастов заметил: «Подделом вору и мука! Будет, пожил и пограбил будучи генерал-губернатором г.Москву и её градожителеей!»<sup>1</sup>. Среди слесарей находился И.Н.Палкин, крестьянин, проживавший в этой же хозяйской слесарной мастерской. В деле отмечено, что Палкин был уволен Лобастовым за верноподданнический протест по поводу его высказывания. Как следствие, Палкин донёс на своего хозяина в жандармское управление. «Имею честь просить Самарское городское жандармское Управление принять моё доношение в том, что я подписавшийся... сего года к отбыванию воинской повинности и по сие время находясь на службе в должности слесаря у Нижегородского магазина и пароходовладельца «Павла Васильевича Лобастова» проживающего в настоящее время в г. Самаре, получил от него г. Лобастова по весьма неудовлетворительным причинам расчёт от службы, а именно: за протест с моей стороны на слова вышеупомянутого Лобастова, которые заключаются на правонарушения Государственного Общественного Строя и всяк его данных, а именно за поношение чести на Его Императорское Величество Великого Князя и генерал-Губернатора г.Москвы Сергея Александровича в бозе почившего от руки злоумышленника. В тот день т.е. 5 числа февраля по приходе его г.Лобастова к нам в мастерскую и обращение к нам с вопросом: «Слышали ли вы о вышеупомянутом происшествии». И когда

---

<sup>1</sup> ГУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.467. Л. 1-2.

получил ответ от двух служащих, что слышали из доставленного нам № Самарского Курьера изволил осчастливить нас следующим ответом: «Поделом вору и мука» - к довершению сего добавил: «будет дескать поджил и пограбил будучи Генерал-губернатором г.Москву и ея градожителей». И я, как будущий слуга Царя и Отечества дерзнул донести на своего хозяина то, что слышал, да и нельзя допускать подобных вещей, так как и по время у нас ещё не окончились между рабочим людом и их подстрекателями социал-демократические движения по поводу сказанного не токмо, чтоб установить тишину, а подобные хозяева и пароходовладельцы как г.Лобастов производят совершенно обратное дело для революций»<sup>1</sup>. Палкину на момент доноса было 20 лет. В его голове, как видно из данного текста, полная сумятица: на слуху термин «социал-демократические движения», верноподданнические чувства, подлость, зависть и проч. на фоне общей нестабильной ситуации в городе. Даже если принять на веру сведения Палкина, существует совершенно определённая грань между революционными речами и вечным упрёком русского человека в адрес воров из власти самого разного уровня. Жандармское управление эту грань осознавало. Производство дела решено было прекратить за отсутствием признаков преступления<sup>2</sup>.

Самарская городская дума на своём чрезвычайном заседании 13 декабря 1905 г. отмечала, что «жизнь обывателей» находится в опасности, так как «масса вооружённых людей не стесняются стрелять на улицах»<sup>3</sup>, «торговля прекратилась»<sup>4</sup>. Спустя некоторое время, представитель другого лагеря, И.И.Блюменталь охарактеризует Самару 1905 года как «сравнительно глухой провинциальный пункт», в котором мещанско-купеческое население жило «сонной провинциально-обывательской жизнью», а самарские рабочие в значительной степени «были полу-мещанами»<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. Листы в деле далее не пронумерованы.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. Ф.153. Оп.36. Д.1144, Л. 62 (а).

<sup>4</sup> Там же. Л.45.

<sup>5</sup> *Блюменталь И. И.* Социал-демократия и революционное движение 1905 г. в Самарском крае: материалы по истории РКП (б) и революционного движения. Самара, 1925. С. 4-10.

В подобном обывательском пространстве выстрелы звучат сильнее, речи кажутся крамольнее, а в листах бумаги видятся Прокламации. Так, во время пьяной драки в ресторане гостиницы Улановой на углу улиц Вознесенской и Москательной у мещан В.Бабенышева и Н.Булова вывалилась пачка бумажек, которую свидетели приняли за прокламации. Было заведено уголовное дело по статье 129 Уголовного Уложения. Был допрошен официант гостиницы крестьянин Андрей (фамилия неразборчиво – прим.авт.). Он сообщил, что к ним в гостиницу пришли Н.П.Булов, И.Максимов и постоянный посетитель гостиницы – служащий в губернской земской управе рыжий господин с бородой и в очках, и ещё каких-то два-три неизвестных мужчины. Сидя за одним столом, рыжий господин стал что-то читать, но что он читал, официант не обратил внимания и ушёл за кушаньем. Когда Андрей вернулся, в ресторане произошёл скандал. Некто Дольнов бросил в рыжего господина стаканом. И из рыжего господина вывалились бумажки, похожие на прокламации<sup>1</sup>. Из протокола допроса присутствовавшего там мещанина Василия Никитича Бабенышева выяснилось следующее. «Придя в гостиницу г.Улановой, я заказал две порции жареной рыбы, ко мне подошли торговцы Николай Фёдорович Назаров, Иван Петрович фамилии не припомню служащий у И.Н.Александрова Клавдий Павлович Соколов и с ними слесарь, помощник бухгалтера...Я между прочим показывал письмо печатанное на пишущей машинке и картинку, присланную мне на 1 апреля в письме выражено, как я ездил сдавать хлебные продукты на дальний Восток и вообще сдачу интендантству в скверно матерных выражениях Карточку эту видели все и смеялись». А потом все подрались<sup>2</sup>. Жандармскому управлению в этой всеобщей смуте действительно каждый раз следовало разбираться: политическое это преступление или элементарная пьяная драка. Показательно другое: реакция свидетелей драки на Бумагу и последовавший донос.

Мещанин Н.Васильев, проходя по улице Саратовской, в 22.30 вечера выронил прокламации, начал их собирать, но мимо проходившие люди, сразу рас-

---

<sup>1</sup> ГУСО ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.484. Л.5-21.

<sup>2</sup> Там же. Л.27-27 (Об.).

познав эти листки, его задержали<sup>1</sup>. Прокламации наводнили обывательский мир, стали элементом повседневности, обыватель даже знал, как они должны выглядеть: узкая полоска печатного текста. 31 июля 1905 г. в городском саду г. Бузулука, напившись, буйствовал крестьянин И.Н.Пушкин. При задержании нарушителя покоя в карманах его шаровар была найдена прокламация социал-демократической партии. Пушкин сообщил, что прокламацию ему дал мещанин Барковский. Барковский виновным себя не признал, так как, по его словам, прокламацию нашёл за городом, недалеко от мельницы Чемодурова, на которой он работал. Придя домой, он попросил своего соседа Пушкина почитать, о чём пишут студенты. А Пушкин напился и забыл выбросить прокламацию<sup>2</sup>. 9 февраля 1905 г. мещанин А.О.Смирнов, будучи пьян, сообщил крестьянину, высказавшему соболезнование по поводу убийства Великого князя Сергея Александровича: «Туда ему подлецу, мерзавцу, с.... сыну и дорога...19 февраля предстоит бунт, у меня есть по этому поводу прокламация, которую даю только под страхом меня не выдавать, а иначе того...»<sup>3</sup>. Мещане разбрасывали прокламации на железнодорожных путях<sup>4</sup>, оставляли на подоконниках в общественных учреждениях<sup>5</sup>. Мещане сквернословили в адрес власти, как правило, напившись. В первый день Пасхи 1905 г., двое мещан, Е.Борисов, наборщик типографии и И.Васильев, столяр, «будучи немного выпимши» (в документе уточняется «твёрдо стояли на ногах») в гостях заявили: «Царя нам не нужно, царь обирал и обирает народ, дурак он!»<sup>6</sup>. 30 августа, на базаре, 49-летний мещанин, переплётчик и письмоводитель В.Д.Волохов, будучи пьян, говорил торговцам: «Я знаю, в Японии идёт бунт. Микадо хотят убрать. Уберут и у нас Николашку, выгонят в ..... мать...» (далее ненормативной лексикой о том, что государь не умеет вести войну и слушать своих министров, потому что – дурак! – Прим. авт.) Когда Волохова допрашивали в жандармском управлении, вину свою он

---

<sup>1</sup> Там же. Д.455. Л. 8-25 (Об.).

<sup>2</sup> Там же. Д.490. Л. 5-27.

<sup>3</sup> Там же. Д.468. Л. 2.

<sup>4</sup> Там же. Д. 470, 484, 490, 486, 460, 411 «А», 438, 439, 424, 418, 442, 458, 456, 455, 563 и др.

<sup>5</sup> Там же. Д.456. Л.1 (Об.).

<sup>6</sup> Там же. Д.411 (а). Л.6-24.

не признал, так как, по его словам, страдает запоем, и что с ним в это время происходит, он «решительно не помнит»<sup>1</sup>. Мещанин П.А.Бобылёв, 27-летний конторщик чайной компании «Губкин-Кузнецов», в магазине пел, будучи пьян, революционную песню «Отречёмся от старого мира» и нецензурно выражался в адрес царя: «Мать вашу ети, а равно вашего царя»<sup>2</sup>. Поздно вечером, в пивной, мещанин В.А.Константинов обругал наследника престола матерными словами. В своё оправдание заявил, что «был пьян, ничего не помнит, даже как очутился дома!»<sup>3</sup>. К мещанину Васильеву, выпивавшему после работы с друзьями, подошёл мещанин Скосырев и спросил: «В кого ты веришь?» Васильев ответил: «В Бога и Царя». На что Скосырев ответил: «... (ненормативная лексика – Прим. авт.) я вашего царя, какую он тебе помощь дал?»<sup>4</sup>. Другой мещанин с такой же фамилией Васильев, был осуждён по 131 статье Уголовного Уложения. Он пришёл к казарме батареи, расположенной в доме Топорнина и стал говорить солдатам, что не нужно царя и не нужно войны: «Зачем вам самодержавие, нужно жить свободно!»<sup>5</sup>. Мещанин Д.О.Попов, маляр, угощая за свой счёт в пивной приятелей пивом, рассказывал, что в Самаре существуют два комитета, которые очень богаты и вооружены, что скоро в Самаре будет бунт, царя убьют и государством будет управлять народ<sup>6</sup>. Работник иконописной мастерской, мещанин А.В.Календо, напившись, решил выступить перед народом с призывом давить купцов и отбирать у них землю на углу Троицкой и Москальской улиц. Дело решено было прекратить, так как Календо «просто был пьян, ещё и дрался!»<sup>7</sup>. Мещанин Александр Мельников собрал вокруг себя на вокзале толпу солдат, уезжавших на Дальний Восток и стал их убеждать вступить в партию социал-демократов, не исполнять приказы начальства в особенности в тех случаях, когда будут приказывать «стрелять в бунтовщиков»<sup>8</sup>. 28-

---

<sup>1</sup> Там же. Д.438. Л. 1-18.

<sup>2</sup> Там же. Д. 439. Л. 2-16.

<sup>3</sup> Там же. Д. 418, Л.5,6.

<sup>4</sup> Там же. Д.442. Л.8 (а).

<sup>5</sup> Там же. Д.492. Л.2-3.

<sup>6</sup> Там же. Д.458. Л.6-27.

<sup>7</sup> Там же. Д.514. Л.18-25 (Об.).

<sup>8</sup> Там же. Д.563. Л.1.

летний мещанин Пётр Хальзов, сотрудник «Самарской газеты», окончивший два класса духовной семинарии, женатый, был осуждён по 129 статье за распространение изданий социал-демократической рабочей партии<sup>1</sup>. Мещанин Игнатий Серебряков был приговорён к аресту на один месяц за то, что 18 октября 1905 г. крикнул: «Долой самодержавие, мы свергнем Николашку!» и сбежал<sup>2</sup>. Мещанин Александр Дмитриев пел на станции Самара революционные песни. А когда осмотрщик вагонов депо увидел его, то «схватил в зубы и начал рвать тетрадку». При обыске у Дмитриева была обнаружена брошюра «Молодое слово»<sup>3</sup>.

Неожиданно для Самары в «Правительственном вестнике» за июль 1905 г. была опубликована статья о найденном в Самаре в вагоне Красного Креста сундуке с золотом на миллион рублей<sup>4</sup>. Как всегда, шёл подробный рассказ о том, что сумма проверялась три раза и в конечном счёте оказалось 600 000 руб., но газета делала вывод, что скорее всего всё это слухи!<sup>5</sup> Но был встревожен порочащими Красный Крест слухами Председатель Главного Управления Российского общества Красного Креста, написавший письмо Д.Ф.Трепову с просьбой о помощи в данном деле. Письмо начиналось с достаточно личного обращения: «Любезный Митя!»<sup>6</sup>. Но вот уже в «Сыне Отечества» появляется статья под названием «Золотая утечка», в которой рассказывается о найденном в Самаре в вагоне Красного Креста ящике с золотом<sup>7</sup>. Причём была в этой же статье приведена пародия на опровержения, появившиеся в прессе: «Петербург. Его ...ству ... Слухи нахождения ящика золотом преувеличены. Найден старый кошелек пятиалтынными. Похищен неизвестным злоумышленников. Приняты меры. Помпадуров»; «Его ...ство редактору газеты «Авторитетные заявления» (по телефону): -Алло!...Господин Беззастенчивый?... Да... Да... В газетах по-

---

<sup>1</sup> Там же. Д.543. Л.5-6.

<sup>2</sup> Там же. Д.546. Л.1.

<sup>3</sup> Там же. Д.518. Л.1-7 (Об.).

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф.102. Д-3. Оп.103. 1905 г. Д.1 ч. 51 л.Б. Л.1.

<sup>5</sup> Там же. Л.2.

<sup>6</sup> Там же. Л.6.

<sup>7</sup> Там же. Л.7.

явилось сообщение о найденном на станции ...ящике с золотом. Напечатайте, пожалуйста, опровержение. Да... Да... Всё вздор... Да... Пустой кошелёк... Да... Это всё провинциальные вральи... Да... Народ бунтуют... Пожалуйста...»<sup>1</sup>. После того как из столицы самарскому губернатору стали поступать от вышестоящих начальников телеграммы о безотлагательном проведении расследования, в Самаре, наконец, в жандармском управлении этим занялись. Выяснилось, что 8 июня 1905 г. слесарь депо станции Самара Косицын, подрабатывающий могильщиком на Молоканском кладбище, дожидался со своими двумя товарищами «приноса покойника». И тут они увидели, что 5-6 парней тащат от железнодорожного полотна какой-то сундук. Слесари-могильщики заподозрили кражу и погнались за парнями. Парни сбежали, а сундук бросили. Так как замок на сундуке был не повреждён, его просто отнесли обратно в вагон Красного Креста, даже не заглянув, что там было<sup>2</sup>. Но после того, как в столице пошёл слух о самарских сундуках с золотом, все стали смеяться над бедным Косицыным, обвиняя его в том, что он никому, кроме Петербурга, не рассказал о находке.

26 мая 1905 г. токарь Алатырских железно-дорожных мастерских мещанин М.Ф.Конаев, «будучи в нетрезвом виде», катался по городу на велосипеде и упал около тротуара, где играли дети. Находившийся рядом слесарь Актушинский заметил, что так можно и детей ушибить и пьяному лучше сидеть дома. «Эти слова Конаеву показались очень обидными и он нанёс рану слесарю Актушинскому шилом»<sup>3</sup>. Прибывший в дом к Конаеву полицейский надзиратель потребовал отвечать на вопросы, на что Конаев «со словами “Я вам сейчас отвечаю” пошёл в спальню и, взяв ружьё, заряженное картечью, выстрелил в полицейского надзирателя весь заряд картечи»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же. Л.13.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф.102. Д-3. 1905. Оп.103. Д.1 ч.41. Л.Б. Л. 14.

<sup>4</sup> Там же. Л.14 (Об.).

17 мая 1905 г. 15 нижних чинов Дагестанского Казачьего полка, следовавшего на Дальний Восток, произвели беспорядки в Сызрани<sup>1</sup>. На самом деле беспорядки в Сызрани были гораздо серьезнее. На войну следовали 2 эшелона с добровольцами из осетин, лезгин и кавказских татар<sup>2</sup>, всего 450 человек<sup>3</sup>. Из рапорта сызранского полицмейстера рисуется следующая картина. Около полночи, он находился в театре. Вдруг прибежал городской из Песчаной улицы и сказал, что большая толпа горцев, вооружённых палашами, кинжалами и револьверами, партиями по 10-15 человек отправились в дома терпимости, располагавшиеся на этой улице и стали производить буйство и стрелять. В этот момент полицмейстер увидел, как в сад театра ворвалась группа вооружённых подвыпивших горцев и срочно принялся звонить Военному начальнику, находившемуся в этот момент дома, с просьбой прислать на помощь местный кавалерийский полк. Но Военный начальник ответил, что присылкой конного патруля можно только ещё сильнее разозлить горцев и посоветовал полицмейстеру обратиться за помощью к эшелонным начальникам горцев. Эшелонные начальники, прибывшие в этот момент в театр, вначале стали отказываться ехать на Песчаную улицу усмирять своих подопечных, так как «ещё не закусывали». Но потом признались, что сопровождаемые ими нижние чины «собранны в горах Кавказа, народ дикий, необузданный, в войсках не служивший и никакого понятия о дисциплине не имевший, причём каждый из них отбывший несколько раз тюремное заключение за разные преступления. Со дня выезда с Кавказа люди эти совершили несколько раз преступления в том числе и убийства, в виду чего они командиры просили своё начальство сделать распоряжение, чтобы эшелоны их не останавливались на дневки ни в городах, ни на станциях»<sup>4</sup>. Пока полицмейстер совещался с начальниками эшелонов, горцы, проведавшие о сызранском «квартале красных фонарей», отправились к проституткам. Но проституток кто-то успел предупредить и они все попрятались. В доме Егоровой, в

---

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф.102. Д-3. 1905. Оп.103. Д.1 ч.41. Л.Б. Л.11.

<sup>2</sup> Там же. Л.16.

<sup>3</sup> Там же. Л.18.

<sup>4</sup> Там же. Л.18 (об.).

квартире проституток-одиночек, горцы, никого не обнаружив, забрали у кухарки 20 аршин ситца, 3 кофты, шерстяное платье и 2 простыни, всего на 30 руб.<sup>1</sup> Также, не получив девиц в доме Кудрявцевой, ограбили кухарку-мещанку, забрав у неё 3 шерстяных платья, 16 аршин полотна и несколько гребёнок, всего на 25 руб. Но тут увидели во дворе одну проститутку, не успевшую спрятаться, погнались за ней и изнасиловали. Одна проститутка в другом доме по той же улице спряталась в ретирадном месте, но также была настигнута горцами. В доме Шуганковой, требуя девиц, подстрелили служащего мещанина М.А.Гуртового. По Песчаной улице Сызрани располагались не только действующие дома терпимости, но и проживали бывшие проститутки. Так, у 70-летней содержательницы дома терпимости отобрали 100 руб. серебром и несколько золотых и серебряных вещей. Не испугались во всей Сызрани разбушевавшихся горцев только доблестные городовые и пожарники, которые вступили с ними в бой<sup>2</sup>. Но из казарм на помощь бежали уже солдаты, вооружённые камнями, ножами и палками. Пока бежали – били всех встречных, разбивали окна в домах, ранили пристава и караульщика. Так по Сызрани в 1905 г. проходили эшелоны на войну.

24 июня 1905 г. по Симбирску стали попадаться пьяные солдаты, переходившие из трактира в трактир, затевающие ссоры, толкающие прохожих на улицах, бранившихся и угрожающих всем. Городовой сделал им замечание и еле спасся бегством, так как один из солдат выхватил нож и погнался за городовым. По телефону городовой вызвал подкрепление. А народ, горожане, столпились посмотреть на бушующих солдат, скучились экипажи – всем было интересно! Солдаты перед толпой стали ещё больше безобразничать. Так продолжалось до тех пор, пока не приехали воинское начальство и не разогнали хулиганов<sup>3</sup>.

В 1906 г. торжественный день открытия Первой государственной Думы в Симбирске омрачился для горожан печальными событиями. В 11 часов утра го-

---

<sup>1</sup> Там же. Л.19.

<sup>2</sup> Там же. Л.20.

<sup>3</sup> Там же. Л.25.

рожане собрались на Венце на торжественный молебен в Кафедральном соборе. Но тут выступила учащаяся молодёжь с пением «Марсельезы», «Варшавянки» и других революционных песен. Как печаталось в сызранских газетах, образовалась толпа до 3 тысяч человек. Приехали стражники с ногайками и начали всех разгонять. Демонстранты разбежались с одного места и собрались в другом, около тюрьмы, где вновь скорбно запели «Вы жертвою пали в борьбе роковой», а из тюрьмы им отвечали пением «Марсельезы». Тут и сюда добрались стражники и начали избивать ногайками толпу по признаку светлых пуговиц, форменных фуражек, красных или чёрных рубах и синих брюк<sup>1</sup>.

Выражать интересы своего сословия и говорить от лица мещан – две совершенно разные вещи. В издании «Партии народной свободы» Н.П.Дружинин заявлял, что интересы мещан теснейшим образом связаны с теми реформами, которые предлагала Первая дума: уравнивание прав всех сословий, уничтожение сословных привилегий<sup>2</sup>. А «Партия народной свободы», внеся законопроект о новом избирательном законе, по которому в выборах могли бы принимать участие все граждане на одинаковых правах – как раз и отвечает интересам мещанства<sup>3</sup>. И заканчивался очерк, посвящённый мещанам, призывом: «Граждане – мещане! Записывайтесь в Партию Народной Свободы (Самара Дворянская, 112). Партия Народной Свободы в списке кандидатов в гласные городской думы поставит мещан и жителей всех окраин. Все должны иметь в городской думе своих представителей»<sup>4</sup>.

24 января 1906 г. на заседании Симбирского губернского земского собрания выступал, как представитель городского общества, городской голова Волков, потрясённый событиями предшествующего периода: «как представитель города, всё время переживал те политические движения, которые совершались в населении нашего города», но и «в городском общественном управлении тоже была забастовка. Все служащие ...пригласили меня и объявили, что они такие

---

<sup>1</sup> Симбирские отклики // Сызрань, № 99, 4 мая, 1906. С.1.

<sup>2</sup> Дружинин Н.П. Мещане, их положение и нужды. С.13.

<sup>3</sup> Там же. С.14.

<sup>4</sup> Там же. С. 15.

же русские люди и они, переживая несчастье, постигшее Россию и сочувствуя этому, не могут спокойно заниматься делом... Я...говорил им, что политические взгляды – это дело совести каждого, что их насиловать за это городское управление не в праве и не будет этого делать... После манифеста 17 октября движение в городе было настолько сильное, что его не под силу было остановить Председателю Управы... 18 октября и в последующие дни движение народа в городе было огромное, толпы народа ходили по улицам, пели Марсельезу, Боже Царя храни...»<sup>1</sup>. Председатель губернской управы потребовал, чтобы Волков внёс в Думу вопрос об отводе помещения под митинги, так как все митинги стали проводить в помещении губернской управы, что мешало её повседневной деятельности. И вот на заседании земства Волков жаловался дальше: «По Волге нет города, который перенёс бы это народное движение с меньшими потерями, чем Симбирск»<sup>2</sup>. А параллельно предложил под митинги отвести помещение земской управы, которая по своим симпатиям ближе к этому митингующему народу. Но земство уже испытало на своих помещениях всю «преlestь» проведения в них митингов и поэтому земец Мотовилов заявил: «здесь во время митинга развевались революционные флаги и раздавались крики: «Долой самодержавие! Да здравствует, кажется, республика!» Я не знаю кому приятны такие вещи?! Мне они неприятны!»<sup>3</sup>. Данный спор в земстве, вызванный желанием городских властей навести «порядок» в революционном движении, предоставив помещение для митингов, свидетельствует об общем столкновении в городе хаоса и порядка. Часть обывателей оказалась вовлечённой в деструктивный революционный протест, а часть – настаивала на своём праве жить в порядке, как всегда, по правилам.

Свидетельством общего падения нравственности и распущенности текстов поведения в провинции в 1906 г. становится сообщение в Департамент Полиции о том, что 7 января в 9 часов утра унтер-офицер, проходивший по залу

---

<sup>1</sup> Стенографический отчёт заседаний Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1905 года с 12 – 28 января 1906 г. Симбирск, 1906. С.2.

<sup>2</sup> Там же. С.3.

<sup>3</sup> Там же. С.8.

станции Пенза Сызранско-Вяземской железной дороги увидел, как избивают железной палкой новобранца, заступился, хулиганы принялись избивать и унтера, грозить ему кинжалами<sup>1</sup>. А из состава поезда-жилья главного железнодорожного состава было похищено 152 трёхлинейных винтовки и 7500 патронов<sup>2</sup>. 29 апреля 1906 г. в поезде № 3 в вагоне второго класса помещались корнет В.А.Семенихин, дворянка Игнатенко и помощник машиниста Турганов. Вдруг в вагон самовольно вошёл с билетом третьего класса мещанин А.Н.Хохлов в нетрезвом виде и потребовал от корнета в грубой форме, чтобы он освободил место. Не вставая, корнет заметил, что мест в поезде много. Хохлов начал его «оскорблять...самыми площадными словами...и схватил корнета за горло». Корнет выхватил револьвер и выстрелил в Семенихина в упор. Пуля попала в нос и застряла. Мещанину тут же была оказана помощь и его здоровью ничего не угрожало. Но корнету помощь потребовалась. Вначале он отдал для перевязок своё бельё, «видимо был сильно потрясён происшествием», а «офицерам пришлось за ним наблюдать, во избежание покушения на самоубийство»<sup>3</sup>. Это история была бы комичной, если не свидетельствовала о том периоде, в который вступала страна: вседозволенности плебса и неготовности ещё образованной части русского общества стрелять в соотечественников при опять-таки наступившей вседозволенности в использовании оружия. Революционеры изнутри сорвали «клапан», сдерживаемый до этого универсальной этикой, основное правило которой гласило: «не убий!», «не укради!». Но при пересылке вещей самарского губернатора Якунина из Одессы через Харьков в Самару все эти вещи, стоимостью в 10 тыс. руб., были украдены и так и не обнаружены<sup>4</sup>. И вновь в Департаменте Полиции обнаруживаются сообщения о том, что в Симбирске ротмистр застрелил свою сожительницу «по неосторожности»<sup>5</sup>.

Издатель саратовского Адрес-календаря во вступительном обращении к читателям в 1906 г. жаловался на современные условия, которые «мешают правиль-

---

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф.102. Д-3. Оп.1906. Д.1 ч.10лБ Л.2.

<sup>2</sup> Там же. Л.3.

<sup>3</sup> Там же. Л.14-14 (Об.).

<sup>4</sup> Там же. Л.32 - 36.

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф.102. Д-3. Оп.103. Д.1 ч.41 л.Б. 1905. Л.1-2.

ной, систематической работе. Во время октябрьских, Ноябрьских и Декабрьских событий невозможно было думать о собирании материала и его систематизации. Неубывающая волна забастовок приостанавливала повседневную жизнь»<sup>1</sup>. С другой стороны, революция только убыстрила хронотоп горожанина. И тот же издатель писал: «С другой стороны быстрый темп нашей жизни, когда ежедневно происходит «переоценка всех ценностей», когда бюрократическая машина старается показать, что она действует ещё вполне исправно...»<sup>2</sup>. Но, несмотря на море рекламы в Адрес-календаре, свидетельствующей об экономическом прогрессе, 1905 г был назван издателем «кровавым» годом<sup>3</sup>.

Провинция была взбаламучена событиями первой русской революции, и обыватель уже не собирался успокаиваться. 28 декабря 1909 г. в посаде Мелекесс, Ставропольского уезда, в народном доме был устроен танцевально-костюмированный вечер с выдачей призов за наиболее оригинальный костюм. Среди собравшихся гостей в начале вечера появился загримированный молодой человек, как впоследствии оказалось, уволенный ученик Симбирского коммерческого училища Власов, в костюме, изображающим политического преступника, приговоренного к смертной казни. Одетый в грязное и поношенное платье, Власов держал в руках, по обеим сторонам туловища, сделанную из картонных трубок виселицу. Спускавшаяся с виселицы верёвка обматывала шею замаскированного, а на перекладине был прикреплен картон с надписью: «За слово». Власов был тотчас же удалён полицией. На этот же вечер в половине второго ночи пришёл судебный следователь второго участка Ставропольского уезда Красноярский. Исполнявший должность пристава посада Мелекесс, Василий Верозуб, отозвал судебного следователя в сторонку, рассказал ему про костюм Власова и попросил совета, как поступить в данном случае: «доносить ли об этом начальству или же ограничиться сообщением об этом жандармским властям и прокурору»<sup>4</sup>. Красноярский ответил, что он прислушается к разгово-

---

<sup>1</sup> От издателей // Адрес-Календарь г.Саратова на 1906 г. Саратов, 1906.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> ГУСО ЦГАСО. Ф.8. Оп.1. Д.706. Л.4.

рам публики, подумает, а затем даст просимый совет. Через полчаса Верозуб снова разыскал Красноярского и попросил всё-таки ответить ему. Тогда Красноярский сказал: «Власов совсем ещё мальчишка, за поведение на вечере его просто следовало бы побить, а доносить об этом начальству не стоит, впрочем – это Ваше дело»<sup>1</sup>. Верозуб всё-таки донос написал, о чём, встретившись 31 декабря с Красноярским, сообщил ему. «Напрасно, - ответил Красноярский, - Власова исключат из учебного заведения»<sup>2</sup>. Красноярский был после этого заподозрен в том, что «придерживается левых взглядов». Об этом свидетельствовали другие доносы о его репликах. Так, ставропольский уездный врач Дютнер сообщал, что Красноярский в разговоре с приставом четвёртого стана Ставропольского уезда осуждал действия правительства по поводу военного суда и, в частности, осуждал деятельность губернатора Якунина за приговор о смертной казни для политического преступника<sup>3</sup>.

Наступающий 1916 г. в газете «Симбирянин» описывался в поэтических образах «зари», «чистой волны», «новых мирных идеалов»<sup>4</sup>.

В 1917 г. пьяных на улицах городов стало ещё больше, что добавляло сумятицы в умах и усиливало ощущение общего беспорядка. Сызранская городская дума призывала «принять меры к недопущению торговли и распитию вина и других одуряющих суррогатов»<sup>5</sup>.

Таким образом, политическая ситуация в стране добавила к традиционным девиациям, связанным с преступлениями уголовного порядка, политические девиации и нравственные, являющиеся неизбежным следствием репрессивного контроля над населением. Общая атмосфера вседозволенности, этически подкреплённая революционными идеями, приводила к появлению нового хулиганства, хулиганства революционного. Исчезали старые дегрессивные символы, скреплявшие традиционные городские общины, и вместе с ними разрушалась

---

<sup>1</sup> Там же. Ф.8. Оп.1. Д.706. Л.4.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Симбирянин. Ежедневная политическая, общественная и литературная газета. № 2505. 1916. С.1.

<sup>5</sup> Сызранский филиал ГУСО ЦГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.24. Л.38.

«уставная норма», исчезал порядок. Общество мещан города из последних сил пыталось привести всё в систему. Но если раньше оно изгоняло из своей среды «порочных» и «кристаллическая решётка» сословной организации от этого не страдала, то в ситуации, когда общество менялось изнутри, интенсивно пополняясь около революционным элементом, всё труднее становилось определить «порок» и избавиться от него. «Порок» пропитал сам воздух города и создал иной язык, синкретический язык, на котором говорил обыватель революционной эпохи, объединяющий саму идею, её адаптированный обывательской средой вариант и новые коммуникативные эмоции. При этом сама дисциплинарная сословная структура продолжала функционировать, создавая видимость непоколебленного целого. Имперские сословные ритуалы спасали обывателя от революционной стихии.

## О МИХАЛЕ БОБЖИНЬСКОМ

Двухтомный «Очерк истории Польши» («*Dzieje Polski w zarysie*») Михала Бобжиньского совершенно обоснованно считается самым известным обобщением польской истории. Ни одна общая работа польского историка не получила такой широкий, многомерный резонанс, в чем можно убедиться, обратившись, например, к хорошо известной историографической хрестоматии, составленной около полувека назад Марианом Серейским<sup>1</sup>. В европейской историографии мы найдем не так много дискуссий, сопоставимых по размаху, накалу, продолжительности с той, что развернулась после выхода книги в 1879 г. Представления о Бобжиньском как одной из центральных фигур польской историографии давно уже непоколебимы. Эти представления перестали быть эмоциональными декларациями единомышленников или оппонентов, получив убедительное подтверждение в новейших переизданиях сочинений Бобжиньского в «патентованных» сериях классики польской историографии и политологии<sup>2</sup>.

Впервые я прочитал «Очерк» Бобжиньского в 1967 г., когда у нас, студентов II курса исторического факультета Ленинградского университета, начиналась специализация по истории южных и западных славян. Потом я много раз перечитывал книгу – сама риторика текста обладает живой притягательностью, и пространные цитаты, которые здесь приводятся, позволяют это почувствовать. Может быть, Бобжиньский не был образцовым стилистом, но его книга отмечена не менее ценным литературным достоинством – очень индивидуальным стилем. Это не просто рассуждающий, аналитический стиль (что уже очень ценится в научной прозе) – это стиль настойчивого диалога, от участия в котором читателю трудно уклониться. Так может писать человек, имеющий

---

<sup>1</sup> *Historycy o historii: Od Adama Naruszewicza do Stanisława Kętrzyńskiego / Zebrał, wstępem i koment. opatrzył M.H.Serejski. Warszawa, 1963. T.1: 1775–1918; 1966. T.2: 1918–1939.*

<sup>2</sup> См., например: *Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie. Warszawa, 1987 [Seria «Klasyki Historiografii Polskiej»]*; *Bobrzyński M. Zasady i kompromisy: Wybór pism. Kraków, 2001 [Seria «Biblioteka Klasyki Polskiej Myśli Politycznej»]*.

твердую собственную позицию, убежденный в безусловной ценности и оправданности главной идеи своего труда. Авторская позиция отличается редкой цельностью – один вопрос связан с другим, любой компонент книги пронизан ее сквозным, организующим «мотивом».

Станислав Эстрейхер, ученик и биограф Бобжиньского, свидетельствовал, что «Очерк» был написан 28-летним автором в 1877 г. быстро, в течение нескольких месяцев, и опубликован в 1879 г. Вспыхнула бурная дискуссия, слышались гневные обвинения, однако в 1880–1881 гг. появилось второе издание «Очерка», а в 1887 г. – третье. Вполне понятно, что книга должна была вызвать самый живой интерес в России, ведь позиция краковского профессора совпадала с построениями, безраздельно господствующими тогда в российской исторической полонистике и общественно-политической мысли. В 1888 г. выходит в переводе на русский язык I том «Очерка», а в 1891 г. – II том<sup>1</sup>. Перевод редактировал Н.И.Кареев, который еще в 1886 г. в обстоятельной статье назвал появление книги Бобжиньского «переворотом» (не «поворотом») в новейшей польской историографии<sup>2</sup>.

Настоящим «переворотом» мог показаться и польским, и российским современникам Бобжиньского главный тезис его «Очерка», выраженный без оговорок, с редкой категоричностью. Включившись в обсуждение самого болезненного, «рокового» для поляков вопроса о причинах падения Речи Посполитой, Бобжиньский утверждал: «Не границы и не соседи, а только внутренний беспорядок довел поляков до потери политического существования» [Т.II. С. 310]. Бобжиньский, наверное, понимал, что такой взгляд встретит самое драматическое сопротивление в коллективном и индивидуальном сознании сограждан, но при этом твердо настаивал на том, что историк должен говорить не про-

---

<sup>1</sup> *Бобжинский* [так по-русски транслитерировалась фамилия *Bobrzyński*] М. Очерк истории Польши / Пер. с 3 польск. изд. под ред. Н.И.Кареева. СПб., 1888. Т. I; 1891. Т. II. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте в квадратных скобках.

<sup>2</sup> *Кареев Н.И.* Новейшая польская историография и переворот в ней // Вестник Европы. 1886. Дек. С. 535–588. См. также: *Аржакова Л.М.* К вопросу о так называемом перевороте в польской историографии и его восприятию в России // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. 2010. №12. С. 85–91.

сто правду, но «нагую правду». Говорить и писать правду, не боясь последствий – незабываемый императив для историка. Правда, считал Бобжиньский – это и теоретический постулат, и этическая категория, определяющая научное творчество. В заключении к «Очерку» он написал: «Во имя нагой исторической правды нам приказала дать такую картинку та научность, о которой мы говорим, приступая к сочинению. Ведь многие историки, смотря открытыми глазами на польские ошибки и грехи, окончательную причину несчастья и потерю политического существования взваливают все-таки на внешнее насилие, на испорченность соседей! Мы представили дело иначе. Не оспаривая признанной неправды, не оправдывая совершенного беззакония, мы выступили против утверждения, что польский народ пал только от чужого насилия, и причину несчастья искали в самих поляках» [Т. II. С. 308].

В отличие от большинства русских историков, Бобжиньский совершенно не склонен был рассматривать польское прошлое с позиций жесткого финализма, т.е. полагая, что чуть ли не с раннего средневековья государство неуклонно и необратимо двигалось к политическим катастрофам XVIII в. В XV и XVI вв. поляки имели немало достижений, но XVI век стал переломным, именно в XVI веке надо искать главные причины упадка польской государственности. «Кто однако пишет историю Польши с XVI века, – вновь внушал читателю Бобжиньский, – тот должен как можно больше налечь на вопрос о создании сильной правительственной власти, потому что около этого первостепенного вопроса вращаются в это время все усилия и борьба народа; без его решения не могло быть речи об успешном труде в каком бы то ни было другом направлении, он заключает в себе все и все направлено на служение ему; даже в тогдашней польской поэтической и богословской литературе политический интерес явно господствующий» [Т. II. С. 316-317].

Признавая существование общих законов, определяющих развитие государства и общества, Бобжиньский был убежденным западником, уверенным в том, что «поучение от... прошлого несомненно состоит в том, что польский народ рос и укреплялся только благодаря усвоению себе полезных приобрете-

ний западной цивилизации, только расширением кругозора своих убеждений и чувств, только благородным трудом над самым возвышенными задачами человечества» [Т.П. С. 328]. Национальное самооправдание, а тем более национальное самолюбование с использованием различных концепций «особого пути», по мнению, историка, являются неизбежным следствием необъективного подхода и к прошлому, и к актуальным вопросам дня.

Если можно говорить о «заветах» Михала Бобжиньского, то, по крайней мере, два из них заслуживают нашего внимания и почитания – стремление к объективной исторической истине и преданность истине при всех меняющихся политических, социокультурных, житейских обстоятельствах. В самом деле, когда в 1927 г. вышло четвертое издание «Очерка», автор не изменил не только общий план труда, но и оставил неизменным главные основания и принципиальные тезисы, сформулированные полвека назад. Только разделы «Литература» существенно пополнились новыми публикациями.

Исторические построения Бобжиньского, конечно, заслуживают более основательного анализа, но наша конференция посвящена теории и методологии историографии, а потому будет оправданным рассмотреть методологические установки краковского историка. Анализ этой стороны творчества Бобжиньского может быть очень полезным, так как историк интересовался теоретическими проблемами историописания и даже представил свое методологическое *sredo* во введении ко второму изданию «Очерка».

Научная, профессорская карьера Бобжиньского начиналась в 1870-х гг. Европейская историография, пережившая в предшествующем десятилетии «методологическую революцию», осваивала новые – позитивистские – теоретические основания<sup>1</sup>; история становилась делом преимущественно профессионалов. Получив юридическое образование в Краковском университете, в особой атмосфере консервативно-аристократического Кракова, Бобжиньский затем стажировался в университетах Берлина и Страсбурга, усвоив там немец-

---

<sup>1</sup> *Maternicki J.* Historia i życie narodu: Poglądy i postawy historyków polskich XIX i XX w. Rzeszów, 2009. S. 134–135.

кую культуру изучения человека и общества. Первые работы начинающего историка посвящены истории средневекового права, а медиевистика была и остается лучшей школой для профессионального историка – изучение средневековья приносит такой методический опыт, которого часто недостает исследователям истории нового времени. Эти выбранные фрагменты интеллектуальной биографии Бобжиньского-историка позволяет понять, почему он программно принял главные положения «современной (или “новейшей”) исторической школы», к которой причислял также своих старших краковских коллег – выдающихся историков Валериана Калинку и Юзефа Шуйского. Сформулированные Бобжиньским положения «новейшей исторической школы» стоит процитировать здесь с небольшими сокращениями:

«1) История не должна быть слугой какой бы то ни было априорной системы, она должна быть самостоятельной, должна быть верным изображением жизни народа во всем ее продолжении и во всех проявлениях.

2) Нужно необходимо покончить с довольно распространенными до сих пор девизами в роде: “обнажение истины обесчестит нас в чужих глазах, оправдает несправедливости, нам сделанные, отвратит нашу молодежь от преданий прошлого, лишит бодрости нас самих для дальнейшей работы”. Но никакие взгляды не позволяют искажать исторической истины, так как только голая, ничем не прикрываемая истина может оказать спасительное влияние на общество...

3) Ни личный произвол историка, ни его артистическое чутье, ни отрывочные политические сведения, почерпаемые из случайного чтения и практического опыта, не достаточны для выбора, сопоставления и оценки фактов. Основанием исторического суждения может и должно быть основательное ознакомление с общественными и политическими науками в самом широком смысле этого слова. Такое ознакомление удержит историка прежде всего от рабского подчинения фактов принципам совершенно другого порядка. Оно укажет ему предел, где в данное время оканчиваются научные наблюдения и начинаются гипотезы, научит отличать научные гипотезы от философских априорных хи-

мер, укажет те исторические явления, которые при современном состоянии науки не поддаются объяснению и которые, следовательно, он должен перестать толковать и объяснять произвольно» [Т.1. С.32].

Узнаются позитивистские постулаты, которые позже, разве что в более рафинированных формулировках, будут канонизированы в многочисленных методических пособиях Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Но историография никогда не бывает только видом научного поиска или ученого любопытства, особенно если научные дискуссии вокруг сочинения историка быстро перерастают в политические споры.

«Реальный позитивизм» Бобжиньского, как обычно бывает, и не мог соответствовать идеализированной модели новой науки. «Можно стыдиться того, что у нас еще и теперь существуют писатели, толкующие об абсолютном беспристрастии историка, о том, какой вред приносит народу открытие исторической истины, о необходимости вызывать энтузиазм посредством приукрашивания прошлого и т. п.» [ Т.1. С.7], – обращался он к своим оппонентам, а потом еще раз напоминал: «Для историка наивысшим девизом должна быть не какая бы то ни было теория, хоть бы и самая возвышенная, а благо народа, судьбы которого он исследует и изображает» [Т.1. С.16].

Историк, возложивший на себя миссию социального педагога, неизбежно втягивается в реальную политику. Бобжиньский и не скрывал свои политические амбиции, а с середины 1880-х гг. главным его делом надолго становится политика. Искренне преданный консервативной идее, Бобжиньский отвергал либеральную модель демократии, видя в республиканских институтах вульгарный диктат простолюдинов. К деятельности Бобжиньского-политика охотно обращаются исследователи и публицисты<sup>1</sup>, биографы единодушно отмечают его последовательность и постоянство во взглядах и действиях.

---

<sup>1</sup> Прежде всего тут нужно назвать монографии самого преданного биографа Бобжиньского Вальдемара Лазуги: *Łazuga W. Michał Bobrzyński: Myśl historyczna a działalność polityczna*. Warszawa, 1982; *Łazuga W. Ostatni Stańczyk: Michał Bobrzyński – portret konserwatysty*. Toruń, 2004. Из новейших работ см.: *Булахтин М.А. Польский консерватор Михал Бобжиньский: портрет на фоне эпохи // Историки-слависты МГУ. Кн. 10: Славянский мир профессора Матвеева. М., 2013. С. 171–188.*

На смерть Бобжиньского в 1935г. последовало много откликов. Среди них выделялся мемориальный очерк Марцелия Хандельсмана, имевшего к тому времени заслуженную репутацию выдающегося польского историка. С величайшим пиететом характеризуя покойного, Хандельсман заключал, что «место Бобжиньского в одном ряду с Маколеем, Мишле и Тэнном»<sup>1</sup>. Мы уже не узнаем, насколько польстило бы такое почетное место самому Бобжиньскому, отличавшемуся строгим отношением к коллегам по цеху и считавшего, например, Бокля «гениальным дилетантом, но не историком и не юристом-политиком» [Т.1. С.10].

---

<sup>1</sup> *Handelsman M. Michał Bobrzyński // Portrety uczonych polskich / Wybór A. Biernackiego. Kraków, 1974. S. 57.*

**РОМАНТИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ:  
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ  
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XIX В.**

Обращаясь к изучению романтизма или позитивизма в исторической науке, следует учитывать, что они представляют собой не просто течения или направления научной мысли. Как правило, говоря о романтизме или позитивизме, мы ведем речь о целой эпохе в развитии культуры. Романтизм в нашем представлении отождествляется с яркими и оригинальными течениями в литературе, музыке, изобразительном искусстве, философии XIX в.; с особым мироощущением и даже с характерными жизненными практиками – переживанием бытия «на грани двух миров», культом свободы и героики, трагическим пафосом избранничества и отверженности. Сходные наблюдения можно сделать и в отношении позитивизма. Присущий позитивизму культ строгой научности, стремление к объективному познанию реальности, к выявлению закономерностей воплотились не только в сфере науки и философии второй половины XIX в., но и в искусстве того времени – прежде всего, в живописи и литературе<sup>1</sup>. В этом плане, безусловно, и романтизм, и позитивизм можно считать «большим стилем» своего времени. Во многих отношениях два больших стиля были антиподами: принципы научности и объективности, присущие позитивизму, явно противопоставлялись иррациональности и страстности романтизма.

Поэтому, изучая романтизм или позитивизм как историографические направления, следует принимать во внимание не только внутреннюю логику развития исторической науки, но и общий контекст эпохи – с ее мировоззренческими исканиями, общественно-политическими дискурсами, тенденциями

---

<sup>1</sup> *Барт Р.* Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 392-400; *Novick, Peter.* That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. P.31-46; *Ankersmith F.R.* The Reality Effect in the Writing of History; the Dynamics of Historiographical Topology. Amsterdam; N.Y., 1989.

развития художественной культуры. Здесь представляется перспективным подход, предложенный М.А.Баргом и предполагающий исследование «системных связей историографии с данным типом культуры, и в частности с ее мировоззренческой сутью», изучение «исторического сознания» общества<sup>1</sup>. Согласно разработанной им концепции, историческое сознание «определяет пространственно-временную ориентацию общества», «способ фиксации исторической памяти (миф, хроника, история)», а также «отбор, объем и содержание достопамятного»<sup>2</sup>. Научные исторические знания, в таком случае, предстают как одна – но далеко не единственная – из составляющих исторического сознания общества. Обращаясь к изучению исторического сознания общества, историк получает возможность рассмотреть под новым углом зрения такие процессы, как противоборство или сосуществование различных течений и направлений в исторической науке: эти явления предстанут перед нами как симптомы важных мировоззренческих перемен, свидетельство изменений «большого стиля» эпохи.

С этой точки зрения мы в настоящей статье рассмотрим проблему взаимоотношений романтизма и позитивизма в российском историческом сознании XIX в.

Трудность, возникающая при изучении этой темы, заключается в следующем. В современном сообществе историков практически нет разногласий по вопросу о том, когда возник и в чем именно проявлялся позитивизм в российской исторической науке: его, как правило, связывают с деятельностью «русской исторической школы» и «московской исторической школы», расцвет которых пришелся на последнюю четверть XIX – начало XX вв.

Более сложным и неоднозначным представляется вопрос о том, каково место романтизма в российской историографической традиции. Романтизм обычно соотносят с национальным дискурсом, с пониманием нации как главного субъекта исторического процесса, а «духа народного» (имманентно присущих

---

<sup>1</sup> Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Цепь времен: Проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П.Репина. М., 2005. С.13.

<sup>2</sup> Там же.

данному народу душевных качеств) – как движущей силы истории. Для историографии романтизма характерно представление о том, что народный дух ярче всего проявляется в борьбе за свободу с внешними врагами, поработителями и угнетателями; отсюда – свойственный романтикам нарратив народных страданий, склонность к созданию образов народных героев и мучеников, национальных пантеонов и мартирологов. Считается, что временем расцвета романтизма в западноевропейской исторической науке была первая половина XIX в. Но где отыскать соответствия этому в российской историографии? Можем ли мы, например, связывать романтическую традицию в российской исторической науке с именем Н.М.Карамзина – или Н.А.Полевого, со славянофилами – или с западниками, или же с теми и другими?..

Этот вопрос решался в отечественной исторической науке с различных позиций. Так, в «Русской историографии» Н.Л.Рубинштейна Карамзин охарактеризован как представитель рационалистической историографии XVIII в., а к романтическому направлению отнесены Н.А.Полевой и славянофилы<sup>1</sup>. Напротив, в современном учебном пособии Л.П.Репиной, В.В.Зверевой и М.П.Парамоновой первым представителем романтической историографии в России назван именно Н.М.Карамзин, а дальнейшее развитие романтизма в отечественной исторической науке связывается с деятельностью как славянофилов, так и западников<sup>2</sup>. В то же время, по нашему мнению, ни западников, ни даже славянофилов невозможно считать представителями «чистого» романтизма: для западников была характерна критика романтизма с гегельянских позиций<sup>3</sup>, а славянофилы резко отвергали романтический культ личности, противопоставляя ему принцип «соборности». Для славянофилов, несомненно, народный дух выступал как направляющая сила истории; но проявлением народного духа они считали не столько активное действие, сколько терпение, интуитивную мудрость и стоическую верность христианским идеалам. В исторических

---

<sup>1</sup> Рубинштейн Н.Л. Русская историография (1941). СПб., 2008. С.196-197, 280, 312-313.

<sup>2</sup> Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С.163.

<sup>3</sup> Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб., 2007. С.97, 161 и др.

же трудах западников – прежде всего «государственной школы» в лице ее ведущих представителей: С.М.Соловьева, К.Д.Кавелина, Б.Н.Чичерина, – в качестве субъекта истории выступало скорее государство, чем народ.

Трудности атрибутики романтической историографической традиции в России, как представляется, связаны с теми проблемами, которые неминуемо возникают при изучении культурных заимствований, трансферов и трансляций. Юрий Манн в своей работе «Динамика русского романтизма» говорит о том, что своеобразие русского романтизма обуславливалось его положением «перенимающего эстафету» по отношению к западноевропейскому и американскому романтизму. «Когда восприимчивые дети длительное время находятся в обществе взрослых, то у них черты детскости своеобразно переплетаются с чертами ранней зрелости и преждевременной опытности. Русский романтизм по отношению к западному находился в подобном отношении сложной преемственности»<sup>1</sup>. Это сказано Манном по отношению к романтизму в русской литературе, – но справедливо и по отношению к романтизму в сфере исторического знания. Используя сравнение Г.Померанца, можно сказать, что Россия по отношению к европейским идеям и учениям была не «пассивной почвой, принимающей в себя рожь и овес и рождающей рожь и овес», но скорее материнским лоном со своей собственной наследственностью, способным генетически трансформировать чужое семя<sup>2</sup>. Как это часто происходило с европейскими идеями, на русской почве романтическая историография приобрела свои характерные особенности.

В связи с этим можно отметить еще одну любопытную тенденцию. Расцвет романтизма в русской художественной литературе обычно относят к 1820-1830-м гг.; о романтизме в русской философии говорят применительно к «замечательному десятилетию» – концу 1830-х – 1840-м гг. На наш взгляд, романтические веяния в исторической науке и – шире – в историческом сознании общества со-

---

<sup>1</sup> Манн Ю. Динамика русского романтизма. М., 1995. С.376.

<sup>2</sup> Померанц Г.П. Семеро против течения: «Вехи» в контексте современности // Октябрь. 1991. № 2. С.171.

хранились на еще более долгий срок, вплоть до эпохи Великих реформ – второй половины 1850-х – 1870-х гг.

Романтизм оказал сильное влияние на развитие «демократического» направления российской исторической науки эпохи Великих реформ. Это направление было связано с изучением истории «снизу», с позиций непривилегированных, угнетенных слоев общества; ему был присущ интерес к темам социального протеста, к истории быта, к типично «народным» формам самоуправления и организации хозяйственной жизни.

В трудах историков этого направления – прежде всего его основателей, Н.И.Костомарова и А.П.Щапова, – история русского народа представляла как драматичная история угнетения и героического сопротивления. Роль поработителя и угнетателя при этом отводилась не иноземным захватчикам, а собственному государству. И Щапов, и Костомаров полагали, что некий роковой рубеж в российской истории был перейден в XVII веке, в эпоху формирования крепостного права и бюрократического управления, уничтожившего старинную практику местного самоуправления. Оба историка считали народный протест против собственного государства – с его крепостничеством, налоговым гнетом и административным произволом, – исторически объяснимым и морально оправданным; при этом Костомарова более интересовали активные формы протеста (казацкие восстания), а Щапова – пассивный стоический протест, религиозное диссидентство (старообрядчество)<sup>1</sup>. Обоих историков живо волновала история народного самоуправления (казацкой вольницы или раскольничьих общин) – как доказательство, что у простого народа вопреки столетиям угнетения сохранился свой социальный идеал, основанный на началах равенства, выборности и вольности; что этот идеал («при котором не было ни тягла, ни обременительных поборов, ни ненавистных воевод и дьяков, где все считались равными, где власти

---

<sup>1</sup> *Костомаров Н.И.* Материалы и исследования. Богдан Хмельницкий. М., 1994; *Костомаров Н.А.* Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М., 1994; *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859; *Щапов А.П.* Земство и раскол. Вып.1. СПб., 1862.

были выборные»<sup>1)</sup> при возможности может быть успешно воплощен на практике.

Так в российской исторической науке середины XIX в. сформировался дискурс, который можно обозначить как демократический. Сама идея взаимного отчуждения государства и народа, их скрытого или явного противостояния, безусловно, восходила к славянофилам; но теперь в нее был привнесен актуальный для эпохи реформ мотив социального угнетения. Представления о народе в рамках этого дискурса амбивалентны: народ велик и могуч, но сам не знает своей силы; народ обладает социальным идеалом (сообщество демократических, самоуправляющихся общин), но любые попытки воплотить этот идеал жестоко подавляются государством. Адекватным ответом народа на государственный и крепостнический гнет сторонники этого направления считали активный протест – восстание – или же пассивный протест: религиозное диссидентство, бегство, организацию самоуправляющихся общин на окраинах и в труднодоступных регионах страны. При обращении к сюжетам народного сопротивления на первый план в историческом повествовании закономерно выходили яркие, незаурядные личности, сильные и цельные, готовые на борьбу за свои идеалы, неистовые и бескомпромиссные в этой борьбе, безжалостные как по отношению к другим, так и к самим себе: такие, как протопоп Аввакум или Степан Разин.

Это восприятие истории проявилось не только в профессиональной науке (у Костомарова, Щапова и их последователей – таких, как Д.Л.Мордовцев, Н.Я.Аристов, А.С.Пругавин, И.П.Прыжов). В литературе той эпохи такие представления о народе были ярко воплощены в творчестве Н.А.Некрасова, поэтов и писателей народнического круга; в живописи – у передвижников, в музыке – в творчестве «Могучей кучки». Ключевыми фигурами исторической памяти того времени, наряду с фигурами правителей и полководцев, становились романтизированные образы предводителей и участников народных движений – каза-

---

<sup>1</sup> Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 т. Ростов-на-Дону, 1995. Т.2. С.400.

ков и стрельцов, – а также лидеров старообрядчества, представавших как герои ненасильственного сопротивления. Историю их жизни, борьбы и мученичества раскрывали перед читателем научно-популярные труды и исторические романы, им посвящались живописные полотна и оперы, стихи и созданные в народном духе песни – например, бессмертная «Из-за острова на стрежень» или «Утес Стеньки Разина». Именно сквозь призму этих представлений воспринимали российскую историю народники, в особенности М.А.Бакунин и другие сторонники «бунтарского» направления. Образ Степана Разина широко использовался в народнической пропаганде в годы «хождения в народ», а география «хождения» охватывала именно те регионы, где, по расчетам народников, должны были либо сохраниться исторические воспоминания о народных восстаниях, либо наличествовать поселения старообрядцев<sup>1</sup>.

В сознании образованного общества пореформенной России, по наблюдению Марины Могильнер, сложился своеобразный «миф о Герое»<sup>2</sup>: героем, с этой точки зрения, мог считаться тот, кто обретает Правду (или приобщается к народной Правде) ценой самоотречения и самопожертвования. Этот героический текст поведения был реализован в народничестве; достаточно прочесть, например, воспоминания Н.А.Морозова, чтобы убедиться в сильнейшем влиянии романтической литературы на формирование народнических представлений о героизме и самопожертвовании<sup>3</sup>. Таким образом, демократический дискурс пронизывал собой не только историческую науку, но и все историческое сознание пореформенного общества, оказывая воздействие на понимание и прошлого, и настоящего, и будущего.

На наш взгляд, этот демократический дискурс, сложившийся в историческом сознании пореформенной России, явно воплотил в себе многие черты романтизма: представление о народе как о движущей силе истории, о народной

---

<sup>1</sup> *Etkind, Alexander*. Whirling with the Other: Russian Populism and Religious Sects // *The Russian Review* 62 (October 2003). P.565-588; *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература, революция. М., 1998.

<sup>2</sup> *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. С.41-61.

<sup>3</sup> *Морозов Н.А.* Повести моей жизни. Мемуары. В 2 т. М., 1965.

истории как о хронике героического сопротивления; стремление постичь тайны народной души; интерес к судьбам незаурядных, сильных личностей, героев-бунтарей; любовь к фольклору и подражаниям народному творчеству. Ключевое отличие от западноевропейского романтизма состояло в том, что движущей силой истории для приверженцев демократического дискурса был не народ-нация, а народ-демос, а в роли врага-угнетателя выступало собственное государство. Это была своеобразная версия романтизма, созданная на основе не национальных, а демократических идей.

Однако парадокс российской пореформенной культуры заключался в том, что романтическое видение истории воплощалось реалистическими художественными средствами; как известно, именно 1860-1870-е годы были временем формирования мощных, новаторских реалистических течений в российской живописи, литературе, музыке. Как и в странах Европы и Америки, в пореформенной России реалистическое направление в искусстве естественным образом сочеталось с «благородной мечтой» об объективизме в научном знании, с триумфом позитивизма – и, в частности, позитивистского подхода к обществу. Основоположники «русского социализма» и народничества – Н.Г.Чернышевский, П.Л.Лавров, Н.К.Михайловский и другие, - как правило, по своим философским взглядам солидаризировались с позитивизмом или, по крайней мере, сочувственно отзывались о нем. Вера в освобождающую силу научного знания; убеждение, что дело социальных наук – открывать законы исторического процесса, что для открытия законов истории необходимо изучать движение народных масс, а не деяния великих личностей, и что в идеале задача историков состоит в том, чтобы отыскать «формулу истории»... Позитивизм пронизывал самые разные сферы исторического сознания пореформенного общества. Так, о возможности отыскать «формулу истории» писали и отец-основатель народнической идеологии П.Л.Лавров, и крупнейший российский историк В.О.Ключевский<sup>1</sup>; попытки отыскать закономерности массовых движений в ис-

---

<sup>1</sup> *Лавров П.Л.* Собр. соч. / Под ред. Н.Русанова, П.Витязева и А.Гизетти. IV серия: Статьи историко-философские. Вып. 1. Пг., 1918. С.41, 60; *Ключевский В.О.* Методология русской ис-

тории были предприняты и Н.К.Михайловским в его знаменитой серии очерков «Герои и толпа» (представляющих собой своеобразный синтез знаний в области истории, биологии, психиатрии)<sup>1</sup>, и Л.Н.Толстым в его эпопее «Война и мир». Характерно, что при этом ни один из названных здесь мыслителей не остался чужд демократическому дискурсу, демократической системе ценностей: П.Л.Лавров и В.О.Ключевский – каждый в своей сфере – заострили внимание на социальной и культурной розни «высших» и «низших» слоев общества; Л.Н.Толстой и Н.К.Михайловский – опять-таки каждый в своей степени – верили в спасительную и очистительную силу народной Правды.

По всей видимости, появление в российской мысли пореформенной эпохи так называемого «субъективного метода в социологии» и было способом преодолеть противоречие между позитивно-научным подходом к познанию общества – и романтическим видением истории, столь тесно вплетенным в мировоззренческую ткань эпохи. Наиболее характерными чертами этого метода, предложенного в трудах Лаврова и Михайловского, были следующие: оценка действительности с точки зрения идеала; сочувственное переживание как путь к познанию истории (так, Михайловский считал, что историк, изучающий человека, выполнит свою задачу, если «перемыслит его мысль, перечувствует его чувство, перестрадает его страданиями, проплачет его слезами»<sup>2</sup>); наконец, внимание к идеалам, целям и ценностям людей, которые действовали в истории (с позиций сегодняшнего дня соблазнительно было бы увидеть в «субъективном методе» первый, пока еще робкий шаг к рождению исторической антропологии).

По нашему мнению, в историческом сознании российского общества эпохи Великих реформ было представлено сложное сочетание, смешение двух «больших стилей» эпохи: романтического и позитивистского. Демократический дискурс, столь характерный для той эпохи и унаследованный интеллигенцией

---

тории // Ключевский В.О. Сочинения. В 9-ти тт. Т.6: Специальные курсы. М., 1989. Лекция 20.

<sup>1</sup> Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в 2 т. СПб., 1998.

<sup>2</sup> Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т.1. СПб., 1911. Стб. 56.

конца XIX – начала XX вв., можно рассматривать как своего рода «кентаврическое соединение» – романтическое видение истории в рамках этого дискурса зачастую обосновывалось с помощью позитивистского подхода, романтизированные образы героев-бунтарей воплощались художественными средствами реализма. Как ни парадоксально, именно это смешение трудно сочетаемых черт придало пореформенной российской культуре неповторимый, узнаваемый облик.

**КАК ИМПЕРИИ СОЗДАЮТ НАЦИИ:  
РОМАНТИЗАЦИЯ ШОТЛАНДСКОГО ГОРЦА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ  
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВВ.**

В академической среде (в том числе и среди профессиональных историков) существует, кажется, определенное согласие относительно того, что подразумевается под романтизмом Европы эпохи Нового времени. Стилистическое, жанровое и идейное своеобразие этого историко-культурного феномена во многом определяется и объясняется от противного – как анти-Просвещение по указанным выше позициям. Распространенное мнение при этом гласит, что в британской литературе романтизм как новое направление формируется во второй половине XVIII в., а его расцвет приходится на конец XVIII - начало XIX вв., имея в виду воздействие Великой французской революции. В качестве своеобразной реакции на ее революционные эксцессы романтизм и представал в Британии в этот период, отвергая радикализм «воодушевленных верой в прогресс и разум» французов.

Если Просвещение характеризуется культом разума и основанной на его началах цивилизации, то романтизм утверждает культ природы, чувств и естественного в человеке. Востребованным оказывается образ «благородного дикаря», вооруженного «народной мудростью» и не испорченного цивилизацией. В Великобритании второй половины XVIII – первой трети XIX вв. (и далее) самым «благородными» из «дикарей» и самыми «дикими» (в романтическом смысле этого слова) среди наделенных «благородными» качествами были назначены шотландские горцы.

Британский романтизм, в этом смысле, явился новой формой дальнейшей интеллектуальной колонизации Горной Шотландии и ее мятежных еще вчера обитателей. Пребывая во многом в тени Просвещения, этот процесс отражал явления в истории общественно-политической мысли Великобритании не менее

важные, чем реакция на революционные события во Франции или осмысление последствий промышленного переворота на родине. Восприятие горцев британской политической нацией (конструирование которой вышло на новый уровень после заключения в 1707 г. Англией и Шотландией унии) как внутреннего «Другого», находилось в центре взаимосвязанных и пересекавшихся процессов строительства наций и создания Британской империи. Единство Англии и Шотландии после 1707 г. было столь шатким и неочевидным, что понадобилось его укрепить. «Варварский» (пока еще не романтически «дикий») Хайленд пришелся очень кстати.

Изгнанный в результате Славной революции 1688 г. король Англии и Шотландии Яков Стюарт сам призвал кланы Горного Края выступить за дело «законной династии». При этом во всех крупных выступлениях якобитов, как стали называть сторонников изгнанных Стюартов, горцы Шотландии приняли самое значительное участие. Не удивительно, что армии «Претендентов» из Стюартов на британский престол в исторической памяти британцев прочно ассоциировались с жителями Горной Страны.

Итак, формирование британской идентичности – это не только предмет изучения для современного историка, но и насущная имперская по характеру и сути задача для модерного британского государства (как для реализации имперских проектов в XVIII в., так и для успешной конкуренции с национализмами в империи и за ее пределами в XIX и XX вв.). Британская идентичность, таким образом, являлась идентичностью имперской, и в этом смысле ее компоненты приобретали имперское значение и измерение. Среди них в том числе – и образ шотландского горца – сначала как конституирующего «Другого» в роли мятежного «варвара»–горца (британский вариант Просвещения), а затем как пример патриотизма и образец героя империи (британский предромантизм и романтизм второй половины XVIII – XIX вв.).

Если перевести эту историю на язык британской романтической литературы, то ее имперский контекст наиболее полно явил себя в творчестве Джеймса Макферсона (вторая половина XVIII в.) и сэра Уолтера Скотта (конец XVIII

– первая треть XIX вв.). В подавляющем большинстве работ внимание сосредоточено либо на их роли в романтизации образа горца, либо на месте их сочинений в конструировании юнионистской «концентрической» идентичности шотландцев как жителей Шотландии и Великобритании одновременно. Не меньший интерес, однако, имеет связь между формами имперского мышления, формированием имперской идентичности и романтизмом Макферсона и Скотта.

Применительно к «Оссиановскому циклу» поэм Джеймса Макферсона и «шотландским романам» сэра Уолтера Скотта необходимо попытаться последовательно поместить эти сочинения в контекст биографий их авторов, в политический контекст расширения британского присутствия в Горной Стране и Британской империи в мире в XVIII–XIX вв., в литературный контекст романтизма как особого жанра письма, и, таким образом, выделить биографические, актуально-политические и культурные пласты их содержания. Иными словами, понять, *как* и *зачем* написаны поэмы и романы шотландских по происхождению и интересам, но про-британских по занимаемой ими позиции авторов с точки зрения их роли в укреплении британской идентичности и расширении Британской империи.

Исследовательская оптика требует при этом отдельного комментария. В конце 1970-х гг. американский историк палестинского происхождения Эдвард Вади Саид в своем широко известном исследовании западного ориентализма («Ориентализм. Западные концепции Востока», 1978 г.) задал новые рамки изучения взаимоотношений культуры и власти, определяемые через ту роль, которую литературные произведения играют в укреплении идеологических основ империализма в эпоху модерна (к слову сказать, одна из его работ так и называется – «Культура и империализм», 1993 г.)<sup>1</sup>. В конце 1980-х гг. Эрих Хобсбаум, наш британский коллега, предложил концепт «изобретенной традиции» – создание наций (процессы, в которых европейский романтизм XVIII–XIX вв. играл особую роль) связано с формулированием объединяющих «традиционных» (историко-культурных) начал такого воображаемого сообщества («Изоб-

---

<sup>1</sup> Said E. W. Orientalism. London, 1978; Said E. Culture and Imperialism. London, 1993.

ретение традиции», 1989 г.). Последнее – аналитическая категория, предложенная в 1983 г. другим британским историком, Бенедиктом Андерсоном («Воображаемые сообщества», 1983 г.), использованная Хобсбаумом при выработке указанной выше концепции «изобретенной традиции»<sup>1</sup>. Для современных исследователей империй и национализмов концепции Саида, Хобсбаума и Андерсона по-прежнему являются обязательным чтением и, часто, отправной точкой научного поиска.

Романтическая революция в восприятии обитателей Горной Шотландии во второй половине XVIII – первой трети XIX вв., продолжившая интеллектуальную колонизацию края в новых условиях и обстоятельствах, рассматривается в данном случае как раз через призму аналитических категорий, введенных в научный оборот Саидом, Хобсбаумом и Андерсоном в конце 1970 – начале 1980-х гг. с поправкой на авторскую трактовку исследовательского потенциала предложенных ими концепций.

В отличие от Саида, я не свожу постижение «другой» реальности лишь к ее перетолкованию в интересах господства и подчинения – романтизация шотландского горца была не только формой расширения британского присутствия в Горной Стране, но и инструментом колонизации институтов современного британского государства (колониальных администраций и армии) самими шотландцами.

Имея в виду исследования шотландских коллег, невозможно согласиться с тем, что до изобретения романтической версии шотландской истории и романтического образа горца последний, как полагает Хью Тревор-Рупер, один из авторов организованного Хобсбаумом сборника, целиком и полностью принадлежал миру гэльской Ирландии. Горная Страна, по мнению автора, была для британских романтиков «чистым листом», лишенном специфики культурного региона, что упрощает представление о контексте формирования нового, романтического образа шотландского горца.

---

<sup>1</sup> *Anderson B. Imagined Communities: reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983; The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm E. and T. Ranger. Cambridge, 1983.*

В том, что касается воображаемых сообществ Андерсона, необходимо учитывать, что хотя сама концепция описывает модель строительства наций в рамках отдельного национального государства, имперская идентичность европейских модерных империй выстраивалась по тому же самому принципу.

\* \* \*

Итак, создание отдельного культурного пространства в пределах Горной Шотландии, создание нового мифа о шотландском горце, мифа, сформировавшегося при Георгах (III и IV) и отполированного в викторианский период, началось с деятельности поэта Джеймса Макферсона. В 1760 г. в Эдинбурге он опубликовал «Отрывки старинных стихотворений, собранных в Горной Шотландии и переведённых с гэльского или эрского языка». Его друзья организовали сбор средств на издание английского перевода этой поэмы, который и был опубликован в Лондоне в 1761-62 гг. – «Фингал, древняя эпическая поэма в шести книгах, вместе с несколькими другими поэмами Оссиана, сына Фингала. Переведены с гэльского языка Джеймсом Макферсоном» (переиздано в 1762, 1765 и 1773 г.).

Представляется весьма примечательным тот факт, что начало романтической традиции изображения реалий Горной Страны совпало с событиями, положившими конец другой традиции – традиции восприятия Хайленда как ахиллесовой пяты Соединенного Королевства, как края, всегда готового поддержать десант враждебной иностранной державы. Прежде всего, речь идет, конечно, о Франции, с которой Британия пребывала с 1689 г. (вплоть до 1815 г.) во «Второй столетней войне».

В сентябре 1759 г. генерал Уолф отобрал у французов Квебек, в чем немалую помощь ему оказали полки шотландских горцев, которых Лондон стал широко привлекать к военной службе с 1757 г. (всего 10 лет спустя после подавления последнего мятежа якобитов в Горной Стране). В ноябре 1759 г. в заливе Киброн британский флот одолел флот французский, предотвратив самую масштабную (по замыслу) высадку французских войск в Британии (в расчете на поддержку в Горной Шотландии). В таком имперском контексте «открытие»

древней гэльской поэзии «благородных дикарей» Горной Страны можно прочесть как часть более широко процесса инкорпорации мятежного края в империю через активное взаимодействие местных элит с британским государством<sup>1</sup>.

\* \* \*

Романтическую революцию в восприятии шотландского горца, начало которой в литературном мире было ознаменовано «Поэмой Оссиана», продолжил (совершил и практически завершил) сэра Уолтера Скотта. Обращаясь в «шотландских» романах («Уиверли, или Шестьдесят лет назад» (1814 г.), «Роб Рой» (1818 г.) и др.) к обычаям и нравам в Верхней и Нижней Шотландии в первой половине XVIII в., он не только отдал должное той романтической традиции в европейской литературе первой половины уже XIX в., одним из наиболее примечательных представителей которой сам и являлся. С точки зрения историко-литературного контекста его сочинения это едва ли не лучший пример романтизации шотландского горца. Сочувствие, с которым Скотт описывал, а читающая публика воспринимала Горный Край, каким тот был до окончательного разгрома якобитов в битве при Каллодене 16 апреля 1746 г., служат едва ли не самым лучшим тому подтверждением. В этом смысле, наверное, закономерно, что та шотландская культура, которая сегодня прочно ассоциируется с килтами, тартанами, кланами, была сохранена для нас в том числе «шотландским бардом» сэром Уолтером Скоттом на английском языке и с изрядной долей британского пафоса.

В 1822 г., состоялось событие, которое можно было бы определить наивысшей точкой в развитии романтической революции по заданному Макферсоном и Скоттом сценарию (в последнем случае буквально). Речь идет о визите короля Георга IV в Шотландию – первого британского монарха, оказавшегося к северу от англо-шотландской границы после 1650 г. Сэр Уолтер Скотт, к тому времени признанный эксперт по шотландским древностям, был выбран распорядителем церемоний.

---

<sup>1</sup> Подробнее об этом процессе см.: *Малкин С.Г.* Мятежный край Его Величества: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб., 2011.

В результате Эдинбург встречал короля Георга, одетый в полуфантастические одежды горцев, которые, по выражению зятя и первого биографа Скотта, Джона Локхарта, ранее 9 из 10 шотландцев считались ворами и разбойниками («варварами», а не «благородными дикарями», стоящими на страже империи и верными своему королю). Сам король, казалось, был заморожен тем, как его, «практически Стюарта и наследника законных властителей Шотландии», встречают в Эдинбурге феодальные ополчения местных вождей и магнатов (на практике уже утративших к тому времени традиционные мобилизационные возможности и вынужденных прибегнуть к материальному стимулированию своих арендаторов вместо призывов к привычной, как представили дело королю, клановой преданности). Кульминацией визита стал бал, данный шотландской знатью в честь короля. На бал организаторы настоятельно рекомендовали приходить в «платье горцев», так как король и сам должен был явиться на бал в килте.

Санация якобитизма, включая и прием горцев на военную службу, и коммерциализацию атрибутов «настоящего горца» (когда килт, пошитый из пакистанского кашемира, продается индийцем, поляком или китайцем в самом центре шотландской столицы – единственная местная составляющая в этом продукте), и, наконец, романтизацию якобитизма и романтическую революцию в восприятии шотландского горца, растянулась почти на столетие. Однако к середине XIX в. горцы не только не представляли угрозы для Великобритании, но и были одним из ее наиболее тиражируемых романтических символов могущества – от изображений на почтовых открытках до присутствия хайлендских полков в колониях Британской империи.

Благодаря Макферсону, Скотту и их последователям шотландцам удалось избежать понимания своей нации как «нации-государства», распространенного в Европе в XIX в. Вместо национальных революций Шотландия удовлетворялась романтической революцией (в т.ч. в историописании), которая, с одной стороны, явилась результатом формирования идеи «шотландскости», а с другой сама участвовала в процессе формирования шотландской националь-

ной идентичности. Таким образом, Шотландия интегрировалась в империю, а местные элиты, используя романтические образы и представления, успешно компенсировали отсутствие шотландского национального государства активной колонизацией институтов Британской империи<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См. подробнее: *Апрыщенко В.Ю.* Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008.

**ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В КОНСТИТУЦИИ США 1787 ГОДА:  
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СОВЕТСКОЙ И  
РОССИЙСКОЙ АМЕРИКАНИСТИКЕ**

Изучение истории первой американской революции и образования США было и остаётся до сих пор одним из основных направлений научных исследований в советской и российской американистике. В то же самое время следует отметить, что вопросы понимания идейных истоков, разработки и принятия конституции 1787 года не являлись ранее и не являются до сих пор самостоятельными темами научных исследований. И это при том, что изучение истории американского Просвещения советскими историками всегда и во всём связывалось с изучением истории первой американской революции. В российской американистике основной упор в исследовательской деятельности был сделан на изучении идейного наследия и общественно-политической деятельности ведущих представителей американского Просвещения как непосредственных участников Первой американской революции.

Политическая философия американских просветителей, политические воззрения отцов-основателей США, конечно же, рассматривались в контексте истории политической мысли европейского Просвещения, и при этом обязательно подчёркивалось её определяющее воздействие на взгляды и представления американских просветителей. История принятия и ратификации конституции 1787 года в советской историографии изучалась только как завершающий этап Первой американской революции. Советские исследователи основное внимание уделяли мотивам «отцов-основателей» США, их предложениям по принятию новой конституции, выявлению классовой социально-политической сущности нового государственного устройства, политико-правовым чертам и особенностям первой писанной буржуазной конституции.

Идейные истоки, политико-философские, политико-доктринальные и доктринально-правовые основы американской конституции 1787 года рассматривались в обзорно-описательном ключе, а то и просто в априорно декларативном формате. Перечислялись имена английских, французских и американских просветителей, излагались идейно-теоретические положения, соотносимые с этими именами, которые, будучи взятыми в совокупности, вполне обоснованно могли определяться как идейные источники и теоретические основы конституции 1787 года. Уровень анализа, степень, глубина исследовательской разработанности тематики идейных истоков и идейно-теоретических основ конституции США 1787 года можно оценить как явно недостаточные.

При определении проблематики изучения истории Войны за независимость как первой американской революции академик Севостьянов Г.Н., являвшийся главой советских историков-американистов, не посчитал необходимым выделение темы определения идейных истоков и идейно-политической сущности конституции США 1787 года как самостоятельного направления исследовательских поисков. Разработка и принятие конституции 1787 года рассматривались им в контексте развития социальных противоречий формирующегося американского общества и политической борьбы на завершающем этапе американской революции<sup>1</sup>.

В обобщающих исторических трудах по истории первой американской революции, написанных в 70-е – начале 80-х годов прошлого века вопросы идейных истоков, политико-доктринальных основ конституции 1787 не получили сколько-нибудь развёрнутого изложения. Авторы ограничивались отсылками к идейному наследию европейского Просвещения, которое было усвоено и определённым образом было политически применено американскими просветителями и «отцами-основателями США»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Севостьянов Г.Н. Некоторые проблемы истории американской революции // Новая и новейшая история. 1976. №3. С.32-50.

<sup>2</sup> Война за независимость и образование США / Под ред. Севостьянова Г.Н. М.1976. С. 475-493; Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. Л. 1978. С. 388-395; История США. Т. 1. Под ред. Севостьянова Г.Н. и Болховитинова Н.Н. М., 1983. С. 182-196.

В своей монографии ведущий советский историк-американист Фурсенко А.А. «Американская революция и образование США» выделил всем вопросам идейно-политической подготовки, разработки и принятия конституции США только семь страниц из более чем четырёхсот страниц общего текста, из которых идейным истокам конституции было посвящено лишь несколько абзацев на одной странице. Происхождение конституции США 1787 года определяется им как «своего рода сговор господствующих классов против народа»<sup>1</sup>.

Можно назвать только одну крупную историко-правовую монографию, посвящённую американской конституции, в которой было специально рассмотрена данная тематика. Она была опубликована в 1988 году в издательстве «Юридическая литература» под характерным заголовком: «Конституция США: история и современность». В ней две главы из восьми посвящены рассмотрению истории разработки и принятия конституции 1787 года. Ранее, в 1980 году, была опубликована монография историка-американиста Согрина В.В. «Идейные течения в американской революции XVIII века», которая и по сей день остаётся единственным специальным историческим исследованием по изучению идеологии первой американской революции.

В двух академических историографических американистских коллективных монографиях, опубликованных в 1971 и 1980 годах тематика, связанная с разработкой, принятием и ратификацией конституции 1787 года также не получила должного внимания. Их авторы ограничились самыми общими суждениями и беглыми замечаниями, не проводя какого либо анализа американской историографии этой темы<sup>2</sup>.

Советские американисты почему то старались не акцентировать внимания на том факте, что образование США произошло не до, а после принятия конституции 1787 года. Политический строй и устройство единого американского государства идейно-политически и доктринально формировались именно в

---

<sup>1</sup> Фурсенко А.А. Указ. соч. С. 388.

<sup>2</sup> См. Основные проблемы истории США в американской историографии от колониального периода до гражданской войны 1861 – 1865 гг. / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 1971; Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.

процессе разработки и принятия этой конституции. Именно поэтому тематика идейных истоков и основ конституции США 1787 года заслуживала более пристального рассмотрения.

В монографии Согрина В.В. и коллективной монографии «Конституция США: история и современность», где он же явился одним из авторов двух соответствующих параграфов, разработка, принятие и утверждение конституции рассматриваются как этапы единого политико-правового процесса образования единого американского государства. Авторы этих работ в большей степени интересовали политические условия и мотивации применения «отцами-основателями» и прежде всего «философом американской конституции» Джеймсом Мэдисоном тех или иных просветительских политических и правовых идей, концепций, доктрин или выдвижение американскими просветителями собственных политико-правовых идей и концепций для разработки и принятия федеральной конституции 1787 года<sup>1</sup>.

В этих работах тематика идейно-доктринальных истоков и политико-правовых оснований американской конституции 1787 года в духе идей Просвещения излагается в самых общих положениях и в описательном стиле. Авторы определяют весь круг основных теоретических установок, концептуальных положений, трактовок понятий социальной и политической философии, правовых доктрин Гоббса, Локка, Монтескьё, Руссо, взглядов и представлений «отцов-основателей» США А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Г. Морриса, Дж. Дикинсона, Б. Франклина, Э. Рэндольфа, Дж Вильсона и других, которыми они руководствовались при разработке конституции.

Но в них не было разностороннего выявления и глубокого осмысления характера и направленности воздействия различных социально-философских, политико-правовых воззрений и представлений английских, французских и самих американских просветителей на разработку и принятие конституции объединённого американского государства. Оставались непонятыми и необъяснёнными

---

<sup>1</sup> Согрин В.В. Идейные течения в американской революции XVIII века. М., 1980. С.181-205, 256-280; Конституция США: история и современность. М., 1988. С. 44-66.

ми степень полноты, соотношение значимости, характер интерпретирования различных политических и правовых идей европейского Просвещения, воплотившихся в тексте американской конституции. Поэтому тема оригинальности и значительности вклада американских просветителей в развитие политических и правовых идей Просвещения не получила в этих работах убедительного рассмотрения.

По сути, можно констатировать факт того, что изучение идейных истоков, теоретико-доктринальных основ конституции США 1787 года в советской американистике не стало самостоятельным и значимым направлением исторических изысканий. Использование американскими отцами-основателями идейного наследия европейских просветителей в политической практике построения единого американского государства интересовало советских американистов только в качестве подтверждения общетеоретического постулата о буржуазно-прогрессивной направленности преобразований первой американской революции. Одним из этих преобразований и стало образование федеративного союзного США посредством разработки и принятия первой писаной буржуазной конституции<sup>1</sup>.

Уникальность, особая социально-политическая и международно-политическая значимость образования США, казалось бы, предполагали самое пристальное исследовательское внимание к изучению идейно-теоретических истоков и основ конституции США. Ничего подобного не произошло. Советские историки-американисты сосредоточились на изучении политических процессов, приведших к разработке и принятию конституции 1787 как основного закона уже объёдинённого североамериканского государства под названием США, а также на политических процессах образования союзного федеративного государства с определённой в этой конституции формой правления.

Советские юристы-американисты всё свое внимание сконцентрировали на изучении конституции как правового документа, отражавшего определённые

---

<sup>1</sup> История США. Т. 1 / Под ред. Севостьянова Г.Н и Болховитинова Н.Н. М., 1983. С. 204; *Согрин В.В.* Принятие конституции США: мифы и реальность. // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С.56.

правовые теоретические представления и доктрины. Советские философы-американисты видели в американской конституции прежде всего важный источник по истории политической и правовой мысли периода позднего Просвещения<sup>1</sup>.

Тем самым, советские американисты, по сути, проигнорировали хорошо им известный исторический факт, что конституция США 1787 года изначально задумывалась и создавалась виргинскими просветителями и Мэдисоном, прежде всего, как комплексный политико-философский и теоретико-правовой учредительный документ, в котором была бы определена модель, система общеамериканского государства на все времена. Именно поэтому смогла оставаться основным законом США вот уже более 220 лет. Изучение темы идейных истоков и идейного содержания конституции 1787 года требовало применение методов междисциплинарного подхода, который тогда относился к методологическому арсеналу буржуазной историографии и рассматривался только как дополнительный по отношению к классовому<sup>2</sup>.

К сожалению, в постсоветский период российские американисты посчитали возможным, оставить всё как было, предпочитая не затрагивать тематику истории разработки и принятия конституции. Особенно показательна в этом смысле коллективная монография «Становление американского государства», опубликованная в Санкт-Петербурге в 1992 году. В ней тема идейных истоков и идейных основ конституции США вообще не получила отражения и авторы сослались только лишь на одну статью Шпотова Б.М. 1977 года по истории создания американской конституции под идеологически выверенным названием «Создание конституции США и проблема американской демократии». Она в большей мере была повторением им же написанной соответствующей части

---

<sup>1</sup> Конституция США: история и современность. М., 1988. С. 26-43, 67-87; *Быховский Б.Э.* Философия американского Просвещения // Американские просветители. Избранные произведения в двух томах. Т.1. М., 1968. С. 62-64.

<sup>2</sup> *Гаджиев К.С., Сивачёв Н.С.* О междисциплинарном подходе в современной буржуазной историографии США // Новая и новейшая история. 1977. № 6. С. 80-81.

коллективной монографии 1976 года «Война за независимость и образование США»<sup>1</sup>.

Ведущий специалист по истории идеологии первой американской революции историк Согрин В.В. в своей монографии 1995 года о роли идеологии в американской истории ограничился утверждением о том, что американская революция взяла на вооружение идеологию Просвещения – самое передовое учение (!) XVIII века. Идеология американских просветителей была охарактеризована посредством общих рассуждений о политических взглядах и воззрениях американских просветителей демократической и умеренно консервативной направленности<sup>2</sup>.

Наиболее активно и продуктивно сейчас работающим автором в изучении истории разработки и принятия конституции США 1787 г. является Филимонова М.А. Она рассматривает её в аспекте борьбы в США различных идеологических традиций и сторонников централизации и децентрализации государственной власти. Основное исследовательское внимание она обращает на политическую деятельность и политические воззрения А. Гамильтона. В 2001 году она подготовила и защитила кандидатскую диссертацию на тему: «А. Гамильтон и создание конституции 1787 года». Все её последующие работы были посвящены идейному наследию и политической деятельности этого «отца-основателя США»<sup>3</sup>.

Идеи европейских и американских просветителей в применении к истории создания конституции 1787 в наиболее полной мере ею рассмотрены в статье по истории федеративных проектов XVIII века. Она отмечает, что федералист-

---

<sup>1</sup> Становление американского государства. СПб., 1992; *Шпотов Б.М.* Создание конституции США и проблема демократии // Американский ежегодник 1977. М., 1977. С.10-18.

<sup>2</sup> *Согрин В.В.* Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М., 1995. С. 40-41.

<sup>3</sup> *Филимонова М.А.* Александр Гамильтон. Американская революция XVIII века и проблема национальной идентичности // Национальное и общечеловеческое в культуре и образовании. Курск, 2000. С. 298-305; Она же. Идея федерации в XVIII и создание конституции США // Американский ежегодник 2002. М., 2003. С. 33-53; Классический республиканизм в Американской и Французской революциях XVIII века.// Новая и новейшая история.2004. №1. С. 47-64; Конституционный конвент в Филадельфии: конфликт и консенсус // Конфликт и консенсус в американском обществе: теория и практика. М., 2004. С. 131-140; Александр Гамильтон и создание конституции США. М., 2004.

ская конституция США создавалась на основе соединения идей различных федеративных проектов и в итоге американские просветители смогли сформулировать свою доктрину федерализма<sup>1</sup>.

В своей статье «Образование Североамериканского государства: новое прочтение», опубликованной в первом номере журнала «Новая и новейшая история» за 2002 год, ведущий российский историк-американист Согрин В.В. предлагает вернуться к тематике первой американской революции. Но переосмысливая Войну за независимость и образование США с новых теоретико-методологических позиций, он делает акцент на изучении, прежде всего, происходивших в этот период процессов формирования, национального буржуазно-демократического американского государства. Сформулированные ранее в Европе или выработанные самими американскими просветителями просветительские идеи, применяемые и апробируемые в ходе Войны за независимость, по его мнению, стали идейно-политической и теоретической основой для подготовки «отцами-основателями» принятия социальными «верхами» и «низами» американских штатов конституции 1787 года. Саму же конституцию США 1787 он определил как политико-правовое выражение двойного общественного договора: между различными группами элиты и между элитой и гражданами<sup>2</sup>. Эти же положения он повторил в своих последующих статьях и монографиях<sup>3</sup>.

Данные обобщения представляются обоснованными и продуктивными установками для исследовательского поиска. При этом сам Согрин даже и не подразумевает необходимость изучения собственно текста конституции, хотя это вполне логично следовало из этих его положений. Тем более, что все необ-

---

<sup>1</sup> *Филимонова М.А.* Идея федерации в XVIII и создание конституции США // Американский ежегодник 2002. М., 2003. С. 51-53.

<sup>2</sup> *Согрин В.В.* Образование Североамериканского государства: новое прочтение // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 18-34.

<sup>3</sup> *Согрин В.В.* Политическая власть в США: характер и исторические типы. // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 3-27; Он же. Актуальные вопросы изучения истории США XVII – XVIII вв. // Американский ежегодник 2004. М., 2006. С. 11-28; Война за независимость как социально-политическая революция. // Новая и новейшая история. 2005. № 3. С. 84-98; Исторический опыт США. М., 2010; Центральные проблемы истории США. М., 2013.

ходимые источники и многочисленные материалы хорошо представлены в статьях и книгах европейских и американских исследователей.

В последующих затем своих статьях и монографиях Согрин В.В., говоря о настоятельной необходимости более углубленного изучения социально-экономического и политического развития США в конце XVIII века, никоим образом не развил эти положения. Более того, он вообще ни единым словом не упомянул о теме подготовки и принятия конституции 1787 года как об отдельном, самостоятельном направлении научных поисков. Подобное умолчание является красноречивым свидетельством продолжающегося забвения этой темы российскими историками-американистами.

Только в статьях Филимоновой М.А. 2002-2004 годов и в определённой степени Саломатина А.Ю. просматриваются попытки продолжить изучение темы подготовки и принятия конституции США 1787 года, но не более того. Поскольку для них обеих данная тема не представляется имеющей самостоятельную ценность<sup>1</sup>.

Для первого – она только аспект более крупной проблематики политического реформирования в США конца XVIII – XIX веков, а для второй – важна для объяснения причин начала столетней идейной и политической борьбы централистов-националистов и децентралистов-локалистов. Кроме того, не А. Гамильтон, а Дж. Мэдисон был основным автором текста конституции, и поэтому более важным для раскрытия темы происхождения конституции было бы изучение именно его взглядов, воззрений и его идейного наследия.

Представление о конституции США как политико-правовом воплощении идей Просвещения по-прежнему остаётся, хотя общепринятым, но весьма поверхностно понимаемым утверждением. Без понимания о том, какие идеи Просвещения, в каком соотношении по значимости, в каких аспектах и трактовках стали теоретико-доктринальной основой конституции 1787 года, нельзя объек-

---

<sup>1</sup> Саломатин А. Ю. Основные тенденции развития политической системы США конец XVIII – XIX вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2002. С. 121-132; Он же. Конституционное строительство США в XVIII – XIX вв. // Регионоведение. № 3. Саранск, 2003. С. 106-119.

тивно её оценить как документ эпохи Просвещения, её воздействие на развитие политической и правовой мысли стран Европы и Америки.

Политические и правовые доктрины Просвещения, реализованные в конституции США 1787 года, были частью заимствованы в тех или иных интерпретациях и трактовках у европейских просветителей, а частью были заново переформулированы американскими просветителями. Взятые вместе, они составили целостное и универсалистское либерально-демократическое понимание конституционализма, ставшее по сути национальной идеей американцев.

Пытаясь практически применить и осуществить идеи Просвещения, ведя борьбу за независимость и построение объединённого национального государства, американские «отцы-основатели» весьма прагматически подходили к использованию тех или иных концептуальных идей, доктрин и теоретических суждений европейских просветителей и формулированию своих собственных. Создавая конституцию 1787 года, они в первую очередь стремились сформулировать новую модель государственного устройства, поэтому наиболее инициативными и новаторскими её принципами были федерализм, разделение властей, взаимное сдерживание и взаимный контроль каждой из ветвей власти, переосмысленные теории общественного договора и национального суверенитета.

Именно это соединение высоких мировоззренческих доктрин и концепций умозрительного характера с совершенно определёнными политическими устремлениями экономически и политически доминирующих социальных групп американских штатов, руководствовавшихся сугубо практическими мотивами, привело к появлению такого уникального политико-философского и правового документа как конституция США 1787 года. Если политико-правовые и доктринально-правовые аспекты этого документа были достаточно и разносторонне исследованы в советской и российской американистике, то содержащиеся в нём политико-философские и политико-доктринальные основы американской политической системы и американского национального самосознания изучались и изучаются советскими и российскими американистами

эпизодически, бессистемно и без должного более глубокого и основательного методологического обеспечения.

Научная актуальность и значимость изучения на обновлённых теоретико-методологических основаниях этой тематики для роста качественного уровня исследований по политической истории США конца XVIII – XIX веков в современной российской американистике представляется нам совершенно очевидной. В определённом смысле всю политическую историю США этого периода можно достаточно обосновано рассматривать как раскрытие и реализация идейного потенциала, заложенного «отцами-основателями» в конституцию 1787 года. Поэтому раскрытие этого потенциала имеет основополагающее значение для глубокого теоретико-исследовательского переосмысления истории становления американского национального государства и формирования американской нации.

## СООБЩЕНИЯ

*Е. Н. Вальцева*

### **ПОЛЬСКИЕ ДИАСПОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Процесс изучения польских диаспор Российской империи был начат еще советской историографией, которая сосредоточила все свое внимание на ссылке участников польского национально-освободительного движения в Сибирь. Польские политические ссыльные интересовали советских историков в рамках изучения борьбы народов с царским режимом, поэтому основное внимание уделялось революционной деятельности поляков и истории русско-польских революционных связей. В данной же статье сделана попытка рассмотреть основные тенденции в изучении польских диаспор Российской империи в историографии 1990 – 2000-х гг. Следует отметить, что в данный историографический обзор не входят исследования, посвященные польским диаспорам Санкт-Петербурга и Москвы, так как круг подобных работ довольно обширен и требует особого рассмотрения.

В 1990-е годы продолжается изучение польской ссылки, но в поле зрения исследователей попадают уже новые аспекты: правовой статус ссыльных, культурное взаимодействие поляков и местного населения, проблемы социокультурной адаптации ссыльных на новом месте жительства. В то же время изучение ссылки в различные регионы империи было крайне неравномерным. В 1980-1990-е годы активнее всего изучалась ссылка в Восточную Сибирь, что было связано, помимо ее массовости, еще и с тем, что именно в Восточную Сибирь – самую отдаленную часть империи – ссылались самые видные участники национально-освободительного движения, являвшиеся носителями наиболее революционных идей. Ведущую роль в формировании центра изучения польской политической ссылки, сложившегося к этому времени в Иркутске, сыграл

Б.С. Шостакович<sup>1</sup>. Опираясь на широкий круг архивных материалов и источников личного происхождения, Шостакович исследовал самые разнообразные вопросы, связанные с польской ссылкой: ее периодизацию, правовой статус ссыльных, их занятия на новом месте, процессы ассимиляции, контакты ссыльных поляков с декабристами, а также вклад поляков в развитие науки, культуры и экономики Сибири.

Кроме того, Шостакович первым опубликовал работу, посвященную историографии польской ссылки в Сибирь<sup>2</sup>. В ней он выделил два этапа изучения польской политической ссылки в российской и польской историографии. Конец XIX – начало XX в. характеризуется как этап, на котором начинается накопление фактического материала и его осмысление, но труды историков, посвященные данной проблематике, в тот период были тенденциозны и субъективны. Начало же научного изучения польской ссылки в Сибирь Шостакович относит к периоду после Второй мировой войны, когда в связи с обращением к марксистской методологии стало возможным избавление от националистического субъективизма, характерного для предыдущего этапа. Также Шостакович выделяет ряд вопросов, требующих дальнейшего более глубокого изучения: численность, социально-сословный и профессиональный состав, правовое положение и распределение по различным регионам Сибири польских политических ссыльных в различные периоды; формы и масштабы воздействия ссыльных поляков на хозяйственную, общественную и культурную жизнь Сибири; русско-

---

<sup>1</sup> *Шостакович Б.С.* Материалы государственного архива Иркутской области о пребывании в восточноевропейской ссылке свентокшижцев – участников варшавской организации «Содружество польского народа» // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск, 1983. Вып. 8; *Шостакович Б.С.* Ссыльные поляки – участники тайных национально-освободительных организаций и революционных движений 1848 года – в Восточной Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск, 1987. Вып. 10; *Кодан С.В., Шостакович Б.С.* Польская ссылка в Сибирь во внутренней политике самодержавия (1830-1850-е годы) // Славяноведение. Москва, 1992. № 6; *Шостакович Б.С.* Прошлое и настоящее иркутской колонии. Общая характеристика темы и актуальные проблемы ее изучения // Диаспоры в историческом времени и пространстве: национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск, 1994; *Шостакович Б.С.* История поляков в Сибири (XVII-XIX вв.). Иркутск, 1995; *Шостакович Б.С.* Формирование в XIX веке польского стереотипа восприятия Сибири и сибиряков (На материалах польской мемуарной литературы) // Поляки в Сибири. Иркутск, 1995. № 3;

<sup>2</sup> *Шостакович Б.С.* Историография политической ссылки поляков в Сибири XIX-XX в. // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск, 1985. Вып. 9.

польские революционные связи.

В конце 1990-х – 2000-х гг. исследователи начинают обращать больше внимания на польские диаспоры Западной Сибири. Это работы С.А. Мулиной<sup>1</sup>, С.Г. Пятковой<sup>2</sup>, И.Н. Никулиной<sup>3</sup>, В.Н. Шайдурова<sup>4</sup>, Л.К. Островского<sup>5</sup>, Ю.М. Гончарова<sup>6</sup>, А.Ю. Майничевой<sup>7</sup>. Одна из наиболее основательных работ о польских ссыльных в Западной Сибири – диссертационное исследование С.А. Му-

---

<sup>1</sup> Мулина С.А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке. Дис... канд. ист. наук. Омск, 2005.

<sup>2</sup> Пяткова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период. Дис... канд. ист. наук. Сургут, 2004.

<sup>3</sup> Никулина И.М. К вопросу о пребывании польских политических ссыльных на Алтае в 60-е гг. XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2001; Никулина И.М. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в.: 20-е - первая половина 70-х гг. Дис... доктора ист. наук. Барнаул, 2006.

<sup>4</sup> Шайдуров В.Н. Европейские диаспоры в Западной Сибири: численность, размещение и хозяйственные занятия (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2005; Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2013. № 2 (21); Шайдуров В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб., 2013.

<sup>5</sup> Островский Л.К. Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX –XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2009. № 2; Островский Л.К. Поляки на государственной службе в Западной Сибири (1890 – 1917 гг.) // Всероссийская научная конференция «Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействия и конфликты (XVII - начало XX века)». Тезисы выступлений. Новосибирск, 2011; Островский Л.К. Вклад польских предпринимателей в развитие экономики Западной Сибири на рубеже XIX – XX вв. // Материалы VII Всероссийской конференции «Трансформация российской национальной экономической системы», посвященной памяти профессора З.М. Гусейнова. Новосибирск, 2012; Островский Л.К. Польская школа в Западной Сибири (1890-1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3 (19); Островский Л.К. Польское население города Омска в конце XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. III; Островский Л.К. Вклад поляков в развитие здравоохранения Западной Сибири (1890-1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375; Островский Л.К. Миграции как фактор формирования польской диаспоры в Западной Сибири. Численность и состав польского населения на территории края на рубеже XIX –XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I.

<sup>6</sup> Гончаров Ю.М. Польская семья в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сборник статей / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2005.

<sup>7</sup> Майничева А.Ю. Польские переселенцы в Томской губернии (середина XIX в.) // Электронный журнал «Сибирская Заимка». URL: [http://zaimka.ru/to\\_sun/maynich3.shtml](http://zaimka.ru/to_sun/maynich3.shtml) [14.09.2014].

линой «Участники польского восстания 1863 г. в западносибирской ссылке<sup>1</sup>». В этой работе с помощью метода персонального учета ссыльных на основании архивных источников и источников личного происхождения было выявлено 4118 ссыльных поляков, сделана репрезентативная выборка, в которую вошли 2000 человек, и на основе этой выборки с помощью социологических и статистических методов были определены социальный, политико-юридический, половозрастной и профессиональный состав ссылки, ее география и динамика. Данное исследование интересно тем, что процессы инкорпорации ссыльных поляков в сибирское общество рассматриваются сквозь призму теоретической модели диаспоры, сформулированной В.А. Тишковым. Мулина приходит к выводу, что присутствовавший в государственной политике по отношению к ссыльным национальный дискурс и преимущественно карательный характер действий местных администраций в отношении сосланных поляков создавали у поляков навязанную им идентичность политических ссыльных, что мешало их интеграции в сибирское общество и способствовало росту идентичности диаспор.

В то же время не прекращается и изучение восточносибирской колонии (Е.П. Береговая<sup>2</sup>, Л. Кальмина<sup>3</sup>). Например, изучение ссылки в Восточную Сибирь продолжает Е.П. Береговая. Опираясь в основном на архивные материалы, нормативные акты и источники личного происхождения, она рассматривает динамику польской ссылки в Енисейскую губернию, социально-демографический состав, правовой статус и имущественное положение ссыльных, их взаимоотношения с местным населением, а также механизмы реализации карательной политики. Ссыльные поляки Восточной Сибири также становятся предметом изучения и в нескольких статьях сборника «Сибирь в истории и культуре польского народа»: С. Леончик рассматривает ссылку участников

---

<sup>1</sup> Мулина С.А. Указ. соч.

<sup>2</sup> Береговая Е.П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Дис... канд. ист. наук. Красноярск, 2007.

<sup>3</sup> Кальмина Л. Социокультурная характеристика католической общины Верхнеудинска в начале XX века (по метрическим книгам польского католического костела) // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации. СПб., 2009.

национально-освободительного движения и ссылку польских участников рабочего движения в Енисейскую губернию<sup>1</sup>, а М. Ищенко анализирует сословный, возрастной и половой состав группы поляков-каторжан на острове Сахалин, а также условия их жизни<sup>2</sup>.

В связи с тем, что в Сибири сложилась традиция изучения польской ссылки, именно там начинают обращать внимание и на других представителей диаспоры – начинает изучаться не только ссылка, но и добровольная миграция поляков за Урал. Появляются работы о польской диаспоре в целом. Это исследования Р.В. Оплаканской<sup>3</sup>, В.Н. Шайдурова, Л.К. Островского. Р.В. Оплаканская рассматривает польскую диаспору Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в., что нетипично для отечественной историографии, так как большинство историков обращают внимание прежде всего на вторую половину XIX – начало XX в. Она выделяет два источника пополнения польской диаспоры в Сибири: ссылку участников национально-освободительного движения и добровольное переселение. Особое внимание Оплаканская уделяет факторам, способствовавшим формированию диаспоры из прибывающих в Сибирь поляков; среди этих факторов она большое значение придает католическому вероисповеданию польских ссыльных и переселенцев.

В.Н. Шайдуровым было проведено исследование трех общин Западной Сибири: еврейской, немецкой и польской, и, хотя в сравнительном исследовании польская община не может быть изучена так же глубоко, как в работе, посвященной только ей, результаты сравнения трех национальных общин крайне интересны. Шайдуров выделяет 4 этапа формирования польской общины: XVII в. (военнопленные русско-польских войн), XVIII - середина XIX в. (участники национально-освободительного движения), вторая половина XIX в. (ссыльные и крестьяне-переселенцы), рубеж XIX – XX вв. (добровольные переселенцы).

---

<sup>1</sup> *Леончик С.* Поляки юга Енисейской губернии. История ссылок и заселения // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.

<sup>2</sup> *Ищенко М.* Поляки на Сахалинской каторге // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.

<sup>3</sup> *Оплаканская Р.В.* Польская диаспора в Сибири в конце XVIII - первой половине XIX века. Дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.

Автор не рассматривает внутриобщинную жизнь, а создает правовой, демографический и социально-экономический портрет общины. Он приходит к выводу, что общины занимали те экономические ниши, которые не представляли интереса для других этнических групп.

Если при изучении ссыльных основными источниками для исследователей становились архивные документы – по большей части делопроизводственные материалы, – то при изучении добровольных переселенцев на первый план выходят статистические источники: переписи населения, статистические обзоры губерний, торгово-промышленные справочные календари и другие. Это утверждение правомерно как для работ В.Н. Шайдурова, так и для работ Л.К. Островского, изучающего польскую диаспору Западной Сибири на рубеже XIX – XX вв. Он приходит к выводу, что в этот период среди поляков преобладали добровольные переселенцы, хотя и ссылка все еще существовала. Островский отмечает, что в связи с переселенческим характером диаспоры в ней численно преобладали мужчины, а социальный состав отличался преобладанием рабочих и крестьян<sup>1</sup>. Множество статей Островского посвящены большому кругу вопросов, связанных с польской диаспорой Западной Сибири: вкладу поляков в развитие экономики и здравоохранения, польской школе, государственной службе поляков; также ему принадлежат статьи о польских крестьянах в Сибири, польских военнослужащих и о польской диаспоре города Омска. Автор отмечает, что большую роль в формировании польской диаспоры в Сибири сыграли предприниматели, а в крупных городских центрах «поляки являлись носителями модернизационных процессов, разрушающими замкнутость традиционного полу-крестьянского общества»<sup>2</sup>.

Новый аспект в изучении сибирской колонии был затронут Ю.М. Гончаровым. В его статье о польской городской семье второй половины XIX – начала XX в Западной Сибири, написанной на основе переписей населения и метриче-

---

<sup>1</sup> *Островский Л.К.* Миграции как фактор формирования польской диаспоры в Западной Сибири. Численность и состав польского населения на территории края на рубеже XIX – XX вв. С. 142

<sup>2</sup> *Островский Л.К.* Польское население города Омска в конце XIX – начале XX века. С. 156.

ских книг католических приходов, рассматриваются следующие вопросы: соотношение мужчин и женщин среди польского населения Западной Сибири, количественный состав семьи, брачный возраст, сословная однородность браков, количество межнациональных браков и отношение поляков к ним, а также сравнивается польская семья с семьями других народов, живших в Сибири. Гончаров приходит к выводу, что в связи с большим количеством ссыльных среди западносибирских поляков существовала диспропорция полового состава в сторону мужчин, а это в свою очередь вело к заключению межнациональных браков и «осибирячиванию» многих поляков<sup>1</sup>.

Польские диаспоры европейской части Российской империи изучены значительно хуже. В связи с тем, что польская политическая ссылка в европейские губернии была не такой массовой, как ссылка в Сибирь, а ссыльные были лишь рядовыми членами национально-освободительного движения, в историографии польских диаспор европейской части Российской империи нет столь явного крена в сторону ссыльных поляков. Исследовалась только польская ссылка в Вятскую, Казанскую и Астраханскую губернии. В исследованиях Л.П. Кононовой<sup>2</sup>, В.А. Павлова<sup>3</sup>, Л.Г. Подлевских<sup>4</sup> рассматриваются те же вопросы, что и в исследованиях ссылки в Сибирь: численность ссыльных и ее динамика, состав ссыльных, их размещение, условия жизни в ссылке, занятия ссыльных, их вклад в развитие региона, взаимоотношения с местным населением и организация надзора. Авторами указанных работ на основе архивных источников были составлены базы данных ссыльных, на основании которых при помощи статистических и социологических методов были сделаны выводы о численности ссылки, размещении ссыльных, их сословному, возрастному, половому составу.

Можно отметить также несколько работ, тематически не связанных со

---

<sup>1</sup> Гончаров Ю.М. Указ. соч.

<sup>2</sup> Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863-1864 гг. (по материалам Архангельской губернии). Дис... канд. ист. наук. Архангельск, 2004.

<sup>3</sup> Павлов В.А. Польская политическая ссылка в Казанской губернии во второй половине XIX в. Дис... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004.

<sup>4</sup> Подлевских Л.Г. Польская политическая ссылка в российской провинции в 1860 – начале 1880-х годов (на материалах Вятской губернии). Дис... канд. ист. наук. Киров, 2004.

ссылкой: например, генеалогическое исследование И.В. Проваленковой о дворянстве польского происхождения в Орловской губернии<sup>1</sup>. Довольно активно изучается польская интеллигенция: профессора, деятели культуры и искусства, ученые Казани – крупного университетского города, в котором студенты и преподаватели университета – поляки по национальности – составляли значительную часть польской диаспоры. Польским научным династиям в Казанском университете посвящено исследование А.В. Гатиловой<sup>2</sup>. Научная, культурная и образовательная деятельности поляков в Казани рассматривается в статьях И.И. Шарифжанова<sup>3</sup>, А.С. Созинова<sup>4</sup>, Д.Р. Хайрутдиновой<sup>5</sup>, Е.В. Липакова<sup>6</sup>. Большая часть диссертационного исследования В.В. Пичугиной о польской интеллигенции Поволжья и Приуралья, выполненного в основном на казанских материалах, посвящена польской диаспоре Казани: процессам ее складывания, особенностям ссылки в Казанскую губернию, истории казанского католического прихода<sup>7</sup>. Среди работ, посвященных полякам в Казанской губернии, особо интересной представляется монография Я.Я. Гришина<sup>8</sup>, в которой на основе воспоминаний польских ссыльных исследуется восприятие поляками Казани, ее жителей, их образа жизни, условий ссылки.

Изучаются поляки и в рамках исследования беженского движения в период I мировой войны. Так как поляки были одной из наиболее многочисленных

---

<sup>1</sup> Проваленкова И.В. Дворянство польского происхождения в Орловской губернии в XVII – начале XX века (эмиграционный процесс). Дис... канд. ист. наук. Орел, 2008.

<sup>2</sup> Гатилова А.В. Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском университете. Дис... канд. ист. наук. Казань, 2012.

<sup>3</sup> Шарифжанов И.И. Исторические связи Казани и Польши: через призму веков // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность. Казань, 2007.

<sup>4</sup> Созинов А.С. Польские профессора в истории медицинского факультета Казанского университета // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность. Казань, 2007.

<sup>5</sup> Хайрутдинова Д.Р. Общественная и культурная жизнь польской диаспоры в Казани (XIX – начало XX века) // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность. Казань, 2007.

<sup>6</sup> Липаков Е.В. Католический приход в Казани во второй половине XIX – начале XX вв. и польская диаспора // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность. Казань, 2007.

<sup>7</sup> Пичугина В.В. Польская интеллигенция в общественно-политической жизни Поволжья и Приуралья (XIX век). Дис... канд. ист. наук. Казань, 2000.

<sup>8</sup> Гришин Я.Я. Казань и Казанский край глазами польских ссыльных (XVII - XIX вв.). Казань, 1997.

групп беженцев, занимающийся этой проблематикой историк неизбежно обращает свое внимание и на польских беженцев. Среди подобных работ можно отметить статьи А.Н. Курцева<sup>1</sup>, А.С. Щетининой<sup>2</sup>. М.С. Кищенко в своих статьях рассматривает как положение самих польских, литовских и латышских беженцев в Ярославской губернии, так и то влияние, которое они оказали на уже существующие в губернии европейские диаспоры. Он приходит к выводу, что «появление беженцев и переселенцев способствовало резкому усилению процесса консолидации национальных диаспор и привело к конструированию и поддержанию их собственной национальной идентичности»<sup>3</sup>.

Можно отметить и появляющийся у историков интерес к изучению католических общин, в которых во многих регионах преобладали поляки, и к такому источнику, как метрические книги римско-католических приходов. К подобным исследованиям относятся статьи Л. Кальминой, Е.А. Самыловской<sup>4</sup>, Т.Г. Недзелюк<sup>5</sup>. В них раскрываются особенности метрических книг как источника по истории католических общин. На основании метрических книг исследователи делают выводы о расселении католиков в территориальных границах прихода, демографических процессах внутри общины (рождаемость, смертность), о соотношении в общине представителей разных национальностей, сословной и профессиональной принадлежности членов общины, брачном возрасте, частоте межнациональных и межсословных браков, количестве детей в семьях.

---

<sup>1</sup> Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98-113.

<sup>2</sup> Щетинина А.С. Беженцы Первой мировой войны на Алтае (1917-1930гг.) // III Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: Сборник научных трудов. Барнаул, 2005.

<sup>3</sup> Кищенко М.С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2; Кищенко М.С. Европейские диаспоры в годы Первой мировой войны на территории Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1.

<sup>4</sup> Самыловская Е.А. Метрические книги римско-католической церкви святой Екатерины Александрийской как источник по истории католической общины Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1.

<sup>5</sup> Недзелюк Т.Г. Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3 (15).

Подводя итоги, можно отметить несколько важных тенденций в изучении польских диаспор Российской империи в современной отечественной историографии. Во-первых, начинает преодолеваться разрыв в степени изученности сибирских и европейских полоний. Появляются работы о ссылке поляков в европейские губернии. В то же время при изучении ссылки, как в Сибирь, так и в европейскую часть империи, в поле зрения историков оказываются новые аспекты, связанные с вопросами сохранения ссыльными национальной идентичности, инкорпорации в местное общество, вкладом поляков в развитие региональной культуры. Исследователями создаются социальные портреты поляка-ссыльного. Еще одна важная тенденция – поворот и изучению не только ссыльных поляков, но и добровольных мигрантов. Можно отметить, что в таких исследованиях уходят на второй план архивные источники, традиционные для изучения ссылки (делопроизводственная документация), а их место занимают статистические источники: переписи, обзоры губерний, справочные календари и другие. Исследователи стали обращаться и к такому виду источников, как метрические книги католических приходов, содержащие важную информацию о демографических процессах в польских диаспорах.

## **МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Понятие мультикультурализм в последние десятилетия прочно вошло в лексикон европейских политиков и стало одной из наиболее дискуссионных тем. Дискуссионность и неопределенность этого понятия существует и в научной сфере. Ученые разных гуманитарных направлений исследуют это явление в спектре политических наук, экономики, юриспруденции, культурологи, философии и истории, формируя мультикультурный дискурс, однако ни в одной из этих областей нет ясности относительно многих существенных проблем, связанных с мультикультурализмом. Говоря об исторической науке, нужно отметить, что российские историки не слишком активно занимаются темами, затрагивающими мультикультурализм, работ, претендующих на системный анализ этого явления, нет. Чаще всего в исторических сочинениях речь идет о частных аспектах проблемы, таких как история отдельных диаспор или взгляды интеллектуалов на проблему мультикультурализма.

Нужно отметить, что сложности в изучении мультикультурализма начинаются на стадии использования самого этого понятия. Здесь исследователи прибегают к часто используемому приему, смысл которого заключается в том, чтобы дать одному термину несколько определений, работающих поочередно в зависимости от исследовательской оптики, применяемой для рассмотрения феномена. Наиболее универсальной нам кажется схема, выработанная А.И. Куропятником. Ученый говорит о наличии трех уровней мультикультурализма<sup>1</sup>. Он трактует мультикультурализм, во-первых, как интеллектуальный продукт, идею, прошедшую определенные стадии развития и подвергшуюся воздействию внешних факторов. Во-вторых, как ряд политических практик, находив-

---

<sup>1</sup> *Куропятник А. И.* Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 3. 2000. № 2. С. 55.

ших воплощение в различных государствах в тот или иной исторический период. А.И. Куропятник выделяет еще и третий уровень – демографический мультикультурализм<sup>1</sup>.

Существуют и другие представления об определении мультикультурализма. В частности, М.В. Глостанова в своей работе «От философии мультикультурализма к философии транскультурации» выделяет только два основных определения: «В истории мультикультурализма важно различать мультикультуральность или культурную многосоставность, как состояние, находимое во многих культурных пространствах, и мультикультурализм как набор определенных теорий и практик для осмысления этого явления»<sup>2</sup>. Н.Н. Федотова говорит о четырех видах мультикультурализма: «(1) Мультикультурализм как естественное состояние, как многообразие культур, объединенное некоей целостностью; (2) Мультикультурализм как вуалирование раскола; (3) Мультикультурализм как следствие притока иммигрантов и появления новых культурных сред, не адаптированных к культуре целого; (4) Мультикультурализм, достигаемый политикой, признающей особость, групповые права»<sup>3</sup>. Еще более оригинальная схема предложена польскими авторами Ю.Макаро и К.Долинска. Они также выделяют четыре уровня анализа: уровень реального разнообразия (мультикультурализм как явление демографическое), уровень нашего сознания (мультикультурализм как опыт присутствия других в повседневной жизни), уровень политический (политический мультикультурализм), а также уровень маркетинга (маркетинговое использование мультикультурализма)<sup>4</sup>.

Следующей нерешенной проблемой является периодизация социальных политик, связанных с решением вопроса культурного многообразия и места в них политике мультикультурализма. Американские исследователи К. Вилсон II

---

<sup>1</sup> Куропятник А.И. Мультикультурализм... С. 56.

<sup>2</sup> Глостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М. 2008, С. 88.

<sup>3</sup> Федотова Н.Н. Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 3. С. 77.

<sup>4</sup> Makaro Julita, Dolińska Kamila. Wielokulturowość Europy Środkowo-Wschodniej. Kilka metodologicznych uwag o definiowaniu i badaniu zjawiska // Sprawy Narodowościowe. 2012. № 40. S. 87–100.

и Ф. Гутиерес выделяют пять этапов, которые прошло американское общество, столкнувшись с культурным многообразием: исключение, угроза, конфронтация, стереотипизирование и мультикультурализм<sup>1</sup>. В свою очередь, французский исследователь Ронан ле Коадик<sup>2</sup> связывает процесс решения проблемы культурного сосуществования с идентификационными волнами, которых он насчитал три. Первая связана с этническим возрождением 1950-1970-х гг., вторая приходится на 1980-е гг. и начало массовых миграционных процессов, а третья относится к 1990-2000 гг. и, как пишет сам исследователь, «ее суть состоит в утверждении существования, вопреки тенденции глобализации общества, нестираемых различий и требования их публичного признания»<sup>3</sup>.

Важным и дискуссионным вопросом является региональная специфика. Необходимо понимать, что политика мультикультурализма имела место во многих регионах мира. Исторически сначала она появилась в классических иммиграционных странах, таких как Канада, Австралия и США; однако европейский мультикультурализм имеет совершенно иные основания и базируется на принципиально других исторических реалиях.

Проблема анализа мультикультурализма с точки зрения идейных истоков явления находится на начальной стадии исследований. В российской науке практически не рассматривается на проблемном уровне идейный пласт, послуживший его основой. Нужно отметить, что появление идеи мультикультурализма было связано с тенденциями западной социокультурной революции конца 1960-х – начала 1970-х гг. В это время мощный толчок к развитию идеи был сделан благодаря движению чернокожих граждан США за гражданские, а затем и культурные права. Но очевидно, что тенденции, которые привели к появлению мультикультурализма, наблюдались и в среде европейских интеллектуалов. Большинство российских исследователей согласны с тезисом о том, что большую роль в развитии мультикультурализма сыграли идейные дискуссии

---

<sup>1</sup> Тлостанова М.В. Указ. соч. С. 90.

<sup>2</sup> Ле Коадик Р. Мультикультурализм. Ронан ле Коадик. URL: [http://www.eawarn.ru/pub/pubs/dialoguemulticulturalism/02\\_multiculturalizm.htm#\\_ftnref2](http://www.eawarn.ru/pub/pubs/dialoguemulticulturalism/02_multiculturalizm.htm#_ftnref2) (05.10.2014).

<sup>3</sup> Там же. С.127-128.

представителей либерализма и коммунитаризма. Разногласия связаны с определением момента возникновения самих концепций. Некоторые исследователи считают, что основы мультикультурализма были заложены до этих дискуссий, другие придерживаются точки зрения, что именно в процессе дискуссий родилась современная концепция мультикультурализма. Т.П. Волкова в диссертации «Теория мультикультурализма как синтез философских концепций либерализма и коммунитаризма»<sup>1</sup> описывает процесс возникновения идеи мультикультурализма как следствие дискуссии возникшей вокруг вопроса о справедливости в начале 1970-х годов. Либералы утверждали, что государство социальной справедливости должно быть остаточным, обеспечивающим минимальную защищенность для тех, кто не способен конкурировать или работать в условиях рынка. Коммунитаристы, в свою очередь, заявляли, что справедливость состоит в оказании каждому члену сообщества помощи в том, чтобы он мог полностью использовать свои способности. Он может играть соответствующую им социальную роль, чувствовать себя полезным обществу и получать поддержку со стороны последнего<sup>2</sup>. По утверждению исследователя, в конце XX века происходит синтез концепций коммунитаризма и либерализма, который и формирует мультикультурализм. Волкова пишет, что в идеале политика мультикультурализма должна воплощать либеральное внимание к индивиду или же, в контексте диалога культур, к малым группам, либеральную справедливость, основанную на честности, и одновременно включать в себя коммунитаристское стремление к интеграции, взаимопониманию, комплексному равенству и солидарности<sup>3</sup>. В статье «Проблема мультикультурализма в философии Ю. Хабермаса»<sup>4</sup> исследовательница рассматривает мультикультурную концепцию немецкого философа.

---

<sup>1</sup> Волкова Т.П. Теория мультикультурализма как синтез философских концепций либерализма и коммунитаризма. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Мурманск, 2006.

<sup>2</sup> Там же. С. 16.

<sup>3</sup> Там же. С. 19.

<sup>4</sup> Волкова Т.П. Проблема мультикультурализма в философии Ю. Хабермаса // Вестник МГТУ. Т.9. 2006. № 1. С.21-26.

Другой точки зрения придерживается Г.А. Короткий в диссертации на тему «Мультикультурализм как социо-культурная парадигма эпохи глобализации»<sup>1</sup>. Автор относит начало формирование идей мультикультурализма к «философии плюрализма У. Джеймса и философии жизни Ф. Ницше»<sup>2</sup>. А.В. Веретевская в диссертации «Перспективы и препятствия для политики мультикультурализма в консолидированных демократиях Западной Европы» пишет о уже сложившихся школах мультикультурализма коммунитаристов и либералов<sup>3</sup>.

Оригинальной выглядит идея Е.А. Спириной, изложенная в статье «Проблема истоков современного мультикультурализма: универсализм и партикуляризм»<sup>4</sup>. Она указывает, что на протяжении исторического развития общество проходило этапы партикуляризма и универсализма, основное различие которых заключалось в отношении к «чужому». Партикуляризм в этой трактовке обозначает исключение, универсализм – синтез. Исследовательница говорит о трех возможных стратегиях выстраивания современного мира: крайняя вестернизация, противостояние Запада и Востока и мультикультурализм, совмещающий в себе положительные черты партикуляризма и универсализма<sup>5</sup>.

Исходя из вышесказанного, становится очевидным отсутствие разработанности проблемы мультикультурализма в рамках исторических исследований. Каждая из поднятых тем требует отдельного осмысления и изучения, и это далеко не весь круг вопросов, которые остаются открытыми в рамках изучения мультикультурализма.

---

<sup>1</sup> *Короткий Г.А.* Мультикультурализм как социо-культурная парадигма эпохи глобализации. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2012.

<sup>2</sup> Там же. С 18.

<sup>3</sup> *Веретевская А.В.* Перспективы и препятствия для политики мультикультурализма в консолидированных демократиях Западной Европы. Автореф. дисс. канд. полит. наук. М., 2012. С. 23.

<sup>4</sup> *Спирина Е.А.* Проблема истоков современного мультикультурализма: универсализм и партикуляризм // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў.* 2008. № 9. С. 24-31.

<sup>5</sup> Там же. С. 31.

## **АРТУР МЁЛЛЕР ВАН ДЕН БРУК – ИДЕОЛОГ «ИЮНЬСКОГО КЛУБА»**

Артура Мёллера ван ден Брука принято считать основателем интеллектуального течения в Веймарской республике, названного «консервативной революцией». В значении, наиболее близком к современному, это словосочетание было употреблено именно Мёллером в 1919 году в предисловии к переводу романа Ф.М. Достоевского «Бесы», именно он сделал доступной для немецкой публики отзыв Достоевского о себе и своих единомышленниках как о «революционерах от консерватизма»<sup>1</sup>.

Мёллер ван ден Брук родился 23 апреля 1876 года в Золингене в семье архитектора. В юности он был исключен из гимназии за неподобающее поведение и после исключения занимался самообразованием, посещал литературные кафе, театральные премьеры, выставки авангардистов<sup>2</sup>. Получив аттестат зрелости, он отправился путешествовать. Находясь в Париже, Мёллер знакомится с Дмитрием Мережковским, под влиянием которого он погружается в чтение Достоевского. Молодой немецкий писатель обнаруживает существенную близость с великим русским писателем и решает посвятить себя служению идеям Достоевского. Мёллер ван ден Брук взялся за перевод всех произведений великого русского писателя. Переводное собрание его сочинений выходило с 1905 по 1915 годы в двадцати двух томах, будучи результатом совместных усилий Мёллера и Мережковского. Первый том содержал перевод «Идиота». Для каждого произведения Мёллер писал обстоятельное введение. В одном из этих предисловий он и представил Достоевского как «революционера от консерватизма» и в этом видел свою близость к величайшему русскому писателю<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Алленов С. Г. Русские истоки немецкой «консервативной революции»: Артур Мёллер ван ден Брук // Полис. 2001. №3. С.130.

<sup>2</sup> Schlüter A. Moeller van den Bruck: Leben und Werk. Köln; Weimar; Wien, 2010. S.31

<sup>3</sup> Алленов С.Г. Указ. соч. С.133.

В 1914 году Мёллер ван ден Брук под влиянием «духа 1914 года» отправился на фронт добровольцем, но вскоре был отозван по состоянию здоровья и оказался в штабе армии в Берлине в качестве сотрудника Департамента прессы и пропаганды на Восточном фронте<sup>1</sup>. Служба подвигла Мёллера обратить внимание на политику; его интерес сконцентрировался прежде всего на современной политической ситуации и поиске смысла национальной идентичности немцев<sup>2</sup>.

Поражение Германии разрушило надежды Мёллера на установление германской гегемонии в Европе. По мнению Мёллера ван ден Брука, в истории Германии не было политических революций, и поэтому, по сравнению с англичанами и французами, немцы моложе этих двух народов и стоят на середине своего исторического пути<sup>3</sup>. Немецкий историк Д. Гойдел считает, что само понятие революции у Мёллера претерпело дискурсивные изменения<sup>4</sup>. Для Мёллера, революция происходит только один раз. Революция – это исконное дело народа, которое соответствующая нация может решить лишь своими собственными силами<sup>5</sup>. Поэтому в случае Англии и Франции революция – это позитивное изменение, а в случае Германии революция – это катастрофа<sup>6</sup>. Мёллер считал, что трагедия Ноябрьской революции состояла в том, что в сознании людей, лишившихся национальных корней или не имевших их, социализм принял такие формы, которые чужды немцам как нации.

Поражение в войне Мёллер считал поражением нации<sup>7</sup>. Он выдвигал идею о том, что в Германии должны исчезнуть партии, все они должны объединиться в партию всех немцев, которые хотят сохранить Германию для

---

<sup>1</sup> *Schlüter A.* Op. cit. S.34.

<sup>2</sup> *Терехов О.Э. А.* Мёллер ван ден Брук как идеолог «консервативной революции» в освещении германской историографии // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2011. №2(14). С.147.

<sup>3</sup> *Мёллер ван ден Брук А.* Третья империя // Мёллер ван ден Брук А., Васильченко А. Миф о вечной империи и Третий Рейх. М., 2009. С. 112-113.

<sup>4</sup> *Goedel D.* “Revolution”, “Sozialismus”, “Demokratie”: Bedeutungswandel dreier Begriffe am Beispiel von Moeller van den Bruck // Gang M., Raulet G. Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik. Frankfurt am Mein, 1994. S.80.

<sup>5</sup> *Мёллер ван ден Брук А.* Указ. соч. С.112.

<sup>6</sup> *Goedel D.* Op.cit. S.82.

<sup>7</sup> *Мёллер ван ден Брук А.* Указ. соч. С.348.

немецкого народа<sup>1</sup>. В Германии должна сформироваться особая форма демократии, воспитывающая в немецком народе стремление быть вовлеченным в становление коллективной исторической судьбы.

После принятия в июне 1919 года Версальского договора, Мёллер писал в одном из своих эссе, что любой мир, выгодный для Франции, в основании своем несправедлив<sup>2</sup>. Подписание «позорного» мира стало поводом для создания интеллектуального кружка, названного в честь этого события «Июньским клубом». С начала своего существования «Июньским клубом» руководил триумvirат в составе Артура Мёллера ван ден Брука, Генриха фон Гляйхена и Эдуарда Штадлера. Вскоре «Июньский клуб» стал выпускать еженедельник под заглавием «Das Gewissen» («Совесть»). Это заглавие в точности соответствовало намерению редакторов: новая газета должна была стать «голосом совести, голосом бескорыстным и беспристрастным, голосом веры и традиции, который будет говорить со всеми немцами, к какой бы партии и социальному классу они бы не принадлежали»<sup>3</sup>. Главным редактором газеты стал Эдуард Штадлер, но так как он большую часть своего времени проводил в путешествиях по Германии, где выступал со своими лекциями, фактически редактором оказался Мёллер ван ден Брук. В 1919 году газета стоила 10 пфенингов, а к 1923 году из-за экономической ситуации в стране ее стоимость выросла до 50 пфенингов, что, впрочем, не помешало ее распространению.

Страницы газеты отражали важнейшие события, происходившие в Германии и в мире. Большое внимание было уделено революции в Германии. На страницах мартовского номера 1920 года было опубликовано эссе Мёллера под названием «Мы хотим, чтобы революция победила», где он излагает свои убеждения о революции вообще и о германской в частности<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. С.345.

<sup>2</sup> *Schlüter A.* Op. cit. S. 302.

<sup>3</sup> *Stern F.R.* The politics of cultural despair: a study in the rise of the Germanic ideology. California, 1974. P.228.

<sup>4</sup> *Gewissen.* 1920. 31. März // ZEFYS: Historische Zeitungen – Zeitungsinformationssystem. URL: <http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek->

Большое внимание «Июньский клуб» уделял также проблеме большевизма, мировой революции и личности Ленина. В 1919 г. Июльский номер «Das Gewissen» был посвящен хронике мировой революции<sup>1</sup>.

В каждом номере газеты обязательно присутствовали темы национальных немецких интересов: в июньском номере газеты 1919 года был изложен материал, касавшийся проблемы Эльзаса<sup>2</sup>, в октябрьском номере того же года уделено внимание германо-австрийскому вопросу<sup>3</sup>, в январском же выпуске 1922 года рассматривался польский вопрос<sup>4</sup>.

Помимо этого, как правило, передовая полоса была посвящена важнейшим внутривнутриполитическим и внешнеполитическим событиям. Один из ноябрьских выпусков 1919 года был посвящен Версальскому договору<sup>5</sup>, а в сентябре 1920 года активно призывала саботировать условия мирного договора<sup>6</sup>. В каж-

---

[berlin.de/foai/foai-3ftx\\_zefysoai\\_pi1%255Bidentifizier%255D%3D4a2ae92f-6980-42b6-a7cc-1b7096e193b4](http://www.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifizier%255D%3D4a2ae92f-6980-42b6-a7cc-1b7096e193b4) (дата обращения: 8.08.2014).

<sup>1</sup> Gewissen. 1919. 8. Juli // [http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx\\_zefysoai\\_pi1%255Bidentifizier%255D%3D673cf874-7dc6-4c4a-be41-6bb83c92c9f4](http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifizier%255D%3D673cf874-7dc6-4c4a-be41-6bb83c92c9f4) (дата обращения: 8.08.2014).

<sup>2</sup> Gewissen. 1919. 17. Juni // [http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx\\_zefysoai\\_pi1%255Bidentifizier%255D%3Dbc5557fc-b35c-41c7-9016-80fa330e6d1e](http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifizier%255D%3Dbc5557fc-b35c-41c7-9016-80fa330e6d1e) (дата обращения: 9.08.2014).

<sup>3</sup> Gewissen. 1919. 28. Oktober // [http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx\\_zefysoai\\_pi1%255Bidentifizier%255D%3D5b29097f-e0a4-4d3c-9f47-0d65d1fd2a17](http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifizier%255D%3D5b29097f-e0a4-4d3c-9f47-0d65d1fd2a17) (дата обращения: 9.08.2014).

<sup>4</sup> Gewissen. 1922. 30. Januar // [http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bimage%5D=1&set%5Bzoom%5D=default&set%5Bdebug%5D=0&set%5Bdouble%5D=0&set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx\\_zefysoai\\_pi1%255Bidentifizier%255D%3D6435d948-1658-4d72-a069-898ed79caa8a](http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bimage%5D=1&set%5Bzoom%5D=default&set%5Bdebug%5D=0&set%5Bdouble%5D=0&set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifizier%255D%3D6435d948-1658-4d72-a069-898ed79caa8a) (дата обращения: 9.08.2014).

<sup>5</sup> Gewissen. 1919. 4. November // [http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx\\_zefysoai\\_pi1%255Bidentifizier%255D%3D03a34941-f8f2-4cba-8822-412a1ac03b70](http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifizier%255D%3D03a34941-f8f2-4cba-8822-412a1ac03b70) (дата обращения: 9.08.2014).

<sup>6</sup> Gewissen. 1920. 15. September // [http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx\\_zefysoai\\_pi1%255Bidentifizier%255D%3Db1c22804-04cc-460c-867a-298ff0508088](http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de/foai/foai-3ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifizier%255D%3Db1c22804-04cc-460c-867a-298ff0508088) (дата обращения: 9.08.2014).

дом выпуске редакторы газеты обращались к немецкой истории, цитируя высказывания великих немцев: И. Гете, Ф. Ницше и т.д.

На вечерах «Июньского клуба» присутствовало до 120-150 человек, часто приглашались гости, проводились дискуссии на разные политические темы. В один из таких вечеров, в 1922 году, гостем «Июньского клуба» стал А. Гитлер. Мёллер получил от Гитлера предложение о союзе, аргументированное тем, что они «разрабатывают духовное оружие в борьбе за обновление Германии», но отказался сотрудничать<sup>1</sup>. Однажды он сказал о Гитлере: «Этот парень никогда ничего не поймет»<sup>2</sup>. Можно предполагать, что под «духовным оружием», в частности, подразумевался имперский миф, который Мёллер ван ден Брук сделал важнейшим понятием не только немецкого консервативного движения, но и символом «национальной революции»<sup>3</sup>.

В 1923 году был издан главный труд Мёллера – «Третья империя». По мнению американского историка Штерна, «Третья империя» обеспечила германских правых их главным политическим мифом<sup>4</sup>. В этой работе Мёллер обосновывал понятие «революционный консерватизм». Консерватизм являлся для него системой ценностей. Быть истинным консерватором означало, по его определению, хранить не все сложившиеся ценности, но только те, которые достойны сохранения. Речь шла о «вечных ценностях», на которых должна строиться жизнь немецкого народа. Остальные – «ложные» идеалы либерального общества – предстояло безжалостно искоренять. Соответственно консерватизм, по Мёллеру, означал национализм, а быть националистом значило славить не то отечество, которое есть, а то, которое будет очищено от скверны либерализма и воплотит в себе истинные национальные ценности<sup>5</sup>. Чем более желанным для Мёллера был этот идеал, тем более радикальным было его неприятие действительности. В своем комментарии к «Третьей империи» он обронил проро-

---

<sup>1</sup> Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом. СПб., 2011. С.427.

<sup>2</sup> Bussman W. Politische Ideologie zwischen Monarchie und Weimarer Republik // Historische Zeitschrift. 1960. Bd. 190. S. 72.

<sup>3</sup> Терехов О.Э. Указ. соч. С.151.

<sup>4</sup> Stern F.R. Op. cit. P.12.

<sup>5</sup> Алленов С.Г. Указ. соч. С.22.

ческую фразу о том, что его утопия может стать смертельной для склонного к самообману немецкого народа<sup>1</sup>.

Мёллер ван ден Брук не принял Веймарскую конституцию. По его мнению, либералы пытались увековечить принципы, которые враги использовали себе во благо, а Германии во вред<sup>2</sup>. Конституция, по его мнению, была совершенно чужда тем изменениям, которые происходили в немецком народе, становящемся нацией<sup>3</sup>. За третью империю, по мнению Мёллера ван ден Брука, ратует немецкий национализм. Эта империя – пророчество, предназначенное для немцев, но которое оспаривается всеми остальными народами<sup>4</sup>. В этом деградирующем мире, празднующем сегодня победу, немецкий национализм пытается спасти все немецкое<sup>5</sup>. «Третья империя» стала настольной книгой «Июньского клуба», она пользовалась огромной популярностью и вызывала самые оживленные дискуссии.

В 1925 году Артур Мёллер ван ден Брук после затяжной депрессии скончался. После его смерти «Июньский клуб» распался, на его месте возник «Младо-консервативный клуб», а в начале 1930-х гг. существовал «Клуб господ», воспринявший идеи двух прежних организаций.

«Июньский клуб» за свое недолгое существование не смог повлиять на политическую ситуацию в Германии, так как идеология младо-консервативного объединения в целом была еще далека от текущей политики, в ней преобладало упоение идеалами, а не прагматический интерес к реальному положению вещей. Идеи же духовного лидера «Июньского клуба» Артура Мёллера ван ден Брука стали настоящей находкой для правого движения в Веймарской республике. Правые охотно поддерживали идею о неудавшейся революции, приведшей к катастрофе Германии; сильное впечатление производила также мысль о возрождении германского величия в лице «Третьей империи».

---

<sup>1</sup> Там же. С.22.

<sup>2</sup> Мёллер ван ден Брук А. Указ. соч. С.356.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С.363.

<sup>5</sup> Там же. С.364.

## **Э.Д. ГРИММ И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ ПРИНЦИПАТА АВГУСТА**

На рубеже XIX-XX вв. русская наука об античности, находясь на уровне европейского антиковедения, достигла своего расцвета<sup>1</sup>. В отечественной романистике того времени не получили развитие неокантианские идеи в отличие от исследования греческих древностей. Для дореволюционных исследователей истории античного Рима теоретико-методологической основой был позитивизм<sup>2</sup>. Одним из плодотворно развивавшихся направлений отечественного антиковедения было социально-политическое, представителем которого являлся петербургский профессор, занимавший длительное время пост ректора Санкт-Петербургского университета, Эрвин Давидович Гримм (1870-1940)<sup>3</sup>.

Его вклад в исследование императорской власти в Риме был замечен уже современниками<sup>4</sup>. Видный антиковед Э.Д. Фролов в конце 1990-х гг. отметил, что книга Э.Д. Гримма «Исследования по истории развития римской императорской власти» является самым обширным и концептуально важным исследованием по теме принципата в отечественной литературе, значение которой до сих пор не перекрыто трудами таких советских и российских исследователей античности, как Н.А. Машкин, А.Б. Егоров, Я.Ю. Межеричкий<sup>5</sup>. Специальных работ, посвящённых его концепции принципата Августа, насколько мне известно, нет, несмотря на повысившийся интерес в современной исторической

---

<sup>1</sup> Фролов Э. Д. Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 217.

<sup>2</sup> Об этом см.: подробнее: *Летяев В.А.* Восприятие римского наследия российской наукой XIX – начала XX вв. Волгоград, 2002. С. 38-40.

<sup>3</sup> *Бузескул В.* Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1931. Ч.2. С. 212.

<sup>4</sup> *Кулаковский Ю.А.* [Рец.] Э. Гримм. Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900. Т.1 // Журнал Министерства Народного Просвещения (далее ЖМНП) 1902, июль. Ч. СССХХХХII. С. 154.

<sup>5</sup> Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 334.

науке России к фигуре этого историка<sup>1</sup>. Обращение к концепции принципата Августа продиктовано значением, которое придавал Э.Д. Гримм данному времени, и роли этого периода в истории развития императорской власти в Риме<sup>2</sup>.

Эрвин Давидович Гримм родился в семье известного российского архитектора, профессора Императорской Академии художеств Д.И. Гримма. Он серьёзно увлёкся историей уже в гимназические годы<sup>3</sup>. Э.Д. Гримм обучался на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В студенческие годы серьёзно интересовался несколькими периодами истории и слушал курсы у авторитетных специалистов в соответствующих областях (В.Г. Васильевского, Н.И. Кареева, Ф.Ф. Соколова). Каждый из них оказал на него влияние в той или иной степени. Первоначальные планы писать магистерскую диссертацию по новой истории Западной Европы он оставил и переключился на историю Византии, а затем занялся исследованием истории Римской империи. В 1899г. магистерская диссертация, посвящённая исследованию римской императорской власти от Августа до Нерона, была допущена к защите и утверждена к печати<sup>4</sup>. Через год, в качестве монографии, вышел интересующий нас первый том «Исследований по истории развития римской императорской власти»<sup>5</sup>.

На публикацию почти сразу же были написаны рецензии видным антиковедом Ю.А. Кулаковским<sup>6</sup> и магистром М.И. Ростовцевым<sup>7</sup>, с которым Э.Д. Гримм вступил в полемику<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Имеющуюся литературу о Э.Д. Гримме и его творчестве см.: *Беляева О. М.* Эрвин Давидович Гримм: академическое сообщество позднеимперского периода: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 27-32.

<sup>2</sup> Тот факт, что периоду принципата Августа посвящены 211 страниц, указывает на значение, придававшееся автором этой эпохе (*Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900. Т.1.: Римская императорская власть от Августа до Нерона. С. 35-246).

<sup>3</sup> *Беляева О.М.* Эрвин Давидович Гримм... С. 45.

<sup>4</sup> *Беляева О.М.* Гримм в Петербургском университете. Путь к профессорскому званию // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 36. С.198-199, 205.

<sup>5</sup> *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900. Т. 1.: Римская императорская власть от Августа до Нерона.

<sup>6</sup> *Кулаковский Ю.А.* Указ. соч. С. 154-170.

<sup>7</sup> *Ростовцев М.И.* [Рец.] Э. Гримм. Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1901. Т. 2. // ЖМНП. 1902, май. Ч. СССХХХХI. С. 148-171. Без учёта этой

Как уже не раз отмечалось, вся теория развития императорской власти в работах Э.Д. Гримма выстроена на неприятии основных тезисов господствовавшей в конце XIX в. концепции «диархии» выдающегося немецкого антиковеда Т. Моммзена, содержащейся в его работе «Римское государственное право»<sup>2</sup>. Главный тезис немецкого исследователя состоит в том, что система принципата характеризовалась наличием двоевластия – сената и императора<sup>3</sup>. После выхода работы Э.Д. Гримма появились различные точки зрения на характер принципата Августа и роль при нём республиканских институтов, в частности сената<sup>4</sup>. Э.Д. Гримм отстаивал тезис о монархическом характере принципата Августа. Взгляд этот не был новым – в 1877 г. В.И. Герье, опубликовавший статью об Августе, не принял теорию диархии и отстаивал точку зрения о монархическом характере принципата<sup>5</sup>.

Цель своей работы Э.Д. Гримм видел в установлении «хода и фазисов» развития императорской власти в Риме. Он резко выступал против взгляда Т. Моммзена на принципат как цельную систему, охватывающую I-III вв. н.э. По его мнению, в конституционном плане принципат Августа сильно отличается от принципата Тиберия и, тем более, от принципата Септимия Севера<sup>6</sup>. После истечения полномочий триумвира и до «восстановления республики» в 27 г. Октавиан (позже Август) пользовался неограниченной властью, узурпирован-

---

рецензии и ответа на неё невозможно уяснить взгляды Э.Д. Гримма, что ранее уже отмечалось (Бузескул В. Указ. соч. Ч. 2. С. 212 ).

<sup>1</sup> Гримм Э. Ответ г. Ростовцеву // ЖМНП. 1902, май. Ч. СССХХХХI. С. 172-209.

<sup>2</sup> Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.-Л., 1949. С. 353-354; Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980. С. 180; Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 12-13; Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 180, 334-335; Беляева О.М. Э.Д. Гримм в Петербургском... С. 206-207; Летяев В. А. Указ соч. С. 118.

<sup>3</sup> Егоров А.Б. Вопрос о роли римского сената в политической системе принципата в историографии XIX – XX вв. // Мнемон. СПб., 2002. С. 177.

<sup>4</sup> О вкладе Т. Моммзена в историческую науку и изучении римской истории во второй половине XIX – начал XX вв. см.: Захаров А.А. Очерк изучения римской истории во второй половине XIX и начале XX века // Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 2008. Т. 2. С. 700-739. О теориях, вызванных к жизни «Римским государственным правом» Т. Моммзена, см.: Егоров А.Б. Вопрос о роли... С. 175-190. Более подробно о точках зрения на проблему характера принципата Августа см.: Межеричский Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 33-112.

<sup>5</sup> Герье В.И. Август и становление Римской империи // Вестник Европы. 1877. №7. С. 10.

<sup>6</sup> Гримм Э.Д. Исследования по истории...Т. 1. С. 4, 11; Гримм Э.Д. Ответ... С. 173-174.

ной «с всеобщего согласия». В 27 г. правовое положение Августа меняется, он слагает с себя неограниченную власть. Актом 27 г.<sup>1</sup> ему предоставляются сроком на десять лет следующие права: во-первых, верховное руководство и надзор за делами государства или «*προστασία τῶν κοινῶν*»; во-вторых, определённая часть провинций и начальство над войском<sup>2</sup>. Стоит отметить, что такой же взгляд на положение Августа в 27 г. до н.э. был высказан через полвека видным британским антиковедом А.Х.М. Джонсом<sup>3</sup>. Особенность положения Августа в данный отрезок времени заключается, по мнению Э.Д. Гримма, в том, что право руководства и надзора за делами не имело точно очерченных правовых границ. Принцепс для Э.Д. Гримма является верховным уполномоченным народа, который в силу акта 13 января 27 г. до н.э. обладает верховной властью. Безусловно новым было неприятие молодым петербургским антиковедом положений Т. Моммзена и О. Гиршфельда относительно существования фиска – императорской казны – в эпоху Августа<sup>4</sup>. Позже эту точку зрения выскажет американский антиковед Т. Франк<sup>5</sup>. В концепции развития императорской власти Э.Д. Гримма особое место занимает «*προστασία τῶν κοινῶν*». Именно чрезвычайный характер этих полномочий привёл к урегулированию 23 г. до н.э. и акту 19 г. до н.э.<sup>6</sup> Изменение формы принципата происходит в 23 г. до н.э. Август приобретает трибунскую власть и пожизненный проконсульский империй.

---

<sup>1</sup> По мнению Э.Д. Гримма, те или иные полномочия, предоставленные Августу в 27, 23, 19 гг., даровались через комиции, а не сенатом (Гримм Э.Д. Исследования по истории... Т. 1. С. 201).

<sup>2</sup> Гримм Э.Д. Исследования по истории... С.102,104-105, 106.

<sup>3</sup> Jones A.H.M. Augustus. New York. London, 1970. P. 46. На то, что работа Э.Д. Гримма незаслуженно игнорируется в западной историографии, обращал внимание А.Б. Егоров (Егоров А.Б. Рим... С. 12).

<sup>4</sup> Гримм Э.Д. Исследования по истории... Т. 1. С.210-211, 243.

<sup>5</sup> Frank T. On Augustus and the «Aerarium» // The Journal of Roman Studies. 1933. Vol. 23. P. 143-144. До настоящего времени вопрос о дате появления фиска и его природе не решён однозначно. Такие авторитетные антиковеды как С. Сазерленд, А. Джонс, Д. Ратбон считают, что фиска при Августе не существовало (Sutherland C.H.V. «Aerarium» and «fiscus» during the Early Empire // The American Journal of Philology. 1945. Vol. 66. № 2. P. 157; Jones A. Studies in Roman government and law. Oxford, 1969. P.109; Rathbone D. Imperial finances // The Cambridge Ancient History. 2 ed. Cambridge, 2006. Vol. X. P. 321). См. основные точки зрения: Millar F. Rome, the Greek world and the East. Chapel Hill. London, 2006. Vol. II. P. 47.

<sup>6</sup> Гримм Э.Д. Исследования по истории... Т. 1. С. 203.

Информацию Диона Кассия (Cass. Dio. LIII.32.5) о предоставлении принцепсу права делать на каждом заседании сената лишь по одному докладу Э.Д. Гримм трактует таким образом, что Август получил право первоочередного рассмотрения представленного им вопроса<sup>1</sup>. В 19 г. до н.э. император получил неограниченное право распоряжений – *ius edicendi*. Оно позволило ему вмешиваться во все дела и *de facto* освободило от соблюдения законов. Конституционное развитие принципата Августа завершается, по Э.Д. Гримму, в 19 г. до н.э.<sup>2</sup>

Что касается другого элемента «диархии» – сената – то, по мнению петербургского антиковеда, ограничение сферы действий принцепса в отношении сената было делом всевластного Августа, а не результатом договора двух равных сил. Сенат формально сохранил значение высшего совещательного органа, но фактически потерял прежнее господствующее положение в «государстве». Его значение, с точки зрения Э.Д. Гримма, исчерпывалось обязанностью принцепса и других магистратов совещаться с «отцами» по всем важнейшим вопросам, не вытекавшим из их компетенции. Это означало, что сенат не имел непосредственного отношения к управлению «государством». Э.Д. Гримм отмечает, что сенат получил верховную судебную власть, как и принцепс, но позже доказывает, что власть Августа в этой сфере была выше сенатской. Об этом свидетельствует то, что принцепс имел право принимать апелляции на решения сената<sup>3</sup>.

Проанализировав имеющиеся свидетельства о конституционном положении Августа, Э.Д. Гримм приходит к следующим выводам. Совокупность всех полученных полномочий придавала принцепсу монархическое положение. С точки зрения петербургского антиковеда Август был монархом-государем и монархом-богом, а для Т. Моммзена Цезарь Август был всего лишь чрезвычайным должностным лицом. Э.Д. Гримм считает, что полномочия Августа по формальным мотивам и срочности были близки к полномочиям чрезвычайной магистратуры и не являлись по своему характеру монархическими. Характери-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 130, 132, 138.

<sup>2</sup> Там же. С. 148-149.

<sup>3</sup> Там же. С. 203-204, 206-208, 212.

зую власть императора как чрезвычайную магистратуру, автор не оговаривает, какую чрезвычайную магистратуру он имеет в виду<sup>1</sup>.

Э.Д. Гримм специально подчёркивает разницу между республиканской формой принципата и его монархической сущностью. Выражением последней является общая тенденция правления Августа – постепенная замена чрезвычайного надзора и руководства постоянным управлением всем государством<sup>2</sup>.

Пытаясь разобраться в контроверзах принципата Августа<sup>3</sup>, историк придумывает оригинальное обозначение формы правления, созданной первым римским императором, как «гражданской монархии с республиканскими формами»<sup>4</sup>. Ю.А. Кулаковский, рецензируя монографию молодого петербургского антиковеда, резко возражал против этой формулировки. На наш взгляд, говоря о «гражданской монархии» автор имел в виду, что до III в. н.э. принцепсы избирались сенатом<sup>5</sup>.

Подводя итоги, необходимо сказать, что концепция Э.Д. Гримма о принципате Августа не избежала влияния идей русской науки об античности конца XIX в. Однако, его концепция оригинальна. Некоторые положения были высказаны впервые и являлись новыми как для отечественной, так и для мировой науки об античности. Они не потеряли своей актуальности до настоящего времени.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 44, 219-220, 229, 231-243, 245.

<sup>2</sup> Там же. С. 4, 244.

<sup>3</sup> О сложности проблемы, говорит тот факт, что уже в конце XIX столетия было высказано сомнение по поводу возможности определить систему принципата исключительно с помощью юридических терминов (*Yavetz Z. The Res Gestae and Augustus' public image // Caesar Augustus. Seven aspects. Oxford, 2002. P. 24*).

<sup>4</sup> Там же. С. 245.

<sup>5</sup> Подробней см.: *Кулаковский Ю.А. Указ. соч. С. 160.*

## **ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ПРИМЕР ПРИДНЕСТРОВСКОЙ ПРОБЛЕМЫ**

В настоящее время в исторической науке значительную роль играют понятие и проблематика исторической политики.

Историческая политика, по определению политолога М. Колерова, - это «политика единых ориентиров, формул описания прошлого с целью формирования ... партийного или общенационального единства, «политика памяти», историческая часть «национальной идеи»<sup>1</sup>. Также к этому понятию можно отнести использование исторических аргументов в целях актуальной политики, преимущественно в международных отношениях.

Появление понятия исторической политики связано с так называемым «спором историков» в Германии в 1980-х гг. Вопрос был в оценках немецкой истории XX в., которые тогдашнее руководство ФРГ попыталось «сделать более патриотичными». Критики этой точки зрения дали ей название *Geschichtspolitik*, т.е. «историческая политика»<sup>2</sup>. Затем, уже в 2000-е гг., этот термин был интерпретирован в положительном ключе польской партией «Право и справедливость», а затем распространился по Европе<sup>3</sup>.

К инструментам исторической политики относятся: издание школьных учебников, представляющих «правильную» с точки зрения властей интерпретацию истории страны; политизация исторической науки в этом направлении; открытие памятников и музеев, посвящённых спорным историческим событиям; организация мемориальных праздников-юбилеев; принятие законов, осуждаю-

---

<sup>1</sup> Колеров М.А. «Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка. С.1. URL: [www.ergojournal.ru/wp-content/uploads/2013/08/Историческая-политика.pdf](http://www.ergojournal.ru/wp-content/uploads/2013/08/Историческая-политика.pdf)

<sup>2</sup> Миллер А.И. Вызов из прошлого // Россия в глобальной политике. 2011. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vyzov-iz-proshlogo-15354>

<sup>3</sup> Там же.

щих те или иные исторические события либо, наоборот, запрещающих их критику<sup>1</sup>.

В государствах, не пользующихся международным признанием (Нагорный Карабах, Приднестровье) или не признаваемых большинством международного сообщества (Абхазия, Южная Осетия), историческая политика играет особую роль. Так как международно-правовая легитимация этих государств слаба, а безопасность не гарантирована, то их властям приходится принимать меры для привлечения симпатий к независимости, в первую очередь за границей.

В данной статье речь идёт о направлениях исторической политики Приднестровской Молдавской Республики – государственного образования, провозглашённого в 1990 г. и признающегося странами-членами ООН частью Республики Молдова.

ПМР, несмотря на принципиальное сходство своей внешней политики с внешнеполитическим курсом Абхазии и Южной Осетии, в своей исторической политике, представляет серьезное отличие от них. Приднестровское сепаратистское движение, по мнению значительной части исследователей, носит наднациональный характер<sup>2</sup>. Внешнеполитическая ориентация Приднестровья во многом определяется тем, что население этой непризнанной республики состоит практически поровну из русских, украинцев и молдаван<sup>3</sup>.

Кроме того, Приднестровье не имеет собственной древней истории, местная национальная идентичность («приднестровский патриотизм») только формируется<sup>4</sup>, поэтому приднестровские политики используют исторические аргументы для обоснования своей независимости достаточно ограниченно.

---

<sup>1</sup> Колеров М.А. Указ. соч. С. 1.

<sup>2</sup> Sato Keiji. Mobilization of Non-titular Ethnicities during the Last Years of the Soviet Union: Gagauzia, Transnistria, and the Lithuanian Poles // Sato Keiji. Acta Slavica Iaponica, Tomus 26. Pp. 151 – 152.

<sup>3</sup> Ibid.

<sup>4</sup> Бабилунга Н.В. Приднестровская Молдавская Республика: признанная историография непризнанного государства // Историографический диалог вокруг непризнанных государств: Приднестровье, Нагорный Карабах, Армения, Южная Осетия и Грузия / Под ред. Кимитака Мацузато. Саппоро, 2007. С.12. URL: [http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18/1\\_babilunga.pdf](http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18/1_babilunga.pdf)

Главный аргумент приднестровских политиков из разряда «исторических прав», которые так часто используют абхазские и южноосетинские дипломаты, заключается в том, что до 1940 г. Приднестровье не принадлежало какому-либо молдавскому или румынскому государству. В 1924 – 1940 гг. на территории современной ПМР существовала Молдавская АССР в составе Украины. В июне 1940 г. Бессарабия, захваченная Румынией в 1918 г., была возвращена Советскому Союзу. Затем в результате нового административно-территориального деления этой территории северная и центральная часть Бессарабии были объединены с большей частью бывшей Молдавской АССР и образовали Молдавскую ССР. Южная Бессарабия и часть Молдавской АССР отошли к Украине<sup>1</sup>. Возвращение Бессарабии стало возможным благодаря пакту Молотова – Риббентропа (она была отнесена к сфере интересов СССР). В 1990 г. власти Молдавской ССР объявили пакт Молотова – Риббентропа и закон об образовании Молдавской ССР не имеющими юридической силы с момента их подписания; таким образом, с точки зрения ПМР, перестала существовать государственная связь между Молдовой и Приднестровьем, и последнее получило право на самоопределение<sup>2</sup>.

Начало движения за суверенитет Приднестровья относится к 1989 г., когда власти Молдавии вместе с Народным фронтом, который приднестровские идеологи характеризуют как национал-экстремистскую организацию, объявили румынский язык единственным государственным; согласно точке зрения и приднестровских, и значительной части молдавских исследователей, политика молдавских властей, направленная на объединение с Румынией (унионизм), имела своим следствием дискриминацию русскоязычного населения<sup>3</sup>. В этих условиях приднестровское движение сформировалось на основе следующих идей:

---

<sup>1</sup> *Маркедонов С.М.* Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. Аналитические доклады Института Кавказа, № 5, январь 2012. Ереван, 2012. С. 152-153.

<sup>2</sup> Там же. С. 159.

<sup>3</sup> Там же. С. 154.

1) борьба против «румынизации» (как утверждают украинские политологи, «для приднестровцев румынизация означает оправдание войны 1992 года и легитимное основание для требований о независимости»<sup>1</sup>;

2) ярко выраженная советская идентичность как объединяющая разные этнические группы (по словам бывшего министра иностранных дел ПМР В.А. Лицкая, «мы не можем отделить себя от советской культуры. Возможно, советская культура плоха, но другой у нас нет»<sup>2</sup>;

3) равноправие народов в противовес румынскому национализму.

В исторической политике приднестровских властей важнейшую роль играет негативная историческая память времён Великой Отечественной войны: в 1941 – 1944 гг. Молдавская ССР и часть УССР, включая Одессу, были оккупированы фашистской Румынией. На этих территориях проводилась политика массовых репрессий, в том числе по этническому признаку<sup>3</sup>. Это вызвало в населении левобережья Днестра подозрительное отношение к Румынии. Память о преступлениях, которыми сопровождалась румынская оккупация, сохраняется и поддерживается властями, причём ответственность возлагается на современную Румынию и «националистические власти Республики Молдова»<sup>4</sup>. Молдавские исследовательницы Наталья Кожокару и Стела Сухан на основе проведённых с жителями ПМР интервью отмечают, что стереотип «румынского кнута» – один из наиболее устойчивых, описывающих нахождение современных территорий Молдавии и Приднестровья в составе Румынии, среди населения республики<sup>5</sup>. День Победы остаётся главным праздником в ПМР, что делает это не-

---

<sup>1</sup> *Белицер Н., Билинский М., Богомолов А., Довгопол Я.* Нациестроительство и евроинтеграция в Молдове. URL: <http://www.bigyalta.com.ua/story/20212>

<sup>2</sup> *Tröbst, Stefan.* “We Are Transnistrians!”: Post-Soviet Identity Management in The Dniester Valley // *Ab Imperio*, 2003. № 1, pp. 437 – 466. URL: <http://dacoromania.net/article/we-are-transnistrians-post-soviet-identity-management-dniester-valley>

<sup>3</sup> Описание оккупации Молдавии с проприднестровской точки зрения см.: *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 269-294.

<sup>4</sup> *Tröbst, Stefan.* “We Are Transnistrians!”...

<sup>5</sup> *Cojocar, Natalia; Suhan, Stela.* Transnistria: the Socio-Ideological Context of Invented Identities. // *Cojocar, Natalia; Suhan, Stela.* *Transitions*, vol. 45-2 (3/2006). P. 155. URL: [http://dev.ulb.ac.be/cevipol/dossiers\\_fichiers/suhan-153-170.pdf](http://dev.ulb.ac.be/cevipol/dossiers_fichiers/suhan-153-170.pdf)

признанное государство практически частью России в смысле исторической памяти<sup>1</sup>.

Следующее важнейшее для приднестровской государственной идеологии событие – это военный конфликт 1992 г. и особенно битва за Бендеры 19 – 21 июня. Противостоянию с «агрессивными румынистами» и его жертвам в республике посвящены памятники, музеи («Мемориал Памяти и Скорби»), книги<sup>2</sup>. Вторжение молдавских войск в Бендеры в выступлениях руководителей ПМР называется самым трагичным событием за время существования республики<sup>3</sup>.

Среди других эпизодов приднестровского конфликта в политических целях чаще всего используется трагедия в Дубоссарах 2 ноября 1990 г., когда молдавским Отрядом полиции особого назначения были убиты трое молодых людей. Уже в ноябре 1991 г. на месте трагедии был открыт обелиск их памяти<sup>4</sup>. Особое значение приобрело то, что убитые принадлежали к трём основным национальностям республики («молдаванин, русский и украинец – представители трёх братских этносов, составляющих единый народ в Приднестровье, восстанавливающий на своей общей исконной родине единую государственность. Первые капли крови, пролитые народом ПМР в борьбе за защиту своей свободы, показали всему миру, что конфликт в Приднестровье имеет не межнациональный, не межэтнический характер, а политический»<sup>5</sup>).

ПМР уже в начале своего существования использовала такой нестандартный ресурс в борьбе за независимость и дальнейшее признание, как права проживающих на территории республики молдаван. С точки зрения политических сил, господствовавших в Молдове в конце 1980-х – начале 1990-х гг., молдавского народа не существовало, а настоящий язык Молдавии – румынский. Однако уже в 1991 г. Верховный Совет ПМР принял постановление «О первоочередных мерах по сохранению самобытности молдавского народа, его языка и

---

<sup>1</sup> Ibid. P. 158.

<sup>2</sup> *Tröbst, Stefan*. “We Are Transnistrians!”...

<sup>3</sup> См., например: <http://president.gospmr.ru/ru/news/uvazhaemye-pridnestrovcy-0>

<sup>4</sup> Дубоссары – кровотокающая рана Приднестровья // Под ред. Н.В. Бабилунги, Б.Г. Бомешко. Тирасполь, 1993. С. 5.

<sup>5</sup> Там же. С. 14.

культуры». К настоящему времени в республике открыто 16 молдавских школ и 21 смешанная (молдавско-русская); кроме того, 7 украинских и 5 русско-украинских<sup>1</sup>. Молдаване играют активную роль в приднестровской политике (наиболее известные – бывший председатель Верховного Совета Г. Маракуца и бывший главнокомандующий ВС Ш. Кицак). 30% бойцов Приднестровья в 1992 г. составляли молдаване<sup>2</sup>. Широкое распространение в ПМР получило двойное гражданство, при этом 1/5 его населения имеет гражданство Молдовы<sup>3</sup>.

Что касается инфраструктуры исторической политики Приднестровья, то она стала создаваться с первых лет непризнанной независимости. Уже в марте 1991 г. в Приднестровском государственном университете открыта научно-исследовательская лаборатория «История Приднестровья»<sup>4</sup>. Главную роль в её создании сыграли молдавские историки Н.В. Бабилунга, В.Я. Гросул и Б.Г. Бомешко, не принявшие прорумынскую ориентацию официального Кишинёва того времени. Началась разработка национальной приднестровской историографии, находящейся в союзе с «молдовенистским» направлением историков самой Молдавии. Одним из главных проектов этой историографии стало много-томное коллективное издание «История Приднестровской Молдавской Республики»<sup>5</sup>.

Также в этом направлении находятся издание сборника документов «Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики», публицистических книг «Бендеры – расстрелянные, непокорённые», «Дубоссары – кровоточащая рана Приднестровья», сборников также публицистических и «исторических» статей «Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политологические аспекты», «Феномен Приднестровья», «Приднестровская государственность: история и современность», а также многих дру-

---

<sup>1</sup> *Мацузато К.* Межправославные отношения и трансграничные народности вокруг непризнанных государств. Сравнение Приднестровья и Абхазии // Приднестровье в макрорегиональном контексте Черноморского побережья / Под ред. Кимитака Мацузато. Саппоро, 2008. С. 220. URL: [http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18\\_ses/contents.html](http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18_ses/contents.html)

<sup>2</sup> *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. С. 342.

<sup>3</sup> *Маркедонов С.М.* Де-факто образования... С. 150.

<sup>4</sup> *Мацузато К.* Межправославные отношения и трансграничные народности... С. 217-218.

<sup>5</sup> *Бабилунга Н.В.* Приднестровская Молдавская Республика... С. 24.

гих<sup>1</sup>. Цель всех этих изданий – подтвердить принадлежность Приднестровья восточнославянскому культурному миру, историческую необходимость независимости ПМР, отличие молдаван как народа от румын, а также – что несколько противоречит другой идеологической основе республики – искусственность создания молдавской автономии в 1924 г.

Так, в издании «Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политологические аспекты» (1998 г.), кстати, предназначенном в качестве учебного пособия для студентов-историков, говорится о «многих тысячелетиях» истории Приднестровья<sup>2</sup>. Термин «Приднестровье» без каких-либо оговорок применяется к региону во времена от киммерийцев до XX в. Включение левобережья Днестра в состав России называется «одним из поворотных пунктов в историческом развитии этой земли», также высказывается мнение о формировании в XIX в. «особого приднестровского менталитета»<sup>3</sup>. Молдавская АССР называется «первым в истории приднестровских земель самостоятельным государством», при этом упоминается, что молдаване составляли там этническое меньшинство<sup>4</sup>. В качестве обоснования независимости ПМР используется в том числе и тот аргумент, что объединение левобережья Днестра с присоединённой к СССР Бессарабией было незаконным и не учитывало волю населения этих территорий<sup>5</sup>. Впрочем, большая часть книги – это описание событий молдавско-приднестровского конфликта конца XX в. и жёсткая критика политики Молдовы.

Таким образом, приднестровская историческая политика, так же как и во многих других постсоветских государствах, имеет целью «удревнить» историю своего государства и «научно» обосновать необходимость его суверенитета.

Молдовенизм как еще одна идеологическая опора ПМР находит своё выражение, в частности, в издании в Тирасполе труда П.М. Шорникова, историка,

---

<sup>1</sup> Там же. С. 24 – 25.

<sup>2</sup> *Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г.* Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политологические аспекты. Тирасполь, 1998. С. 4.

<sup>3</sup> Там же. С. 10.

<sup>4</sup> Там же. С. 13.

<sup>5</sup> Там же. С. 17.

активно публикующегося на обоих берегах Днестра, под названием «Молдавская самобытность». Там автор приводит аргументы в поддержку идеи о необходимости независимого существования Молдавии и Румынии, враждебности румынского государства по отношению к молдаванам и стремлении их ассимилировать, наконец, исторической преемственности между средневековым Молдавским княжеством и современной Приднестровской Республикой.

Стоит отметить, что «молдовенистская» и «приднестровско-славянская» составляющие в исторической политике ПМР находятся в конкурентных отношениях. Так, Н.В. Бабилунга, в 1990-х – первой половине 2000-х гг. подчёркивавший значение ПМР как защитника молдавской идентичности, в 2010 г. уже пишет, что «государственность в Приднестровье стала жертвой ... Пакта Молотова-Риббентропа» и «создание... МССР... заложило заряд огромной разрушительной силы»<sup>1</sup>. Возможное объяснение роста влияния «приднестровского патриотизма» состоит в том, что за годы правления коммунистов в Молдавии молдовенизм стал почти официальной идеологией РМ<sup>2</sup>, а вопрос об объединении с Румынией снят с повестки дня. Следовательно, объяснять независимость ПМР защитой от «румынского экспансионизма» стало намного труднее, а молдовенистский подход для элиты ПМР начал восприниматься как «пособничество» бывшей метрополии. В 2007 г. в ходе этого конфликта было использовано административное давление на «прокишиневскую» часть исторического сообщества ПМР, закрыт «Исторический альманах Приднестровья»<sup>3</sup>.

Подводя итоги, можно сделать выводы, что историческая политика Приднестровской Молдавской Республики имеет следующие направления: использование аргументов, связанных с юридической несостоятельностью объединения левобережья Днестра с Бессарабией; преступления фашистской Румынии

---

<sup>1</sup> Бабилунга Н.В. История ПМР в кратком изложении // Приднестровье в макрорегиональном контексте черноморского побережья. Под ред. Кимитака Мацузато. С. 50-51. URL: [http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18\\_ses/01babilunga.pdf](http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18_ses/01babilunga.pdf)

<sup>2</sup> Об изменениях в образовательной политике Республики Молдова см.: Roper, Steven D. Education as an Instrument of Moldovan Identity Formation. URL: [http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no10\\_ses/07\\_roper.pdf](http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no10_ses/07_roper.pdf)

<sup>3</sup> Феч Н. Приднестровский историк Н.В. Бабилунга // Приднестровье. 21 февраля 2012. URL: <http://www.pridnestrovie-daily.net/gazeta/articles/view.aspx?ArticleID=24423>

на территории Приднестровья, а также молдавских властей в начале 1990-х гг.; представление Приднестровья как исторического наследника молдавской государственности.

**РОМАНТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ  
В ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ  
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Во второй половине XIX века образованная часть российского общества в большинстве своём по-новому посмотрела на окружающую действительность. Проведённые в период правления Александра II реформы многое изменили в социально-экономической, политической, военной сферах. Однако этим дело не ограничилось, благодаря преобразованиям начался новый этап в развитии общественно-культурной сферы. В пореформенный период возросла численность образованных людей; это, как и послабления в области цензуры, способствовало бурному развитию публицистики и появлению множества изданий популярной литературы, ориентированной на массовый спрос. Как отмечает А.И. Рейтблат, «в высокой литературе массовый читатель, ориентированный на книжную новинку и способный обеспечить переиздание новой книги, равно как и развитая система рецензирования, “раскручивающая” недавно вышедшую книгу, складывается только в 1860-1870-х гг.»<sup>1</sup>.

Одним из новшеств того времени оказался интерес к отдельным регионам империи. Российская общественная мысль обратила внимание на провинцию; так, именно в пореформенную эпоху, как отмечают историографы, местная проблематика заняла прочное место в российской исторической науке<sup>2</sup>. Как показано в интереснейшем исследовании В.А. Бердинских, «именно в это время (1860-1890-е гг.) созданы тысячи историко-краеведческих работ, быстро формируется тип провинциального историка-краеведа, что стало существенным

---

<sup>1</sup> *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 203.

<sup>2</sup> *Боярченков В.В.* Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20 – 70-х годов XIX века. СПб: «Дмитрий Буланин», 2005.

вкладом в науку и культуру России»<sup>1</sup>. Представления о регионах страны наполнились новым содержанием; актуальной стала проблема различий между ними, их исторической и культурной специфики; всё это способствовало формированию региональной идентичности. На основе багажа историко-культурных знаний в сознании образованных людей того времени формировались образы разных провинций России, каждый из которых наполнялся своим неповторимым содержанием, обладал своим уникальным обликом. Одной из составных частей таких образов регионов являлась память о важнейших исторических событиях, известных легендах прошлого, исторических личностях, связанных с судьбой той или иной территории.

Всё это представляет собой очень интересное и обширное исследовательское поле для гуманитарных наук, прежде всего, исторической. Проблемы формирования исторической памяти общества были исследованы в работах П. Нора, П. Хаттона, А. Про, Л.П. Репиной, О.Б. Леонтьевой и других<sup>2</sup>.

В данной работе предметом исследования является прежде всего конкретный регион (Среднее Поволжье) и его образ, сложившийся в пореформенной российской культуре. Тема формирования образов региона была тщательно исследована в работах основоположника образной географии Д.Н. Замятина. Он отмечал, что образы «могут принимать различные формы, в зависимости от целей и задач, условий их создания», являясь в то же время «совокупностью устойчивых представлений и ключевых символов, которые аккумулируют наиболее интересные с образной точки зрения черты и характеристики исследуемых географических пространств»<sup>3</sup>.

На примере конкретных регионов географические образы исследовались в работах Э. Саида (образ Востока), Н.Н. Родигиной (образ Сибири), М.А. Оре-

---

<sup>1</sup> Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003. С. 282.

<sup>2</sup> Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999; Хаттон П. История как искусство памяти. СПб, 2003; Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004; Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011.

<sup>3</sup> Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.

шиной (образ Русского Севера)<sup>1</sup>. Образы Волги и Среднего Поволжья рассматривались в том же контексте в работах Е.Я. Бурлиной, Л.Г. Иливицкой, Ю.А. Кузовенковой<sup>2</sup>. Свой ракурс рассмотрения проблемы отыскала И.И. Руцинская: главным предметом её исследования стала проблема формирования образов Поволжья и поволжских городов на основе путеводителей и путевых заметок<sup>3</sup>.

Данная работа продолжает заложенную вышеперечисленными исследователями традицию изучения образа Среднего Поволжья в общественном сознании пореформенной эпохи. Наше исследование основывается на материалах популярных, массовых изданий просветительского характера. Внутри этого массива литературы есть свои жанровые различия: так, можно выделить группу путеводителей (представлявших собой краткие сборники полезных сведений для путешественников); путевых заметок (где, в отличие от путеводителей, ярче выражено личностное, эмоциональное начало); а также научно-популярных работ, ставивших своей целью «заочное» знакомство читателя с данным регионом. Популярность путеводителей и путевых заметок была связана с тем, что именно с середины XIX века в моду стали входить путешествия по России, ставшие частью общественной жизни образованного класса (и, заметим, достаточно дешёвые, что привлекало широкие круги туристов). Такие работы обычно выходили из-под пера историков-любителей, а не профессионалов. Далеко не всех их можно назвать краеведами, поскольку большинство их постоянно проживало за пределами Среднего Поволжья (зачастую в столицах). Под влиянием того, что видели и о чём писали авторы таких изданий, а также под влия-

---

<sup>1</sup> Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. СПб., 2006; Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006; Орешина М.А. Русский Север начала XX века как историко-культурное пространство: источниковедческие и методологические подходы к изучению проблем регионалистики. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2001. URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/russkij-sever-nachala-xx-veka-kak-istoriko-kulturnoe-prostranstvo.html>

<sup>2</sup> Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А. Волга и Самара: образы разного времени; Глазами других и своих: о Волге, Самаре и волжском характере // Город и время. Интернациональный научный альманах. Т. 1. Самара, 2012.

<sup>3</sup> Руцинская И.И. Образы поволжских городов в региональных путеводителях второй половины XIX – начала XX в.: особенности самопрезентации // Город и время. Интернациональный научный альманах. Т. 1. Самара, 2012.

нием устоявшихся в исторической памяти российского общества образов прошлого, рождались новые представления и образы каждого из регионов страны, в особенности наиболее крупных городов.

Целью нашего исследования является изучение не только содержания, но и способов подачи материала на страницах популярной регионоведческой литературы, тех субъективных оценок, которые высказывали авторы массовых изданий. Такие оценки часто не просто были отражением личных убеждений и пристрастий авторов, но и диктовались вкусами читателя, в частности – неизжитым влиянием романтизма в литературе и исторической науке. (Как известно, вкусы массового читателя «запаздывают» по сравнению с элитарной культурой, и смена «большого стиля» здесь может происходить на одно-два поколения позже).

Немалую роль в осмыслении места Средней Волги в российском историко-культурном пространстве сыграла и историческая наука, однако часто расстановка акцентов в работах историков зависела от того, какие исторические события лучше всего сохранились в народной памяти. Например, на основе публицистической литературы пореформенной эпохи можно проследить, какие были самые популярные темы в истории Среднего Поволжья: Казанское ханство и взятие Казани в 1552 году, восстание Степана Разина, Пугачёвский бунт – всё, что и без трудов профессиональных историков закрепилось в общественном сознании, найдя отголосок в памятниках, преданиях и легендах.

Значимая роль в популярной регионоведческой литературе была отведена и известным личностям, которые оставили след в народной памяти. Их образы в общественно-историческом сознании не отличались биографической достоверностью, много было преувеличений, идеализации и даже вымысла. Образам героев истории края придавался некий романтический аспект. Романтический герой – это герой, главная прелесть которого состоит в том, что он решается на самые отчаянные поступки, на которые, как правило, не способно большинство

людей; герой, у которого «много дикой силы воли, беззаветной дерзости, самоуверенности»<sup>1</sup>.

Таким образом, авторы популярных работ о Среднем Поволжье зачастую стремились создавать в своих трудах такой образ региона и такой очерк его истории, который отвечал бы ожиданиям и представлениям среднего читателя. Прослеживая логику построения и образный ряд таких работ, мы тем самым получаем представление о том, чем было Среднее Поволжье в сознании массовой аудитории того времени.

Какие ассоциации в обществе вызывало Среднее Поволжье? Прежде всего, это степь, не так давно по историческим меркам ставшая частью бескрайней России. Бывший край диких кочевников, с которыми московская власть вела долгую и тяжёлую борьбу за право обладать этой землёй.

В простонародных представлениях неотъемлемой, и даже ключевой составляющей представлений о Среднем Поволжье был образ реки Волги. Её значимость определялась не только романтическими легендами и образами, но и прежде всего чисто практическим смыслом. Волга – крупнейшая река, которая вместе с многочисленными притоками орошала обширные земли. Волга значила для народов Поволжья то же, что и Нил для египтян или Иордан для израильтян. Помимо этого, Волга – крупнейший источник пресной воды, место обитания различных видов рыб («на иных пристанях из одной только вяленой воблы сложены целые горы»<sup>2</sup>) и крупнейший торговый путь, по которому «многие тысячи барок и пароходов тащат всякие товары»<sup>3</sup>. Можно сказать, что прозвище «матушки-кормилицы» Волга получила вполне заслуженно.

Более всего поражали воображение путешественников и авторов популярных работ красоты волжских берегов. В романтическом мировосприятии именно природа Среднего Поволжья становилась главным объектом восхищения. Как отмечал автор одного из таких изданий, по своим громадным размерам Волга принадлежит к поражающим явлениям русской природы, «принимая в

---

<sup>1</sup> *Монастырский С.И.* Иллюстрированный спутник по Волге. Казань, 1884. С. 33.

<sup>2</sup> *Нечаев А.П.* Волга – великая река. М., 1911. С. 4-5.

<sup>3</sup> *Нечаев А.П.* Указ. соч. С. 5.

себя справа и слева бесчисленное множество других рек и речек, из которых можно насчитать до пятидесяти значительной длины»<sup>1</sup>.

Природная, естественная красота края более всего оказывала влияние на романтическое восприятие региона. Наибольшее впечатление, конечно, производили Жигулёвские горы, названные жемчужиной Волги. «Точно сказочное царство началось», – писал о них А.В. Трупчинский<sup>2</sup>. Другой публицист, В. Сидоров, высказался ещё красноречивее: «Сколько в этом слове “Жигули” Волги, а в самой Волге Жигулей. Как бесконечно эти горы и эта река дополняют друг друга! Жигули одно из интереснейших мест для туриста, одна из характернейших картин берегов русской царственной красавицы»<sup>3</sup>.

Путешественники и публицисты, побывавшие в Среднем Поволжье, не скупались на слова, чтобы описать красоту Жигулей и ощущения, которые они испытывали при виде этих красот. «Жигули это край зелёных поэтичных холмов, грозность их в многочисленности, мягкость в их зелени, красота в их дикости»<sup>4</sup>. «Недаром их считают главной достопримечательностью Волги; особенную красоту придаёт им то, что вся эта непрерывная цепь холмов кажется покрытой одним богатейшим ковром вековых лесов, сочных трав и густых кустарников»<sup>5</sup>.

Почти с каждым холмом связывалась какая-нибудь легенда. Например, В. Сидоров в своих путевых заметках упоминал предание, связанное с Девичьим курганом. Он «принадлежал двенадцати девам, немилосердно бивших всех проезжих. Много витязей и богатырей пыталось победить их, но все пали в битве с сёстрами, пока один калика переходящий не только победил их, но и превратил их всех в одну ночь из девок-богатырш в бессильных баб...»<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> *Благовидов Н.* Волга-матушка. СПб., 1901. С.361.

<sup>2</sup> *Трупчинский А.В.* Среднее Поволжье. М., 1908. С.13.

<sup>3</sup> *Сидоров В.* По России: путевые заметки и впечатления. От Валдая до Каспия. Книга 1. «Волга». СПб., 1894. С.242.

<sup>4</sup> *Сидоров В.* Указ. соч. С 243.

<sup>5</sup> *Лендер Н.* Волга. СПб., 1889. С.127.

<sup>6</sup> *Сидоров В.* Указ. соч. С. 241.

Овеянные легендами не менее интересными и завораживающими, чем предания старейших из поволжских городов, более всего Жигули прославились сказаниями об «удалых волжских разбойниках, которые как богатыри около Владимира Красного Солнышка, или как рыцари круглого стола около своего короля Артура, вращаются в этих преданиях около Степана Разина. Глядя на эти угрюмые даже в ясный солнечный день высоты, так и кажется, что из чащи лесной на тебя смотрит подстерегающий глаз удалого добра-молодца, не вытерпевшего тесных границ обрядового, законного быта... Эта дикая природа как нельзя более гармонирует с представлением о проявлениях первобытной дикой энергии людей, ищущих приключений, добычи, развесёлого житья»<sup>1</sup>. Многочисленные «разбойничьи» предания, которые с явным удовольствием пересказывали авторы популярных изданий, могли быть не связаны с каким-либо конкретным хронологическим отрезком и носили «вневременной» характер.

Славу прибежища разбойников, царства «молодецкой удали» Жигули получили с незапамятных времён. Естественные особенности местности прекрасно гармонировали со славой дикого края. «Здесь между непроходимыми лесами, тёмными оврагами, грозными скалами, бесконечным небом и безбрежной водой сама природа свила страшное неприступное хищническое гнездо... Караваны судов с трепетом пробирались этими местами по широкой водной дороге... Много смертных стонов слышали эти берега, много трупов поглотила здесь Волга, много мрачных трагедий разыгрались здесь...»<sup>2</sup>.

Отдав дань легендам и преданиям, авторы путеводителей и путевых заметок переходили к изложению тех событий прошлого, которые оставили наиболее значительный след в общественной памяти. Это могли быть события, которые решили судьбу региона или же оказались настолько трагичными и колоритными, что их невозможно было забыть.

---

<sup>1</sup> *Скворцов И.П.* По пути. Очерки Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1885. С.6.

<sup>2</sup> *Сидоров В.* Указ. соч. С.242.

В научных и публицистических трудах чаще всего точкой отсчета при изложении истории Среднего Поволжья становились XV – XVI вв. – время особенно активной борьбы русских государей за Волжский регион. В обозначенный период этот край имел репутацию чужеродного и дикого. Мало кто из публицистов и краеведов-любителей обременял себя освещением более далёкого прошлого региона. Подобный подход можно объяснить словами главы города Самары П.В. Алабина, который в своих трудах замечал, что эта территория (он имел в виду Самарскую губернию) «не могла иметь своей истории по разноплеменности временных обитателей, часто сменявших друг друга»<sup>1</sup>.

И всё-таки некоторые авторы (В.Н. Майнов, П. Засодимский, П.В. Знаменский, В.И. Рагозин, А.В. Трупчинский) смотрели на проблему несколько иначе, обращали внимание на ранние периоды истории Среднего Поволжья. Как правило, история этого края рассматривалась с определённого ракурса. Изучалась и описывалась история государств, которые образовывались в Среднем Поволжье, причём все эти государственные образования, будь то Волжская Булгария, провинции Золотой Орды или Казанское ханство, – расценивались не иначе как соперники русских правителей, которые без конца вели с ними борьбу (так у В.И. Рагозина и С.И. Монастырского). Далёко не всегда их суждения отличались предвзятостью по отношению к враждебным Руси царствам. Порою в публицистических статьях можно встретить даже сочувственное отношение к коренным народам волжских государств и их правителям (например, у П. Знаменского, Г. Москвича).

Некий интерес вызывало Булгарское царство на Волге, которое на рубеже I-II тысячелетий н.э. переживало расцвет. Подробно изучили историю Волжской Булгарии и много написали о ней В.Н. Майнов, В.И. Рагозин и другие<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> *Алабин П.В.* Двадцатипятилетие Самары как губернского города: Историко-статистический очерк. Самара, 1877. С.1.

<sup>2</sup> *Майнов В.Н.* Очерк III. Иногородцы Среднего Поволжья // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 1. Среднее Поволжье. СПб., М., 1901; *Рагозин В.И.* Волга. Т. 3. От Оки до Камы. О народах на средней Волге. Исторический очерк. СПб., 1881.

Немного внимания Бургарии уделяли также авторы путеводителей по Волге и авторы познавательных очерков о Среднем Поволжье, которые описывали развалины древнейших болгарских городов – «остатки сказочной старины..., льющие свет из тёмного мрака прошедших времён»<sup>1</sup>. В частности, А.В. Трупчинский описал «величественные развалины» минаретов и других зданий (большая потемневшая «Судная (Чёрная) палата», «Белая палата» с подземными ходами), которые, по словам автора, стали «могилой древней Бургарии, её славного великого града Булгара»<sup>2</sup>.

Про Волжскую Бургарию знали очень мало, за исключением тех, кто специально и подробно изучал её историю. Всё, что сохранилось в общественной памяти от древнего царства, – это символическое значение былого величия и процветания этой стороны. Бургария в общественном представлении была державой, «блиставшая богатством и торговлей, арабскими зданиями Багдада и Дамаска и громадным оживлением»<sup>3</sup>, древнейшим государством в Среднем Поволжье. Древнейшим государством по той причине, что дальше вглубь веков заглядывали только антропологи и геологи.

Представители интеллигенции, хорошо знавшие историю или увлекавшиеся ею, упоминали в своих трудах легенды о Волжской Бургарии. Представляли интерес такие спорные вопросы, которые должны были бы стать скорее предметом изучения профессиональных историков, что, впрочем, не мешало им оказаться «тайной, покрытой мраком» и для исследователей-любителей. Такой проблемой, например, оказалось происхождение болгар. Особенно много об этом писал историк-любитель В.И. Рагозин.

Булгары в общественно-историческом сознании имели статус первого народа на Средней Волге, который достиг значительной степени развития, богатства и политического могущества<sup>4</sup>. «По всем вероятиям, царь болгарский уже в начале X века был настолько силён, что успел завоевать несколько сла-

---

<sup>1</sup> Сидоров В. Указ. соч. С.220-228.

<sup>2</sup> Трупчинский А.В. Указ. соч. С. 141-142.

<sup>3</sup> Сидоров В. Указ. соч. С. 223-226.

<sup>4</sup> Рагозин В.И. Указ. соч. С. 93.

вянских народцев и принял титул повелителя славян»<sup>1</sup>. Более того, постепенно Волжская Булгария стала соперником Руси за влияние на Волге, причём соперником первым. Упоминавшийся выше Рагозин даже полагал, что Булгарское царство можно было считать предтечей Казанского ханства, а Казань – это своего рода новая Булгария.

Из легенд о Волжской Булгарии, которые приводили историки-любители, самая трагическая связана с Тамерланом, который, овладев Булгарами, осадил Чёрную башню, где скрывался болгарский царь с семьёй. Башню завалили брёвнами и соломой, облили горючими веществами и подожгли. «Страшное пламя поднялось над Судной Палатой и сожгло всех несчастных, задушило их жарой и дымом и покрыло чёрной копотью все камни. Только одна дочь болгарского владыки осталась в живых среди этого ада... Тамерлан увёз её с собой как лучший трофей Булгарского царства»<sup>2</sup>.

Романтический образ древнего средне-волжского государства Булгарии значительно уступал по своей значимости в исторической науке и исторической памяти образу Казанского ханства, овеянного множеством легенд. Самые знаменитые из этих легенд повествуют о покорении гордой Казани царём Иваном IV. Возможно, большая популярность Казани в общественной памяти, в отличие от Булгарии, объясняется, во-первых, её относительной хронологической близостью к современности, во-вторых, тем, что именно с ней была связана самая ожесточённая борьба за обладание Средней Волгой, в конечном итоге увенчавшаяся успехом для Московского государства.

К сожалению, к истории Казанского ханства у большинства российских историков-любителей и представителей общественной мысли было несправедливое и предвзятое отношение. О нём говорили не иначе как о «страшном месте – гнезде змеевом, откуда вылетали дикие полчища, обагрившие кровью русскую землю...»<sup>3</sup>. Однако, среди публицистов, которые посвящали свои статьи истории Казани встречались и противоположные суждения: «вокруг изгнанного

---

<sup>1</sup> Майнов В.Н. Указ. соч. С. 60.

<sup>2</sup> Сидоров В. Указ. соч. С. 227.

<sup>3</sup> Монастырский С.И. Указ. соч. С. 48.

из Золотой Орды хана Улу-Махмеда объединились татары и болгары, постоянно тревожимые нашествиями русских ратей. Возникла татаро-булгарская орда или Казанское царство»<sup>1</sup>. Вне зависимости от оценки событий в пореформенных публицистических (и строго исторических тоже) произведениях история Казанского ханства вписывалась в контекст истории внешней политики Московского царства и его продвижения на восток.

Всё же находились исследователи, которые уделяли Казани должное внимание как самостоятельному царству со своей историей. В прошлом этого некогда великого ханства довольно сложно разобраться, так как, по замечанию Г. Москвича, «достоверные факты перемешиваются с многочисленными легендами и сказаниями, которыми так богата восточная фантазия»<sup>2</sup>.

Сразу несколько преданий было связано с возникновением Казани. Некоторые из публицистов, как, например, П. Знаменский, рассказывал легенду, что город был выстроен двумя болгарскими царевичами на земле Булгарского царства после завоевания её татарами<sup>3</sup>, а название произошло от слова «котёл» (по-татарски – казан). Другие приводили более подробные версии<sup>4</sup>; например, будто сын погибшего болгарского хана, о котором упоминалось выше, бежал из столицы и основал новый город. По этой же легенде, один из слуг царевича уронил в речку котёл, что и дало название реке и городу. Однако, и историки, и увлекающиеся легендами путешественники писали, что, возможно, город был основан Казан-Султаном, в честь которого и назван. Стоит отметить, что даже профессиональные историки второй половины XIX – начала XX вв. не пришли к единому мнению о том, кем была основана Казань. Кроме того, в пореформенный период среди публицистов бытовало единогласное мнение, будто она

---

<sup>1</sup> *Знаменский П.В.* Очерк V. Нынешняя Казань // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 1. Среднее Поволжье. СПб., М., 1901. С.148.

<sup>2</sup> *Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. СПб., 1913. С.159.

<sup>3</sup> *Знаменский П.В.* Указ. соч. С.148.

<sup>4</sup> *Таратыгин Ф.А.* Волга-матушка. Пг., 1914.

ведёт свою историю лишь с середины XIII века. В одном из путеводителей даже приводится дата – 1288 год<sup>1</sup>.

Существовали также легенды о перенесении города на другое место и основании новой Казани, что связывают с именем изгнанного из Золотой Орды и воцарившегося в Казани хана Улу-Махмета. Старая Казань, утратившая своё богатство и славу после разорения русскими, находилась выше по течению реки Казанки. Позже новый город был заложен ближе к берегам Волги. Согласно одной из легенд, причиной перенесения города якобы стали жалобы женщин, что им тяжело носить воду из реки на крутую гору. Хан долго не соглашался, потому что там было много змей, но их, как повествуется в преданиях, собрали колдуны и сожгли<sup>2</sup>.

В работах П.В. Знаменского, С.И. Монастырского и других авторов встречается упоминание ещё одного предания, связанного с основанием новой Казани. По обычаю, при заложении стен следовало зарыть живого человека, и жребий пал на царского сына. Однако вельможи хана пожалели молодого царевича и вместо него закопали живую собаку. Когда хан узнал об этом, он предсказал, что городом завладеют собаки, под которыми он понимал врагов своей веры, вероятнее всего, христиан.

Казань действительно скоро была покорена московским государем Иваном IV. Это событие 1552 года нашло отклик и в легендах, и исторических трудах как эпохальное по своему характеру. Взятие Казани описывалось в этих работах как величайшая трагедия для её жителей. «Казань рыдала, Казань стонала, Казань истекала кровью, умирая, и в этот последний миг смерти и падения она была героиней, львицей, боровшейся изо всех сил. Все мечети превратились в кровавые бойни, а когда русские ворвались в ханский дворец, они встретили там царя Едигера, окружёнными знатными татарами и тысячами прелестных и нарядных женщин. Но и этот блеск, и эта парча и красота не остановили нападавших. Тогда татары в отчаянии взвели Едигера на башню. “Слушайте, –

---

<sup>1</sup> Спутник по реке Волге и ее притокам Каме и Оке. Саратов, 1905. С.34.

<sup>2</sup> Знаменский П.В. Указ. соч. С.148.

крикнули они, – было у нас царство, и мы умирали за него, мы защищали его. Теперь Казань ваша, берите и царя живого, неуязвленного. Ведите его к Иоанну, а мы идём в поле испить последнюю чашу”. И последние 6000 храбрецов бросились с крепостной стены, перешли Казанку и там все до единого сложили свои буйные головы, не попросив себе пощады. Это было, впрочем, напрасно, так как Иоанн велел не щадить никого из вооружённых и брать в плен только женщин и детей»<sup>1</sup>.

Самая известная легенда, которая связана с историей завоевания Казани – это пропитанная трагическим романтизмом история царицы Сююмбике (или Сумбике). Во второй половине XIX – начале XX вв. о ней писать любили не столько историки, сколько публицисты. Описывая город и останавливая своё внимание на знаменитой Башне Сююмбике, являющейся единственным памятником старой татарской Казани, авторы путеводителей считали своим долгом рассказать историю последней казанской царицы, в честь которой и названа башня. «Поэтический образ этой царицы представляется народной молвой в виде женщины, которая, при всей своей очаровательной наружности и блестящей царской обстановке, испытала в своей жизни много горя и страданий»<sup>2</sup>. Самая известная легенда – будто бы царица Сююмбике, дабы не быть покорённой, «вбежала по внутренней лестнице на вершину башни и бросилась вниз, разбившись при этом на смерть»<sup>3</sup>. Впрочем, реальным историческим событиям это сказание не соответствует, что и подчёркивалось во всех публицистических трудах. На самом же деле Сююмбике после сдачи города сложила корону и была отправлена в монастырь, «в московскую неволю»<sup>4</sup>. Однако трагическая легенда продолжала жить, став неотъемлемой нематериальной частью вполне материального объекта.

Предания о Волжской Булгарии и Казани создавали особый ореол величия вокруг этих древних царств Среднего Поволжья, вызывая интерес со стороны

---

<sup>1</sup> Москвич Г. Указ. соч. С. 165.

<sup>2</sup> Монастырский С.И. Указ. соч. С. 125.

<sup>3</sup> Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. М., 1915. С.69.

<sup>4</sup> Таратыгин Ф.А. Указ. соч. С.123.

как профессиональных историков, так и любителей. Волга приобретала своеобразный романтический образ хранительницы памяти об этих могущественных государствах далёкого и не очень далекого прошлого.

После присоединения к Московскому государству, в Средне-волжском регионе возникли уже внутривосточные проблемы. Началось активное освоение и заселение края; и эти процессы также нашли отражение на страницах путеводителей и другой популярной литературы.

В освещении этого периода внимание историков-популяризаторов фокусировалось на наиболее бурных страницах истории края. На Среднюю Волгу, получившую тогда статус окраины царства, бежали от крепостного гнёта крестьяне, образуя казачество. Здесь же сформировалось большое количество разбойничьих шаек, которые грабили торговые корабли. Кроме того, не стоит забывать, что некоторые народы, которые населяли Средне-волжский регион, были кочевыми. Кочевнический образ жизни с завоеванием Казани они прекратили не сразу. Скопление всех этих людей на одной территории привело к формированию своеобразного вольнолюбивого характера волжан, и соответственно – к появлению со временем в сознании россиян образа так называемой волжской вольницы. Несмотря на все действия правительства (строительство оборонительных крепостей-городов, Закамской линии, суровые меры в борьбе с разбойниками и беглыми) наиболее ярко волжская казацкая воля проявила себя в XVII – XVIII вв. Главные персонажи в истории уже русского Среднего Поволжья – это, несомненно, Степан Разин и Емельян Пугачёв.

Образы бунтовщиков на страницах популярной литературы очень противоречивы. Они герои и злодеи одновременно, они благородны в своих вольнолюбивых стремлениях, но в то же время жестоки в своих действиях.

В пореформенный период, если дело не касалось профессиональных историков или любителей в этой сфере науки, о казацких атаманах, как и о царице Сююмбике, знали не столько факты, сколько мифы или наиболее известные их деяния, в значительной мере приукрашенные различными домыслами. Заметим, что отличительной особенностью многих публицистических произведений, в

том числе путевых заметок (у Н. Лендера, В. Сидорова, В. Немировича-Данченко и др.), являлось отсутствие какой-либо точной информации о движении Разина по Волге. По негласным требованиям специализированных изданий, в путеводители (Н. Боголюбова, Н. Демьянова, С. Монастырского), представлявшие собой своеобразные энциклопедии, включались исторические очерки со строго фактическим содержанием. Однако авторы путеводителей не чуждались некоторого эмоционального оценивания тех личностей, о которых повествовали. Тут можно отметить любопытную двойственность восприятия: негативные оценки таких явлений, как бунты и разбой, сочетались с невольным восхищением и даже уважением по отношению к сильным, незаурядным личностям предводителей казачьих отрядов.

Самый яркий персонаж истории Среднего Поволжья, безусловно, казак Стенька Разин. В публицистической литературе рубежа XIX – XX вв. его характеризовали как человека «сурового, неустрашимого, энергичного, с железной силой воли», за короткое время сумевшего привлечь к себе «поволжскую голытьбу и всех недовольных существующим порядком»<sup>1</sup>. Разин «щедро одарял бедных и голодных, делил добычу»<sup>2</sup> с перешедшими к нему. Образ бравого атамана в исторической памяти российского общества не ограничивался лишь идеализацией его личных качеств. Не обошлось и без свойственного романтическому мировосприятию мистицизма: ещё современники Разина думали, что он «ведун, умеющий заговаривать оружие и потому непобедимый»<sup>3</sup>, легенда о сверхъестественных способностях атамана сохранилась и во второй половине XIX века.

Фигура Степана Разина идеально подходила под образ романтического героя. Это был человек, за которым пошли люди, по-волжски вольнолюбивый, с неоднозначным характером и героической судьбой. Конечно, он был не един-

---

<sup>1</sup> Засодимский П. Очерк VI. Поволжье от Симбирска до Царицына // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т.8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч.1. Среднее Поволжье. СПб., М., 1901. С.178.

<sup>2</sup> Монастырский С.И. Указ. соч. С.31.

<sup>3</sup> Монастырский С.И. Указ. соч. С.33.

ственным грозным атаманом на Волге, но размах его грабежей впечатлял. Он был не из числа мелких разбойников, коими в течение нескольких веков кишели берега Волги. Степан Разин «завоёвывал города, наводил страх на Персию как какой-нибудь норвежский конунг»<sup>1</sup>. Кроме того, вплетение в его биографию мистического момента и романтической истории с трагическим концом (легенда об утопленной им персидской княжне) придали образу атамана дополнительный драматизм, столь любимый обществом в преданиях старины.

Память о Разине носила не только обще-биографический, но и локальный характер. Города, захваченные им, или те, под стенами которых он вёл битвы, сохранили больше воспоминаний о его похождениях. Как раз благодаря преданиям этих городов (Царицын, Симбирск, Самара), в общественной памяти бытовала более подробная фактическая информация об атамане Разине. Более всего в борьбе со Стенькой Разиным прославился так и не сдавшийся грозному атаману город Симбирск (в отличие от верной Разину Самары), под стенами которого и были разбиты восставшие разбойники.

В пореформенный период ещё хорошо знали об одном из сотоварищей Разина Федьке Шелудяке, который после подавления восстания разбойничал вместе со своими шайками в Среднем Поволжье. Его часто упоминали в своих трудах историки, но не придавали ему особого значения в событиях XVII века. Сравнительно быстро потерпев неудачу, Шелудяк остался в исторической памяти лишь как соратник Стеньки Разина, пытавшийся продолжить его дело. Любопытно отметить, что, судя по частоте таких упоминаний, в пореформенный период Шелудяк был значительно более известен, чем в наши дни.

Другой известный персонаж, прославивший волжскую вольницу, – Емельян Пугачёв. Его образ немного меркнет по сравнению с Разиным, однако и он также навсегда сохранился в исторической памяти российского общества как вольнолюбивый бунтовщик, «защитник угнетённых», а также самозванец.

На восприятие образа Пугачёва в общественно-историческом сознании XIX века как никто другой оказал воздействие А.С. Пушкин. Если не брать в

---

<sup>1</sup> Сковрцов И.П. Указ. соч. С.6.

счёт тех историков и публицистов, которые подробно изучали восстание, для основной массы населения произведения Пушкина стали чуть ли не единственным источником информации о Пугачёве и базой для формирования его образа в исторической памяти.

От Пугачёва из средне-волжских городов более всего пострадала Казань. «Она пережила бунт Пугачёва, видела храбрый отряд гимназистов и учителей, оборонявших свой город, она выдержала ужасное расстреливание сильной батареей Пугачёва, поставленной у гостиного двора и видела, как защитники кремля уже готовились к смерти, она пережила страшный пожар и погром этого времени, когда рухнули двадцать пять церквей и три монастыря, разграбленные и сожжённые Пугачёвым»<sup>1</sup>.

Объединяло всех этих личностей одно – они предстали в российской исторической памяти как борцы против существовавших неугодных простому люду порядков, народные герои, «как истинные сыны своего вольнолюбивого народа, персонификация народной души»<sup>2</sup>. Образы и Разина, и Пугачёва, и других людей, поднимавших бунты в Поволжье, выступали как главный аспект в процессе формирования романтического образа края. Вечная борьба, стремление к воле характеризовали эти образы и создавали романтический ореол вокруг волжской вольницы.

В XIX веке Среднее Поволжье давно уже не воспринималось как вражеские степи или дикая окраина, где не смолкают бунты. Это был провинциальный регион, утихомиранный, заселённый русскими и другими некоренными народами, достаточно хорошо освоенный в хозяйственном плане, постепенно развивающийся.

Среднее Поволжье свою особую роль в представлениях российского общества получило благодаря принадлежности к главной артерии европейской части России – Волге. О её значении для этого края говорилось выше. Помимо великой русской реки, Среднее Поволжье обладало ещё рядом факторов, сделавших

---

<sup>1</sup> Сидоров В. Указ. соч. С.200-206.

<sup>2</sup> Леонтьева О.Б. Указ. соч. С.329.

его значимых в хозяйственном отношении регионом – лесостепь, плодородные почвы, точки пересечения железнодорожных путей, соединяющих европейскую часть страны с Сибирью.

Кроме экономических преимуществ, Волга в сознании общества имела и некий символический смысл. Кем бы ни были жители Поволжья по своему национальному происхождению, сословному или имущественному положению, они осознавали себя прежде всего как волжан, вольнолюбивых и темпераментных. Данному региону была свойственна национальная и религиозная терпимость, сложившаяся в результате длительного проживания бок о бок нескольких народов с разными культурами и верованиями. Это добавляло особый колорит образу Среднего Поволжья.

Для авторов популярной литературы был интересен образ каждого отдельного средне-волжского города. Каждый из них представлял как отдельный своеобразный мир, занимающий своё непохожее место в общественном сознании россиян.

Так, Казань в представлении авторов популярных работ – это интеллектуальная, умственная столица Поволжья, которая собрала весь цвет региональной интеллигенции вокруг своего университета. «Теперь лучшие люди казанские не гарцуют на красивых конях, а пишут»<sup>1</sup>.

Симбирск воспринимался как «дворянское гнездо», где скопились памятники уходящей дворянской России. В этом городе, где царил дух старой аристократии, «общественная и духовная жизнь как бы замерла, застыла, остановилась на точке замерзания»<sup>2</sup>. Беднеющий город, он не терял своего аристократического обаяния, благородного обустройства, о котором в других поволжских городах и мечтать не приходилось.

Самара на страницах путеводителей и других популярных изданий – это прежде всего обильные урожаи, успешная торговля и небывалый рост экономики, благодаря чему город заслужил прозвание «русского Чикаго». «Купчиха

---

<sup>1</sup> *Монастырский С.И.* Указ. соч. С.94.

<sup>2</sup> *Москвич Г.* Указ. соч. С.182.

Самара не красна углами, а красна пирогами» – писал путешественник по Волге А. Батуев<sup>1</sup>. Этот город удивлял своим стремительным развитием, и многие интеллектуалы делали оптимистические прогнозы, что «недалеко то время, когда Самара окончательно вступит в число европейских городов и её благоустройство будет на той высоте, которая должна соответствовать богатству, размерам и значению города как житницы и столицы Поволжья»<sup>2</sup>.

Как можно заключить, Среднее Поволжье в представлениях общества пореформенного периода прошло классический путь развития: легендарная эпоха (Волжская Булгария, Казанское ханство), о которой знали больше мифов, чем достоверных фактов; ожесточённая борьба за покорение края; его дальнейшее освоение; свои народные романтические герои (Степан Разин и Емельян Пугачёв); и, наконец, определение места и роли региона в новых исторических условиях пореформенной России. При этом образ региона был наделён своеобразным романтическим ореолом. Романтические элементы прослеживались и в восприятии природы края, и во внимании авторов ко всевозможным народным преданиям и легендам, и, наконец, в трактовке образов исторических персонажей, связанных с судьбой региона. На наш взгляд, на освещение и подачу материала в популярных изданиях наложили свой отпечаток пристрастия читательской аудитории, а её ожидания и потребности, в свою очередь, зависели от состояния исторической памяти общества.

---

<sup>1</sup> Батуев А. Указ. соч. С. 92.

<sup>2</sup> Москвич Г. Указ. соч. С. 203-204.

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ И  
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ  
В ОЦЕНКАХ ИСТОРИКОВ ПРАВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

В XIX в. классические идеи естественного права и правового государства подвергались ревизии и трансформации. С одной стороны, начинается поиск наиболее эффективных способов функционирования, взаимодействия и интеграции различных ветвей власти на основе механизмов ограничений и противовесов. С другой – формируются новые подходы к изучению правовых систем, источников права, его роли в жизни общества.

На территории Российской империи либеральные концепции и идеи стали активно распространяться «в период, когда авторитарный режим еще не утратил способности к историческому творчеству, был в состоянии отвечать на вызовы времени, проводить “сверху” разноуровневые реформы»<sup>1</sup>. В связи с этим, задача правоведов и общественных деятелей сводилась, в основном, к анализу социальных изменений и попыткам оказать влияние на политическую власть, используя ее потенциал. Обсуждение и реализация либеральных реформ второй половины XIX в. выявили основные теоретические взгляды и подходы к вопросу политико-правовых преобразований. Безусловно, внутренним системообразующим фактором реформ и, соответственно, фокусом идейных столкновений стала концепция разделения властей и, в первую очередь, независимости судебной системы, так как суд («магистратура»), по словам Б.Н. Чичерина, «служит самым надежным обеспечением против бюрократического произвола»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 31.

<sup>2</sup> Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала? // Несколько современных вопросов. М.: Типография К. Солдатенкова, 1862. С. 171.

Не случайно, обсуждение проблем формирования законности, взаимодействия судебных и административных институтов занимает важные позиции в историко-правовых исследованиях, посвященных либеральным реформам. Особый интерес, на наш взгляд, представляют работы обобщающего характера, появившиеся уже в 70-90-е гг. XIX в. Во-первых – это были первые попытки рефлексии, анализа достижений и просчетов пореформенной правовой системы. Во-вторых, в этот период судебные институты подвергались новым трансформациям, часть из которых была направлена на усиление влияния административной власти. В этих условиях, авторы историко-правовых исследований неизбежно становились активными участниками полемики, отстаивая те или иные концепции и идеи. В-третьих, изучаемый нами период являлся временем поиска новых научно-правовых парадигм. Потребность в формировании «цельной и последовательной теории образования права» как никогда остро ощущалась в юридической интеллектуальной среде<sup>1</sup>.

Российская наука XIX в. находилась под влиянием западных, в первую очередь немецких, правовых теорий. Особый интерес, с позиций нашего исследования, представляет эволюция идей, связанных с проблемами происхождения, развития и рецепции права. Именно решение вопроса о возможности заимствования и успешной интеграции западных правовых институтов в рамках национальной государственно-правовой системы определяло авторскую позицию первых историков судебной реформы. Анализ работ показывает, что, не являясь теоретиками права, они, тем не менее, активно использовали и транслировали научные идеи, получившие широкое распространение в интеллектуальном сообществе.

Н. Кареев, ссылаясь на профессора Н.М. Коркунова отмечает две позиции по вопросу развития права, сохраняющие свое значение до конца XIX в.: воззрения исторической школы и идеи Рудольфа фон Иеринга, «видящего в разви-

---

<sup>1</sup> *Новгородцев П.* Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба (1896) // *Немецкая историческая школа права.* Челябинск: Социум, 2010. С. 180.

тии права плод борьбы разнообразных общественных интересов»<sup>1</sup>. Однако, не стоит забывать, что к тому времени в России уже начинает складываться концепция «возрожденного» естественного права (П.И. Новгородцев), этатистский (Г.Ф. Шершеневич) и социологический позитивизм (Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев) и другие теоретические подходы. Авторы историко-правовых работ также используют идеи основателя утилитаризма И. Бентама, а М.А. Филиппов даже отводит полемике с английским правоведом несколько страниц своего труда.

Исследование М.А. Филиппова «Судебная реформа в России» стало первым в ряду обобщающих работ по теме правовых преобразований второй половины XIX в. Автор, выступая с либеральных позиций, делает акцент на преимуществах нового суда перед дореформенными судебными порядками. Настаивая на необходимости соблюдения принципа разделения властей, он отмечает, что эта идея возникла на исторической почве и заключается в том, «что смешение этих властей везде, во все века, порождало самый ужасный деспотизм, унижало достоинство человека, делало все стороны прав человека шаткими и произвольными»<sup>2</sup>. Только отделение судебной власти от законодательной и исполнительной, по мнению М.А. Филиппова, полностью гарантирует социальное спокойствие и делает закон не «мертвой буквой, а живым словом, внутренней и внешней жизнью общества»<sup>3</sup>.

Автор напоминает, что в замечаниях юристов по тексту Судебных уставов были предложения, в большей степени гарантирующие независимость правовой системы и обеспечение ее автономии по отношению к сопредельным административным институтам. К таким предложениям он относит: устранение всякого влияния губернаторов на формирование списков лиц, имеющих право быть мировыми судьями и присяжными заседателями; выборность всех судебных инстанций, а не только мирового суда; передачу ревизий, награждений и

---

<sup>1</sup> Кареев Н. Два взгляда на процесс правообразования (1889) // Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. С. 318.

<sup>2</sup> Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Т.1. Ч.1. СПб: Типогр. А. Моригаровского, 1871. С. 49.

<sup>3</sup> Там же. С. 52.

повышений по должности судебных чиновников исключительно в ведение судебного руководства и т.п.

Принимая все перечисленные выше принципы, М.А. Филиппов, тем не менее, дает некоторое разъяснение по вопросу выборности судей. Он отмечает, что «общество – лучший блюститель собственных своих интересов», именно этот факт и является обоснованием «выборного начала». Также «выборное начало есть, по мнению многих, необходимое условие самостоятельности суда... Соглашаясь вполне с последним при развитости общества, мы, однако ж, не можем не сказать, что эти начала не могут быть приняты *безусловно*»<sup>1</sup>. Автор обращает внимание на то, что правовая система должна быть независима не только от административной власти, но и от «влияний политических и гражданских партий». Следовательно, необходимо обеспечение всех условий для беспристрастных выборов, а это в полной мере осуществимо только «при равноправности граждан и исчезновении сословности»<sup>2</sup>. Тем не менее, указывая на ограничения, существующие в российском обществе, М.А. Филиппов, склоняется к сохранению и расширению выборности судей, отмечая, что общие судебные учреждения выбирать даже безопаснее, в связи с тем, что, в отличие от мирового суда, они действуют на основе коллегиального начала.

Полемизируя с И. Бентамом, М.А. Филиппов также указывает на тесную взаимосвязь принципов независимости и несменяемости судей. Гарантией от судебных злоупотреблений в данном случае является гласность судопроизводства и ответственность за должностные преступления перед судебным сообществом. Интересна, на наш взгляд, и высказанная автором мысль об ответственности общественных институтов за осуществляемый ими выбор.

Учитывая, что в большинстве регионов новые судебные учреждения вводились с 1869 – 1870 гг., М.А. Филиппов не имел возможности воспользоваться обширными данными по реализации реформы. Его работа базируется, в основном, на теоретических выкладках, дореформенных материалах и нормативных

---

<sup>1</sup> Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Т.1. Ч.1. С. 92.

<sup>2</sup> Там же. С. 93.

актах. Опираясь на классические либеральные идеи разделения властей, взаимной ответственности общества и власти и т.п., М.А. Филиппов выступает за усиление выборного начала при формировании суда и последовательное превращение в жизнь концепции невмешательства административных институтов в функционирование правовой системы.

Особого внимания заслуживает исследование еще одного либерального историка и правоведа более молодого поколения – Г.А. Джаншиева. Свой труд, «Основы судебной реформы», автор определил как «историко-юридические этюды». В исследовании, наряду с нормативными актами, Г.А. Джаншиев использует широкий круг публицистических источников, отражающих общественную реакцию на процесс становления и развития правовых институтов, а также анализирует «новеллы», изменяющие некоторые положения Судебных уставов. Автор открыто полемизирует с критиками либеральной системы, отмечая, что основы судебной реформы до сих пор «нуждаются в защите»<sup>1</sup>.

Наиболее жестко и эмоционально Г.А. Джаншиев критикует дореформенный период, когда зависимость суда от администрации логически и исторически обосновывалась российской самобытностью. Безусловно, негативные оценки не ограничиваются временем царствования Николая I, в основном, столь острая реакция автора вызвана позицией оппонентов, использующих идеи исторической школы права против либерального суда. Прибегая к таким характеристикам, как «мнимая самобытность», «самобытный анахронизм», «“пустая” претензия, к которой, по замечанию В.С. Соловьева, сводится наша *вне-европейская и против-европейская самобытность*»<sup>2</sup>, автор последовательно отстаивает необходимость обращения «к “гнилому Западу”, к его многовековому опыту и науке»<sup>3</sup>.

Значительное внимание Г. А. Джаншиев уделяет подготовке Судебных уставов, указывая на то, что их авторы активно изучали и творчески применяли

---

<sup>1</sup> Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды. М.: Типогр. М.П. Щепкина, 1891. С. XI.

<sup>2</sup> Там же. С. 5, 7, 49.

<sup>3</sup> Там же. С. 7.

европейские традиции. Он особо отмечает, что «начала европейского публичного права и науки, проникавшие к нам дотоле контрабандным путем или в виде замаскированных анонимов... получили, наконец, открытый доступ к нашему законодательному обиходу»<sup>1</sup>.

Интересна, на наш взгляд, авторская идея о подходе отцов-основателей судебной реформы к формированию механизмов ограничений и противовесов в новой правовой системе. Г.А. Джаншиев, безусловно, признает, что им приходилось учитывать особенности социального развития и, соответственно, «смягчать» или «усиливать оттенки заимствуемых институтов». Но это не значило, по мнению автора, что они вынужденно отказывались от ключевых положений европейской системы права. Напротив, составители Судебных уставов последовательно отстаивали либеральные принципы судостроительства и судопроизводства, учитывая два важных фактора. Во-первых, способность институциональной системы («хороших учреждений») оказывать позитивное влияние на развитие общества; во-вторых, искажающее воздействие среды в процессе реализации реформ. Г.А. Джаншиев отмечает, что авторы Судебных уставов «очень хорошо знали и никогда не забывали, что теоретические постановления... неизбежно претерпевают *преломления* в ту или другую сторону, смотря по составу среды. Вот почему они... не довольствовались переводом соответственных постановлений европейских кодексов, а придумывали комбинации, которые могли бы обеспечить непреложное и неискаженное исполнение»<sup>2</sup>.

Основополагающим принципом, обеспечивающим законность и, соответственно, «основным смыслом» судебной реформы, по мнению Г.А. Джаншиева, являлось отделение судебной власти от административной. С точки зрения автора, это не только ключевая теоретическая идея, но и внутренняя потребность, которая «постепенно зрела, крепла и развивалась» исключительно «под действием практических и домашних нужд»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы. С. 47.

<sup>2</sup> Там же. С. 196.

<sup>3</sup> Там же. С. 61.

Рассуждая о «новеллах» 1884 – 1889 гг., Г.А. Джаншиев отмечает те изменения в общественном сознании и мировоззрении, которые произошли благодаря реализации реформ. Он пишет, что против разделения властей не решаются уже высказываться «с прежней откровенностью и только для уездов признается польза “властной руки”, т.е. смешение власти»<sup>1</sup>.

Тем не менее, тенденция усиления контроля за судебными институтами со стороны администрации проявлялась на разных уровнях функционирования правовой системы: доступ в комиссию, составляющую списки очередных присяжных, уездных исправников и полицмейстеров; усиление дисциплинарной власти министра юстиции; появление губернских присутствий для рассмотрения жалоб в кассационном порядке; и, наконец, «Положение о земских начальниках». Вторая тенденция изменений, на которую указывает Г.А. Джаншиев – «недоверие к коллегиальному началу и предпочтение личной власти»<sup>2</sup>. По мнению автора, все это явно не способствует укреплению независимости суда и росту его авторитета.

Подводя итоги, можно отметить, что разделение судебных и административных институтов Г.А. Джаншиев рассматривал как системообразующий фактор реформы 1864 г. Соответственно, в своей работе он выступал в качестве последовательного защитника независимости суда. Автор «историко-юридических этюдов» прекрасно осознавал необходимость соотношения любых новаций с теми социальными и политическими контекстами, в которых они реализуются. Но это не мешало ему искренне верить в способность хорошо организованной институциональной системы оказывать позитивное влияние на развитие общества. Не трудно заметить, насколько оценки Г.А. Джаншиева перекликаются в этом вопросе с идеями П.И. Новгородцева. В статье, посвященной анализу теории немецкой исторической школы, автор концепции «возрожденного» естественного права пишет: «Если историзм знаменует собой преклонение перед историей, *то рационализм, как логическое орудие естественного*

---

<sup>1</sup> Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы. С. 8.

<sup>2</sup> Там же. С. 187,193.

*права, включает в себя идею критики и суда над ней; то есть протест личного нравственного сознания против отживших свой век установлений.* Как требование новых путей, он является выражением личной воли и мысли, стремящихся формулировать новые задачи и их решения. Современной науке известно, насколько это формулирование совершается в зависимости от исторических условий. Но именно этим объясняется, что удачно выраженная идея способна охватывать общество и направлять его на новые пути, становясь организующей силой истории»<sup>1</sup>.

В качестве оппонента историкам права, отстаивающим либеральные позиции, выступал автор обобщающего труда «Суд и полиция», В.Я. Фукс. Критикуя пореформенную систему по всем направлениям, он, тем не менее, осторожно признавал, что теорию независимости суда от администрации, по существу, можно считать правильной<sup>2</sup>. Чем, очевидно, подтверждал приведенную выше мысль Г.А. Джаншиева, что 80-е – 90-е гг. XIX века в российской интеллектуальной среде открытых противников этой концепции уже не осталось.

Однако, основной подход В.Я. Фукса к анализу пореформенной судебной системы, несомненно, ближе всего к идеям национального развития права в духе немецкой исторической школы. Любые преобразования, по его мнению, в первую очередь должны соответствовать «законам историко-органического развития страны» и ее современным «нравственным и экономическим условиям»<sup>3</sup>. Поэтому, по мысли автора, образцы французского или английского судов не могут быть заимствованы в России. В странах Европы правовые системы формировались в условиях политической борьбы и приобрели, в результате, разные национальные формы. Несомненно, симпатии В.Я. Фукса на стороне более консервативных английских судебных институтов. Но, как бы там ни было, Россия, с его точки зрения, не была готова в момент проведения реформ к полному освобождению суда от административной зависимости. До вступления

---

<sup>1</sup> *Новгородцев П.* Историческая школа юристов. С. 16-17.

<sup>2</sup> *Фукс В.Я.* Суд и полиция: В 2-х ч. М.: Университетская типография, 1889. Ч. 2. С. 12.

<sup>3</sup> *Фукс В.Я.* Суд и полиция. Ч. 1. С. I.

«в этот фазис своего развития, – отмечает автор исследования, – суд должен был пройти через другую, не менее важную, но еще более сложную стадию, заключающуюся в постепенной замене первоначального самосуда разных общественных групп судом государственным», общим для всех сословий<sup>1</sup>. Интересен уже тот факт, что само определение «государственный» используется В.Я. Фуксом практически исключительно в контексте административной власти и контроля.

Жесткой авторской критике подвергаются принципы несменяемости судей, разделения суда на мировой и коронный, идея выборности мировых судей и присяжных заседателей, полный отказ от системы формальных доказательств. Среди негативных последствий реализации реформы В.Я. Фукс выделяет: нарушение единства управления, «хронический раздор между судом и администрацией», политизацию судей, «общественный самосуд»<sup>2</sup>.

Критикуя концепцию несменяемости судей, автор исследования аргументирует свою позицию тем, что на Западе этот принцип был выработан для их защиты от политической зависимости, что для России, по мнению В.Я. Фукса, не актуально. Разработчики судебной реформы преследовали иную цель, руководствуясь опасениями, которые, с его точки зрения, совершенно не имеют под собой серьезных оснований. В.Я. Фукс с возмущением отмечает, что главной причиной «для несменяемости судей в России признана была не борьба политических партий, как на Западе, но вмешательство в дело суда начальствующих над судьями или сильных по положению в обществе лиц... как на Востоке, например, в Турции или в Китае!»<sup>3</sup>.

Таким образом, формально соглашаясь с положениями теории разделения властей, автор труда «Суд и полиция», опираясь на исторический анализ развития правовых институтов в России, склоняется к необходимости сохранения традиционной системы административного контроля за судебными учреждениями.

---

<sup>1</sup> Фукс В.Я. Суд и полиция. Ч. 1. С. 3.

<sup>2</sup> Там же. С. 95,172.

<sup>3</sup> Там же. С. 93.

Безусловно, в 70-е – 90-е гг. XIX в. выпускались не только крупные обобщающие труды юристов по истории суда, но и появились публицистические издания и многочисленные статьи, затрагивающие вопросы пореформенного судопроизводства, пересмотра Судебных уставов, взаимодействия судебных и административных институтов<sup>1</sup>. Поскольку анализ такого рода работ выходит за рамки предложенной нами темы, отметим только, что правовые идеи составляли в этот период значительный пласт интеллектуальной культуры и активно использовались в социальной полемике. В свою очередь, в трудах историков-правоведов второй половины XIX в. сохранялась жесткая эмоционально окрашенная риторика по отношению к позиции оппонентов, что сближало их с публицистикой.

В целом, можно сделать вывод о том, что в изучаемый нами период концепция разделения властей закрепились как базовая теоретическая установка, в той или иной степени разделяемая всеми авторами. Однако проблема независимости судебной системы от административных институтов сохраняла свою практическую актуальность и оставалась в фокусе идейных столкновений. Позиция историков-правоведов по этому вопросу определялась как их социально-политическими убеждениями, так и воспринятыми ими научными концепциями происхождения и развития права. Точка зрения авторов во многом зависела от того, как они оценивали возможности заимствования и успешной интеграции европейских судебных институтов в рамках российской правовой системы. Значительное влияние на авторскую позицию оказывали, на наш взгляд, и доминирующие в обществе мировоззренческие установки, связанные с пониманием того, что для России «наибольшее зло». Не случайно в работах либерального направления любые варианты административного давления определяются как проявления «деспотизма» и дестабилизирующий фактор, а в исследовании В.Я. Фукса понятие «административный» – практически синоним слова «государ-

---

<sup>1</sup> Головачев А.А. Десять лет реформ. СПб: Типография Ф.С. Сушинского, 1872; Птицын В. Пересмотр наших судебных законов. СПб: Паровая скоропечатня «Надежда», 1895; и др.

ственный», гарантирующий стабильность. А вот принцип выборности и малейшая возможность общественно-политического влияния на формирование и деятельность суда сразу возводятся автором в ранг «самосуда». Либералы, напротив, признавая необходимость сохранения независимости правовой системы от политических партий и социальных группировок, оставляют, тем не менее, за обществом право контроля, считая, что это один из ключевых механизмов, ограждающих суд от вмешательства административных институтов.

## **ЦЕРКОВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА II И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПРИХОД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Либеральные реформы Александра Освободителя, имевшие огромное значение для жизни российского общества в целом, коснулись также и Русской Православной церкви, духовенства и прихожан. Преобразования, проводившиеся императорским правительством, но инициированные либеральными кругами общества, привели к изменению социального статуса духовенства в направлении постепенного раскрепощения и обретения необходимых гражданских прав, а также к трансформации приходской системы церковного управления, в которой появились элементы выборности. Оба процесса протекали параллельно и в перспективе преследовали одну общую и важную цель – добиться, хотя бы и в рамках самодержавной системы, самостоятельности церкви как в делах, касающихся внутреннего церковного управления, которое требовало своей оптимизации, так и в отношениях с обществом и государственными институтами. Открыто высказывалось мнение о восстановлении патриаршества. Понятно, что подобные настроения вызывали определенные опасения в кругах высокопоставленных чиновников и приближенных императора, а также среди представителей высшей церковной иерархии, многие из которых входили в Св. Синод.

2 августа 1864 года вышло «Положение о приходских попечительствах при православных церквях», которое по своему значению для церковной жизни было так же важно, как и учреждение земств в том же году для светской. И церковно-приходские попечительства (сокращенно ЦПП), и земства преследовали похожие цели, каждая в своей области, основывались на выборных началах, являясь органами общественного самоуправления, и имели много других

общих черт, вплоть до того, что они одинаковым образом были поставлены, будучи порождением либерального реформаторства, под жесткий контроль государства. Круг деятельности попечительств охватывал поиски средств на содержание причтов, церковных зданий, библиотек, приходских школ, домов для духовенства, больниц, богаделен и приютов. Кроме финансовых забот, на плечи духовенства ложилась забота о воспитании и обучении детей бедствующих семей, чтобы предотвратить их нужду в будущем<sup>1</sup>. Попечительства подыскивали работу для безработных и бедных. Функционирование ЦПП должно было сделать общественную роль церкви максимально продуктивной.

Согласно «Положению о приходских попечительствах», они создавались «для попечения о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также об устройстве первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода»<sup>2</sup>. Члены попечительств должны были выбираться из лиц, «отличающихся благочестием и преданностью вере православной»<sup>3</sup>. Поначалу попечительства задумывались как приходские советы. Предыстория их создания вкратце такова. В разных губерниях, в том числе и Симбирской, существовали поселения из отставных нижних чинов, так называемых «пахотных солдат». При этих поселениях действовал институт церковных ктиторов, избиравшихся из военных офицеров для распоряжения церковным имуществом. С передачей в 1857 г. поселений из военного в удельное ведомство все права и обязанности по отношению к ним перешли на последнее, но в силу того, что с исчезновением должности церковных ктиторов удельное ведомство оказалось лишено тех средств, которыми располагало военное, министр императорского двора распорядился вместо ктиторов создать особые советы из прихожан во главе со священниками и выборными старостами. Предполагалось, что они будут заниматься исключительно церков-

---

<sup>1</sup> Римский С.В. Церковная реформа Александра II // Вопросы истории. 1996. №4. С. 44; Освальт Ю. Духовенство и реформа приходской жизни. 1861-1865 гг. // Вопросы истории. 1993. №11-12. С. 146.

<sup>2</sup> Полное Собрание Законов Российской Империи. СПб., 1887. Т. IV. №41144.

<sup>3</sup> Там же.

но-хозяйственными вопросами<sup>1</sup>. Именно эти советы и стали прообразом будущих церковно-приходских попечительств.

Особое Присутствие следующим образом охарактеризовало смысл создания приходских советов: «Предполагаемое новое учреждение имело бы значение тем более благонадежное для пользы церкви, для дел человеколюбия и самого благочестия, чем более могло бы оно сохранить характер исключительно церковный и даже принять где можно наименование и правила древних русских церковных братств, состоявших под ближайшим руководством священника и дававших обет заботиться не только о нуждах церкви и делах человеколюбия, но и о водворении в членах братства добрых нравов и жития христианского. Такие тесные союзы с церковью не только упрочили бы материальные ее средства, но были бы, без сомнения, самым вожделенным залогом для других высоких целей... Посему первой потребностью для осуществления цели, предположенной в учреждении приходских советов было бы обращение особенной заботливости епархиальных преосвященных на восстановление и учреждение братств при приходских церквях по древним их уставам. ...В тех местах, где не устроятся церковные братства, необходимо обратиться к образованию приходских советов в качестве учреждений церковно-гражданских, требующих только соглашения этих двух элементов, но не совершенного их слияния в форму чисто церковного или религиозного учреждения»<sup>2</sup>. Как отмечает А. Папков, из вышеизложенного видно, что Присутствие, «приступая к важной задаче оживления и упорядочения в России церковно-общественной жизни, имело в виду как устройство в некоторых местностях России и Сибири церковных советов, так и восстановление братств»<sup>3</sup>. Один из членов Присутствия, киевский митрополит Арсений предложил заменить слово «церковный совет» словом «братство». Мотивировал он это так: «Но что всего здесь опаснее, так это то, что какой-либо услужливый толкователь, для своих секретных целей, народу шепнет, что это учреждение и название заимствованы от церквей иноверных тогда ни-

---

<sup>1</sup> Папков А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900. С. 4-5.

<sup>2</sup> Там же. С. 8-9.

<sup>3</sup> Там же. С.11.

какие объяснения и убеждения на народ не подействуют, и он, из опасения заразиться иноверием, будет смотреть на учреждение с иноземным названием или равнодушно и холодно, или даже враждебно. Хорошо православный народ знает церковное братство..., о церковном же совете теперь он в первый раз услышит и, вероятно, не легко и не скоро убедится, ...как в нужде и пользе учреждения, так и в истинном его значении»<sup>1</sup>. В результате долгих споров решено было остановиться на более благозвучном и привычном русскому уху названии «попечительство».

Члены Присутствия понимали, что создавать церковно-приходские попечительства следует постепенно, приравниваясь к местным условиям. Поэтому предполагалось ввести ЦПП в виде опыта на три года, причем не одновременно и сразу, а «по мере удобств и возможности». На практике предстояло выработать те формы деятельности ЦПП, которые будут «полезными». На епархиальных архиереев возлагалась обязанность учитывать потребности тех или иных приходов при создании попечительств, но так, чтобы это не противоречило «Положению» о ЦПП<sup>2</sup>.

Председателя попечительства прихожане должны были выбирать из своей среды. Церковные реформаторы отдавали себе отчет в том, что успех попечительств в огромной степени будет зависеть от того, какое участие примут в их деятельности люди, пользующиеся в приходе нравственным влиянием и имеющие достаточные финансовые средства. Основная масса прихожан была бедна, и таких людей было немного. В большинстве сельских приходов к почетным прихожанам принадлежали крупные и средние землевладельцы – помещики, многие из которых сами устроили церкви в своих имениях, другие же старались материально поддерживать приходские церкви. Вряд ли можно было ожидать, что они, привыкшие сами распоряжаться делами, теперь поручаемыми ЦПП, согласились бы принять в них участие в качестве рядовых членов наравне с бывшими своими крестьянами и к тому же под председательством

---

<sup>1</sup> Там же. С.11.

<sup>2</sup> Там же.

приходских священников, которые по своему образованию и положению в обществе находились гораздо ниже их.

Статья 10 проекта о попечительствах определяла состав и порядок действий общего собрания прихожан. Первоначально предполагалось составить собрание из всех домохозяев прихода, а также из прихожан, имеющих право участвовать в собраниях городского и сельского обществ или дворянских<sup>1</sup>. Но в этом случае от участия в выборе членов ЦПП был бы отстранен широкий круг лиц, не владевших недвижимой собственностью в приходе – мелкопоместные дворяне, учителя, врачи, чиновники, иногородние купцы, ремесленники и пр. Поэтому в итоге решено было допустить к выборам в ЦПП всех прихожан, независимо от их имущественного положения. Вопросы в общем собрании прихожан решались большинством голосов. Для утверждения каких-либо сборов на нужды церкви требовалось не менее две трети голосов<sup>2</sup>. Признавалось полезным, чтобы в состав ЦПП вошли представители волостного управления в целях взаимодействия попечительств и волостных органов.

Процесс создания церковно-приходских попечительств на местах растянулся на долгие годы, протекал чрезвычайно трудно и зачастую замедлялся отсутствием должной решительности и энергии у духовенства и нежеланием участвовать в инициативах церкви у прихожан. В отличие от земств, попечительства не приобрели популярность среди населения. Верующих отталкивали два очевидных обстоятельства: формализм приходской реформы (многие справедливо полагали, что создание ЦПП – это просто иной путь отобрать у прихожан деньги на содержание причта, чего не удалось добиться прямыми поборами за требоисправления), и, – что лишь подтверждало первое, – подконтрольность новых органов самоуправления государственной и епархиальной властям. Епископ Симбирский и Сызранский Гурий писал в 1905 г., что деятельность попечительств нельзя назвать успешной<sup>3</sup>. Причина этого заключалась отчасти в самом «Положении» о попечительствах, отчасти – в неустроенности быта при-

---

<sup>1</sup> Там же. С.31.

<sup>2</sup> Там же. С. 18.

<sup>3</sup> Симбирские епархиальные ведомости. 1906. №2. С. 63.

ходских священников. «Положение» среди задач попечительств на последнее место ставило благотворительность, хотя именно это должно было бы являться приоритетным направлением их деятельности<sup>1</sup>. Существенно, что сфера полномочий ЦПП была весьма ограниченной. По справедливому замечанию А. Папкова, «устранение приходского попечительства от контроля над церковными суммами (из опасений вмешательства прихожан во внутреннее хозяйство церкви) не могло не подрывать на первых же порах самостоятельности нового учреждения, не могло не отражаться отрицательно на успешности его трудов по обеспечению храма и причта, так как истинное материальное положение их ускользало от его знания и влияния, наконец, колебало авторитет попечительства и возбуждало сомнения в устойчивости этой формы»<sup>2</sup>. Опасения по поводу того, что прихожане через ЦПП будут вмешиваться в дела церковного хозяйства, выглядят странными, если учесть, что вне попечительств те же самые лица помогали церковным старостам ревизовать церковные суммы<sup>3</sup>.

Прихожанам так и не было предоставлено право выбора священника и других членов причта. Это обстоятельство затрудняло деятельность ЦПП в плане сбора средств для причта. ЦПП оказались лишены и такой важной функции как посредничество при различных недоразумениях и конфликтах между духовенством и верующими. По мнению Присутствия, это негативно отразилось бы на главной задаче ЦПП – решении хозяйственных проблем. Присутствие сомневалось в беспристрастности мнения членов ЦПП, а также полагало, что функция примирительного суда, ввиду смешанного состава попечительств, создаст ненужные трения между прихожанами и причтом. А.Папков пишет, что «Присутствие как будто забывало о том, что рассчитывало при учреждении церковно-приходских попечительств на лучших людей прихода. Было ли достаточно оснований у Присутствия выказать к этим людям с самого начала недоверие и заподозривать огульно этих лучших представителей общества в мелочности побуждений и в пристрастном и личном отношении к делу примире-

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Папков А. Начало возрождения церковно-приходской жизни... С. 42.

<sup>3</sup> Там же. С. 42-43.

тельного разбора, если бы оно было им вверено?»<sup>1</sup> По тем же причинам Присутствие отклонило предложение главноуправляющего 2-го отделения канцелярии Его Императорского Величества о предварительном соглашении епархиальных властей с земскими учреждениями перед открытием ЦПП. Это было бы целесообразно, поскольку по законопроекту о земствах предполагалось допустить представителей церкви к участию в земских делах. Однако Присутствие посчитало, что такая мера поставила бы епархиальных архиереев в зависимость от мнения земств<sup>2</sup>. Недоверие к прихожанам явственно просматривалось и в колебаниях Присутствия относительно допущения общественной инициативы в деле открытия попечительств; «излишне было бы допустить правило, чтобы церковноприходские попечительства вводились непременно во всех приходах, в которых известное по пропорции населения число прихожан станет о том просить...»<sup>3</sup>

Таким образом, проект о попечительствах страдал целым рядом существенных недостатков, которые делали проблематичным повсеместное введение ЦПП и их успешное функционирование в будущем. В ответ на недоверие к себе со стороны церковных властей приходские общества платили той же монетой по отношению к служащему духовенству и его инициативам. Как верно отмечал епископ Гурий, необходимо было сначала освободить «приходского пастыря от всяких полицейских обязанностей, от всего, что пахнет сыском; нужно искоренить из души пастыря воспитанное веками рабское чувство и чрез то развить в нем сознание своего пастырского достоинства»<sup>4</sup>.

В средне-волжских епархиях процесс образования попечительств проходил довольно успешно. Первые попечительства здесь были созданы уже осенью 1864 года. В рапорте священника Николаевской церкви с. Погромного Бузулукского уезда Самарской губернии говорилось: «По сим Его Императорского Величества Указ последовавшего из Самарской Духовной Консистории от 23 ок-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 47.

<sup>2</sup> Там же. С. 48

<sup>3</sup> Там же. С. 26.

<sup>4</sup> Симбирские епархиальные ведомости. 1906. №2. С. 64-65.

тября 1864 года на имя села Погромного священнослужителей с приложениями Высочайше утверждёнными во второй день Августа 1864 года правилами положения о приходских Попечительствах при Православных Церквях: жители ... были собраны на мирскую сходку ...; избрали из среды себя Приходского Попечителя односельца своего Государственного крестьянина Гавриила Егорова Кирбятёва, отличающегося доброю нравственностью и прилежанием к Православию имеющего от роду 30 лет и ему кандидата того села Государственного крестьянина Филипа Федотова Сизова сроком на три года»<sup>1</sup>. Настоятели Преображенской и Успенской церквей г. Самары отмечали, что при их церквях городские попечительства открыты в 1865 году<sup>2</sup>. К концу XIX в. попечительства охватили своей деятельностью 80% приходов Самарской епархии и 33% приходов Симбирской<sup>3</sup>.

Хотя попечительства создавались по инициативе духовенства, в выборах принимало участие все взрослое население прихода. Председатель и его помощники-попечители выбирались из мирян. Однако зачастую они пренебрегали возложенными на них обязанностями. Например, в с. Борисовка Бугурусланского уезда Самарской губернии, по мнению священника П. Ясинского, «безуспешность попечительства происходила частью оттого, что в составе попечительства не было лиц, которые бы добросовестно относились к своим обязанностям, а большей частью оттого, что общество прихожан вместо того, чтобы желать и видеть пользу попечительства для церкви и прихода, смотрят на него с грубым расположением»<sup>4</sup>. Иногда случались и досадные инциденты: «Все избранные попечители религиозны, энергичны, трезвы, – писал священник с. Романовки Николаевского уезда, – но подавлены крайне пьяным обществом. Предводитель пьянства – сельский староста с подобными себе избранниками, минуя попечителей и духовенство, самовластно подряжают к храму рабочих за неслыханную цену, задают деньги и помыкают попечителями. Мастера почти с

---

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1031. Л. 17.

<sup>2</sup> Самарские епархиальные ведомости. 1867. № 23. С. 565.

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 198. Л. 7; ГАУО. Ф. 134. Оп. 8. Д. 605. Л. 20.

<sup>4</sup> ГАСО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 434. Л. 46-47.

первых дней уродуют работу. Попечители доводят эти факты до общества. Общество ограничивается легкими замечаниями и снова дает деньги мастерам. Отчего работа под конец делается из рук вон плохой или же совсем прекращается»<sup>1</sup>. Во многих местах прихожане отказывались создавать попечительства. Были нередкими случаи, когда ЦПП распались вскоре после своего открытия. Священник с. Ивановки Николаевского уезда сообщал, что «народ неохотно мирится с попечительством, потому что общественные суммы, которые прежде тратились им непосредственно, ныне отчисляются в попечительство»<sup>2</sup>. Попечительство при кафедральном соборе города Самара не было открыто, так как прихожане «не изъявляли желания принять на себя звание Попечителя»<sup>3</sup>.

В формировании попечительств существенную роль играл состав населения прихода. Из рапорта священника Николаевской церкви с. Тиликовки Николаевского уезда следует, что именно преобладание раскольников помешало открыть попечительство: прихожане «по малочисленности своей против раскольников ничего не могут сделать, а раскольники совершенно отказались...»<sup>4</sup>. Часто прихожане не понимали, для чего нужны попечительства. Сельский священник Бенедиктов писал: «волостное правление ( в с. Герасимовка Бузулукского уезда Самарской губернии – А.М.), выдавая церковному старосте положение 2 августа, ничего не сказало и не объяснило того, что в нём содержится. Потому-то не видя от своего начальства внушения, и признавая положение обманом со стороны духовного начальства», крестьяне отказались открыть попечительство»<sup>5</sup>.

Взаимоотношения между благочинными собраниями и председателем ЦПП регулировались «Правилами для съездов духовенства по благочиниям», где в § 10 было записано: «Если при церквях имеются приходские попечительства, то на заседания благочинных собраний, могут быть приглашены председатели Попечительств с правом голоса только в тех случаях, когда собрание за-

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 39-40.

<sup>2</sup> Самарские епархиальные ведомости. 1870. №5. С. 111.

<sup>3</sup> Там же. С. 565.

<sup>4</sup> ГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 5966. Л. 52.

<sup>5</sup> Там же. Д. 4397. Л. 9-10.

нимается обсуждением вопросов, касающихся Приходских Попечительств, или таких предложений, осуществление которых зависит от средств Приходских Попечительств»<sup>1</sup>.

Благочинные часто сетовали на то, что ЦПП «совершенно не занимаются просвещением и благотворительностью»<sup>2</sup>. По их мнению, задачи и предназначение попечительств понимаются прихожанами неправильно: «прихожане и большинство священников смотрят на них как на комиссии для постройки и украшения церквей. Поэтому попечительства развивают свою деятельность лишь, когда производится работа по строительству или украшению церквей. Кончается эта работа, замирает и деятельность ЦПП»<sup>3</sup>. При этом на украшение и ремонт церквей попечительствами тратились большие суммы. Так, попечительство при Архангельской церкви г. Карсун Симбирской губерния затратило на ее ремонт более тысячи рублей<sup>4</sup>. В 1909 г. попечительствами Симбирской епархии на постройку, ремонт и украшение церквей было израсходовано до 112 тыс. руб. Частные лица пожертвовали для этих целей до 50 тыс. руб.<sup>5</sup>

В начальный период организации ЦПП прихожане не всегда понимали, для чего они нужны, поэтому дела попечителей часто были лишь на словах. В качестве характерного примера можно привести записку священника с. Малая Глушица Самарской губернии к сельскому сходу: «...Всем вам известно, что три года уже открыто у нас церковно-приходское попечительство, три года уже некоторые из вас состоят членом этого попечительства ... для действий и целей благотворительных, для устройства лучшего порядка по церкви и приходу ..., но слышен лишь ответ будто не знаете, зачем учреждено у вас попечительство, что делать попечителям. Сделано очень мало ..., распаханно несколько земель на предмет улучшения храма и только. Между тем сами видите, что ограда церковная у нас ветха, колокол у нас мал и не достаточен ..., помещение для шко-

---

<sup>1</sup> Самарские епархиальные ведомости. 1892. №9. С. 402-403.

<sup>2</sup> ГАУО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1118. Л. 25.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. Оп. 8. Д. 910. Л. 28.

лы выбрано неудобное и неудобное для занятий ...»<sup>1</sup>. Эта записка возымела своё действие, и уже через год тот же священник сообщал: «Слово моё нашло сочувствие в большей части прихожан ..., попечителями подряжен мастер для окраски церковной ограды и для переделки папертей или входов при дверях церковных. Распахано обществом одиннадцать десятин земли хозяйственного размера с тем, чтобы прибыль с них обратить в пользу приходского храма (на покупку большого колокола)... Собрано со съёмщиков питейных заведений 350 рублей, пожертвовано съёмщиком общинной земли в пользу попечительства 43 рубля»<sup>2</sup>.

Замечания благочинных о том, что попечительства уклоняются от исполнения своих прямых задач – в сфере благотворительности (на деле, помощи духовенству и бедным прихожанам) и просвещения – не лишены основания. Попечительства считали приоритетным направлением своей деятельности постройку, ремонт и украшение храмов, а не оказание финансовой помощи духовенству, церковно-приходским школам и т.д. Вот, например, как действовали попечительства Николаевского уезда Самарской губернии. В слободе Пестравка местное общество произвело окраску храма снаружи и исправило железную крышу. Было затрачено 550 рублей. В с. Вязовка попечители построили священнику дом за 450 рублей; приобрели новый колокол 184 пуда за 470 рублей. В с. Подъём попечительство выручило от посевов хлебов 443 рубля, двести из которых было потрачено на покупку риз<sup>3</sup>. В начале XX века сбор средств попечительствами вызывает волнения среди прихожан<sup>4</sup>. Они отказывались жертвовать на церковь. В рапорте за 1907 г. одного из благочинных Бузулукского уезда Самарской епархии говорится, что «попечительства существуют лишь номинально, деятельности никакой не проявляют, так как не имеют средств»<sup>5</sup>. Сократились пожертвования, а следовательно и расходные суммы. Если в 1902 г. по 2-му округу Самарской епархии было израсходовано более 14 тыс. руб-

<sup>1</sup> Самарские епархиальные ведомости. 1868. №5. С. 97-98.

<sup>2</sup> Там же. 1869. №5. С. 111-112.

<sup>3</sup> Там же. 1868. №8. С. 189-190.

<sup>4</sup> ГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 497. Л. 38-39.

<sup>5</sup> Там же. Оп.6. Д. 7001. Л. 18.

лей<sup>1</sup>, то в 1912 г. – лишь 2 тыс., так как «значительная часть пожертвований уходила на нужды строительных компаний»<sup>2</sup>. В результате между руководством церковно-приходских попечительств и причтами возникали разногласия и споры. Таким образом, расчеты правительства на то, что ЦПП помогут решить проблему с материальным обеспечением духовенства, причем не за счет казны, а за счет прихожан, – не оправдались. Правительство и верхушка церковной иерархии пожертвовали серьезной реформой прихода ради достижения весьма сомнительной возможности улучшить отношения между причтом и верующими, так как влияние церкви в народе неуклонно падало, а власти стремились как раз к обратному. В попечительствах увидели мостик, который бы объединил интересы церкви и прихожан. В то же время власти опасались зайти в реформировании слишком далеко. По замечанию западного историка Дж. Фриза, «кампания с открытием попечительств застопорилась, так и не достигнув своей истинной цели. Фактически, попечительства появились в значительных количествах в тех епархиях, где существовали исторически сложившиеся традиции братств, где власти ввели попечительства раньше, или где они были созданы в результате давления епископа»<sup>3</sup>. Неудача с учреждением церковно-приходских попечительств объясняется в конечном счете двойственностью и нерешительностью реформаторской политики.

К началу XX столетия стала заметной тенденция к преобладанию общественного, светского элемента в составе ЦПП, хотя попечительства должны были являться образцом совместной деятельности мирян и духовенства, направленной к их обоюдной пользе. С точки зрения духовенства подобные, светские по составу, органы – в том числе попечительства – не отвечали интересам Церкви<sup>4</sup>. Что же касается мирян, то они, по мере превращения попечительств в преимущественно светские организации, видели всё меньше разницы

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же. Д. 7044. Л. 6-7.

<sup>3</sup> Freeze G. The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. P.292.

<sup>4</sup> Живописная Россия. Т. VIII. Ч. 1. Среднее Поволжье. СПб.-М., 1901. С. 201.

между ними и земствами<sup>1</sup>. Деятельность ЦПП по целому ряду позиций переключалась с деятельностью земств<sup>2</sup>. В этих случаях попечительства проигрывали земствам, так как крестьяне обычно отдавали предпочтение последним<sup>3</sup>. Если же учесть, что основная часть попечительств создавалась именно на селе, становится очевидным, какой серьёзный удар нанесло по системе церковно-общественного самоуправления неудачное соперничество с земством.

Созданная в результате церковной реформы Александра II система церковно-общественного самоуправления имела для жизни церкви и общества важное значение, заключавшееся прежде всего в том, что она была крупным шагом на пути к установлению гражданского общества в России, преодолению сословной замкнутости и ограниченности социальной структуры русского общества. Духовенство Среднего Поволжья перестает быть оторванным от реальной жизни сословием, устанавливает связи с другими социальными группами, прежде всего, с крестьянством, хотя и наталкивается на определенные трудности.

Вместе с тем следует отметить, что церковно-общественное самоуправление было вызвано к жизни усиливающимся кризисом внутри церкви и резким ослаблением ее позиций как носителя идеологических установок, что не могло не тревожить светскую власть в лице императора и его окружения и церковную иерархию в лице членов Св. Синода и епископата. Поэтому понятно, что преобразования преследовали весьма конкретные и ограниченные цели, не претендующие на коренное изменение церковно-общественных, а тем более государственно-церковных отношений.

---

<sup>1</sup> Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914. С. 97.

<sup>2</sup> Там же. С. 95.

<sup>3</sup> Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. VIII. Самара, 1892. С. 43.

## **СПЕЦИФИКА ВЕЩНЫХ ПРАВ В РОССИИ ПЕРИОДА НЭПА**

В эпоху «перестройки» немало копий было сломано по поводу необходимости возврата к «ленинскому наследию», введению рыночных отношений, которые должны были создать в СССР «многоукладную экономику при доминирующем социалистическом секторе». При этом эксплицитные ссылки на опыт НЭПа у руководителей КПСС и не менее явные призывы (например, у И. С. Силаева) к проведению реформ в духе столыпинских, превратили историческую науку в поле идеологической борьбы. При этом подобный подход оказался знаменем времени: экономическая политика была полностью подчинена идеологическим установкам. В историко-юридическом исследовании полезно было бы остановиться на преломлении политики в сфере права и постараться ответить на вопрос, какая юридическая модель собственности была создана в период НЭПа? Целесообразно было бы остановиться и на анализе вопроса, в какой мере эта конструкция оказалась жизнеспособной и отвечала потребностям развития экономики страны?

При проведении первой кодификации советского гражданского законодательства в его сферу включались все имущественные отношения, существовавшие в советском обществе. Однако по мере того как шла разработка норм гражданского права, встал вопрос о развитии смежных отраслей права. Было предложено различать основные и комплексные отрасли, и гражданское право было отнесено к основным отраслям советского права.<sup>1</sup>

Одной из ведущих ролей в гражданском праве стал институт собственности, нормативное регулирование которого в полной мере отражало двойственность политики НЭПа, а именно допущение частного капитала, одновременно, его ограничение. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года в отношении регулирования права собственности содержал те принципы, которые отстаивались в

---

<sup>1</sup> Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2003. С.181.

первую очередь П.И. Стучкой и В.И. Лениным. В частности статья 52 ГК закрепила три вида собственности в Советской России: государственную (национализированную и муниципальную), кооперативную и частную.<sup>1</sup>

Как возникла государственная социалистическая собственность? Первоначально базу государственной социалистической собственности составляло имущество национализированное, то есть экспроприированное государством у помещиков и буржуазии. Согласно статье 22 ГК РСФСР 1922 года в отношении строений различались понятия муниципализации и национализации. Позднее Декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета Народных Комиссаров (ВЦИК СНК) РСФСР от 30 ноября 1925 года «О порядке распределения национализированных и муниципализированных строений и о порядке пользования таковыми» и муниципализированная собственность была признана собственностью государства, находящиеся в хозяйственном управлении местных советских органов.<sup>2</sup>

Другой способ возникновения государственной собственности заключался в производстве товаров, продовольствия, промышленного оборудования на государственных предприятиях. Эта продукция государственных фабрик, заводов и совхозов становилась государственной собственностью по факту. К ней так же относились приобретения в порядке хозяйственно-правовых сделок и договоров, заключённых государством. Кроме этого ГК РСФСР содержал презумпцию, согласно которой государственной собственностью становится всякое имущество, права на которое были утрачены частными лицами: выморочное имущество (статья 418 и статья 433 ГК) и бесхозяйное и бесхозяйственно содержимое имущество (статья 68 ГК).

---

<sup>1</sup> Гражданский кодекс РСФСР//Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991гг. М., 1997. С.112.

<sup>2</sup> Декрет ВЦИК СНК РСФСР от 30.11.1925 «О порядке распределения национализированных и муниципализированных строений и о порядке пользования таковыми». [http://www.lawmix.ru/docs\\_ccsr/7525](http://www.lawmix.ru/docs_ccsr/7525) Данные соответствуют на 24.12.2010.

Наконец основанием для включения имущества в фонд государственной собственности являлась реквизиция и конфискация. Реквизиция проходила с возмездным отчуждением имущества частных лиц в пользу государства, конфискация же проходила на основе безвозмездного отчуждения. Эти два способа часто использовались государством в период политики «военного коммунизма». Отметим, что и в период НЭПа законодательная база реквизиций и конфискаций развивалась, о чем свидетельствует Декрет СНК РСФСР от 17.10.1921 года «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ».<sup>1</sup>

Кооперативная собственность наряду с государственной являлась одним из видов общественной собственности. Она отличалась от государственной по своему происхождению, поскольку возникала вследствие добровольного (а иногда и принудительного) обобществления частной собственности, согласно статьям 61-65 ГК РСФСР.<sup>2</sup> Конструкция ассоциативного объединения в институте кооперативной собственности способствовала тому, что в социалистическом кооперативе носителем права собственности становились сами трудящиеся (коллектив). Различия между государственной и кооперативной собственностью можно проследить на примере совхозов и колхозов. В отличие от совхозов, являющихся государственными предприятиями, созданными на средства государства, колхоз являлся добровольным объединением крестьян, созданным на средства самих крестьян.<sup>3</sup> Дело в том, что земля согласно статье 21 ГК РСФСР не могла быть предметом частной собственности и предоставлялась государственным учреждениям, хозяйственным организациям и частным лицам лишь на праве пользования: в непосредственное пользование государственным учреждениям и государственным хозяйственным организациям (фабрика, заводам, совхозам). Право частной собственности на землю, недра, воды и леса от-

---

<sup>1</sup> Декрет СНК РСФСР от 17.10.21. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ». <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=ESU;n=17293>. Данные соответствуют 07.01.11.

<sup>2</sup> Гражданский кодекс РСФСР//Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991. М., 1997. С.120.

<sup>3</sup> Гинцбург Л.Я. Курс советского хозяйственного права. Т.1. М.1935. С.187.

менялось, однако право непосредственного пользования землёй предоставлялось трудовым земледельцам и их объединениям, городским поселениям, государственным учреждениям и предприятиям (статья 4 ЗК РСФСР). Более того, земля в РСФСР не оценивалась на деньги.

В постановлении ВЦИК «О введении в действие Земельного кодекса принятого на IV сессии 30 октября 1922 года» устанавливалась собственность Советского государства на весь земельный фонд страны, в связи с чем назначалось проведение инвентарной описи земельного имущества. Все земли сельскохозяйственного назначения находились в заведовании народного Комиссариата Земледелия и его местных органов. Право на трудовое пользование землёй предоставлялось государством в бессрочное пользование земельным обществам или отдельно гражданам без вхождения в состав земельного общества (статья 10 ЗК РСФСР).

Земельный кодекс РСФСР 1922 года предусматривал временную переуступку прав на землю трудового пользования, то есть аренду земли у государства. Однако сдача земли в аренду, по советскому законодательству, должна была быть обусловлена отсутствием хозяйствующего субъекта на земле, например вследствие стихийных бедствий, недостатка инвентаря или смерти собственника крестьянского двора. А так же сдача земли в аренду допускалась на срок одного севооборота, но не более 3 лет отведённого на восстановление ослабленного трудового хозяйства (статья 29 ЗК РСФСР). Более того аренда допускалась только для целей обработки его силами своего хозяйства. Договора об аренде вступали в силу после их надлежащей регистрации в органах государственной власти.

Споры, возникающие в процессе землепользования, решались специально учреждёнными земельными комиссиями (волостными, уездными, губернскими). Председатели комиссий избирались исполнительными комитетами, а остальные члены утверждались им по представлению соответствующих орга-

нов, при этом каких органов не конкретизировалось законодательством (статья 210 ЗК РСФСР 1922).<sup>1</sup>

Нераспределённый земельный фонд находился в ведении Наркомзема.<sup>2</sup> Никакие сделки с землёй не допускались под страхом уголовной ответственности по статье 27 ЗК РСФСР.<sup>3</sup>

В колхозах или в потребительских кооперативах, доходы поступали не государству, а его членам. По сути дела возникающая в результате достаточно хаотичного наслоения законодательства эпохи Октябрьской революции («Декрет о земле») «военного коммунизма», правовая конструкция «трудовой эксплуатации» земли оказалась порочной в своей сути. Граждане РСФСР пользовались ею, образуя трудовые коллективы, по сути дела арендуя землю у самих себя, поскольку совокупность граждан считалась верховным собственником земельного фонда. Это приводило к тому, что сам принцип автономии и ответственности арендатора перед собственником (государством) не реализовывался. По сути дела единственной ответственностью становилась ответственность перед самим собой: извлечь продукт и реализовать его как можно быстрее, заплатив «продналог». Реальных инвестиций в сельское хозяйство подобное правовое регулирование не стимулировало.

Отметим, что Гражданский кодекс РСФСР 1922 года гарантировал существование частной собственности в РСФСР. Статья 54 ГК 1922 года оговаривала, объекты, которые могли входить в категорию частной собственности. К ним относились в первую очередь строения.<sup>4</sup> Декрет СНК РСФСР от 8 августа 1921 года «О пересмотре коммунальными отделами списков муниципализированных домов, которые могут быть переданы коллективам и отдельным лицам» обязывал коммунальные отделы пересмотреть списки муниципализированных домов

---

<sup>1</sup> Постановление ВЦИК от 30.10.1922 «О введении в действие земельного кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва». <http://lawru.info/legal2/se13/pravo13860/index.htm>. Данные соответствуют 07.01.2011.

<sup>2</sup> Гинцбург Л.Я. Курс советского хозяйственного права. М. 1935. Т1. С.172.

<sup>3</sup> Земельный кодекс РСФСР 1922г. <http://www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=0&nd=901775921&nh=0>. Данные соответствуют на 24.12.2010.

<sup>4</sup> Гражданский кодекс РСФСР//Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991. М., 1997. С.118.

и выявить те, которые могли бы быть переданы коллективам жильцов и отдельным лицам, бывшим собственникам.<sup>1</sup> Декретом ВЦИК СНК РСФСР от 21 августа 1921 года «Об условиях и порядке отчуждения муниципализированных строений» маломерными признавались строения с жилой площадью для уездных городов не выше 25 квадратных саженей, для губернских – 50 квадратных саженей и для Москвы и Ленинграда не выше 100 квадратных саженей.<sup>2</sup> При демунципализации бывших владельцев обязывали восстановить дом и содержать его в сохранности в противном случае приватизация, и муниципализация становились обратимыми.

Также к объектам частной собственности ГК РСФСР 1922 года относил имущество, которое могло быть передано по наследству. В первые годы НЭПа право наследования было легализовано, однако, с рядом существенных ограничений, как в отношении круга возможных наследников, так и в отношении предельной суммы наследуемого имущества. Восстановление наследственного права оправдывалось, как необходимостью обеспечить непрерывность производства и обращения в тех областях хозяйства, где было допущено развитие капиталистических отношений, так и соображениями о предоставлении хотя бы некоторого обеспечения ближайшим членам семьи и иждивенцам умершего.<sup>3</sup>

Вместе с тем, вводились ограничения частной собственности граждан, а именно супругам и прямым нисходящим потомкам, предоставлялось право наследования по завещанию и по закону в пределах общей стоимости наследства в 10 000 рублей. Та часть наследства, которая превышала этот размер, уходила к государству. Так же к частной собственности переходящей по наследству можно отнести имущество, относящееся к обычной домашней обстановке и обиходу, за исключением предметов роскоши.<sup>4</sup> Ограничение, на имущество,

---

<sup>1</sup> Декреты советской власти. М., 2009. Т. XVIII. С. 71.

<sup>2</sup> Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 21.08.1924г. «Об условиях и порядке отчуждения муниципализированных строений». <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=ESU;n=18800>. Данные соответствуют 07.01.2011.

<sup>3</sup> Гражданский кодекс РСФСР//Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991. М., 1997. С.171.

<sup>4</sup> Там же. С.172.

переходившее по наследству (10 000 рублей) было направлено на предотвращение накоплений имущества и образования крупной частнокапиталистической собственности.

Закон допускал в виде исключения из общего правила переход по наследству имущества превышающего 10 000 рублей, если это имущество состояло из прав, вытекающих из заключённых органами государства с частными лицами договоров (арендных, концессионных, настрочных и прочих). Это правило возникло потому, что имущество передавалось концессионеру или в аренду в виду невозможности его эффективной эксплуатации государством. Смерть контрагента в договоре концессии или аренды - не повод обременять государство долгами.

Анализ Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, а также Земельного Кодекса РСФСР 1922 года позволяет сделать несколько выводов относительно видов объектов вещных прав.

Во-первых, частная собственность была поставлена в неравное положение по отношению к государственной. Более того, изначально, ГК РСФСР не предусматривал существование частной собственности на промышленные предприятия и землю. Частной собственностью в городах могли являться здания, принадлежавшие товариществам и кооперативам. По сути дела, частная собственность на промышленные предприятия устанавливалась актами, которые не были предусмотрены ГК РСФСР: в частности, в виде договоров концессии, которая регулировалась отдельным концессионным законодательством. Более того, анализ ГК, ЗК и отдельных правовых актов, позволяет сделать вывод не только об ограниченном введении частной собственности, но и о нарушении принципа возмездного ее отчуждения для общественных нужд, которые фактически отождествлялись с интересами государства. Замечу, что подобное положение дел вполне отвечало концепции В.И.Ленина, согласно которой НЭП – временная уступка капитализму.

Во-вторых, следует отметить, что выработанная в РСФСР правовая конструкция «государственной всенародной социалистической собственности»

оказывала фактически негативное влияние на развитие экономики: совокупность советских граждан являлась «верховным собственником» земли, недр, средств производства и всякого отчуждаемого имущества. В подобной ситуации все граждане СССР оказывались пользователями этого имущества, а право частной собственности, основанное на принципе свободного распоряжения имуществом и его приращениями, оказывалось нереализуемым и незащищаемым в судах, место которых заняли «земельные комиссии». Государство в любой момент могло лишиться частной собственности отдельных граждан. Неудивительно, что многие предприниматели в эпоху НЭПа создавали «псевдо кооперативы» и «псевдо артели», выдавая коммерческую по сути деятельность, за «трудовую собственность». Вместо многоукладной экономики возник неконтролируемый «чёрный рынок». Нет ничего удивительного, что единственным выходом из создавшегося положения могла стать политика сворачивания НЭПа и огосударствления всего народного хозяйства, управляемого «верными ленинцами» по указке ВКП (б).

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Бельцер Александр Анатольевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики обучения Поволжской государственной социально-гуманитарной академии

**Бурлина Елена Яковлевна** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета

**Вяльцева Елена Николаевна** – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета

**Заводюк Светлана Юрьевна** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-политических наук Самарского государственного медицинского университета

**Кислухин Николай Владимирович** – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета

**Кобозева Зоя Михайловна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории Самарского государственного университета

**Кутявин Владимир Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета

**Леонтьева Ольга Борисовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета

**Логунцова Екатерина Александровна** – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета

**Малкин Станислав Геннадьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики обучения Поволжской государственной социально-гуманитарной академии

**Маркелов Андрей Юрьевич** – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета

**Матвеев Геннадий Филиппович** – доктор исторических наук, профессор, заслуженный профессор Московского государственного университета, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета

**Мединец Михаил Яковлевич** – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета

**Мендюков Андрей Валерьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических наук Самарского государственного медицинского университета

**Мягков Герман Пантелеймонович** – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета, председатель Казанского отделения Российского общества интеллектуальной истории

**Осипов Николай Иванович** – кандидат исторических наук, доцент

**Сидиванкина Светлана Карольевна** – аспирант Самарской государственной областной академии (Наяновой)

**Цыганова Яна Михайловна** – аспирант кафедры Российской истории Самарского государственного университета

**Чернова Лариса Николаевна** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории средних веков Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, заместитель директора Института истории и международных отношений СГУ по научной работе